

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

**№ 1 (19)
2009**

Сургут
Издательство СурГУ
2009

Издание зарегистрировано в Западно-Сибирском межрегиональном территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (г. Тюмень).

Свидетельство ПИ № 17-0414 от 15 апреля 2002 г.

Выходит два раза в год.

Учредитель и издатель

Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Редакционный совет

Т.В. Волдина, Н.Л. Западнава, А.К. Карпов, В.М. Куриков,
Г.И. Назин (*председатель*),
Н.Я. Стрельцова, Я.С. Черняк, Л.А. Чистова

Редакционная коллегия

Г.А. Выдрина, И.П. Грехова, Ю.А. Дворяшин,
Т.Ю. Денисова (*ответственный редактор*), С.П. Малахов, М.Ю. Мартынов,
В.В. Мархинин (*главный редактор*), В.А. Острейковский,
В.И. Полищук, А.И. Прищепа, Я.Г. Солодкин,
О.И. Усминский, В.Н. Шевченко

Адрес редакции

Т. Ю. Денисовой, СурГУ («Северный регион»),
ул. Энергетиков, 8,
г. Сургут Тюменской обл.,
628412

☎ 8-912-813-72-91

E-mail: denisovasever86@bk.ru

nreg@surgu.ru

www.surgu.ru/sev_reg.htm

Департамент образования и науки
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Сургутский государственный университет ХМАО

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
Издается с 2000 г.

2009

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....6

НАУКА: ИСТОРИЯ

Я.Г. Солодкин

Первые строители Сургута (к 415-летию города).....7

А.И. Прищепа

Пять занимательных эпизодов из истории строительства города Сургута.....12

Д.В. Сердюков

К вопросу о судьбе регионального имущества КПСС (на материалах ХМАО).....18

В.Д. Пузанов

Беломестные казаки на востоке России.....23

В.А. Воропанов

Организация имперской системы правосудия в
Тобольском наместничестве (1782–1796 гг.).....30

Е.А. Максимов

О деятельности Г.В. Розена на Кавказе в 1832-1833 годах.....43

Н.В. Ушакова

Проблема становления и развития русского монашества в домонгольский период
в трудах советских историков 1950-1960-х гг.....49

В.В. Мархинин (мл.)

Периодизация истории политических учений России: социокультурные аспекты.....55

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Б.П. Яковлев, О.Г. Литовченко

Дополнительное образование как субъект сетевого профильного образования.....66

Д.В. Кирилюк

Проблема образования у коренного населения Ханты-Мансийского округа в 1960-1980-х гг.....75

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

А.И. Делицой

О материально-бытовом положении этнических мигрантов из кавказского региона в поселке Солнечный Сургутского района в начале XXI в.....81

М.С. Клепиков

Проблема русского национализма в политических партиях и общественно-политических объединениях четвертого электорального цикла.....84

Т.А. Сироткина

Этнонимы как средство вербализации этнических стереотипов.....89

**М.Ю. Мартынов, Е.В. Дорогонько, В.А. Снисаренко,
Д.С.Дубовец, В.В. Садриева**

Тенденции развития системы охраны труда на предприятиях Ханты-Мансийского автономного округа.....96

Н.П. Бомба

Аналитический обзор проблем малого бизнеса города Сургута в области консалтинговых услуг.....105

А.А. Долгушева

О роли информации в функционировании хозяйственных субъектов.....113

URBI ET ORBI

Е.В. Комлева

«Ядерная ОПЕК»: духовно-гуманитарное обрамление идеи.....119

Н.П. Лебедев

Форма отношения между мужским и женским началом в личности: диалектическая конструкция.....126

Т.Ю. Денисова
Одиночество как условие сопричастности целому.....135

А.А. Хадынская
Литературный натюрморт Г.Иванова.....144

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

В.В. Корнеев
Монокультура.....148

СООБЩЕНИЯ

М.Ю. Мартынов, Г.И. Мартынова
Демократический политический режим и международные отношения.....157

В.Г. Посохов, Д.Н. Шкаревский
Образование немецких поселений в Тобольской губернии
в конце XIX – начале XX в.....160

Т.Ю. Денисова
К вопросу о целесообразности культурологического подхода
к преподаванию истории.....164

Научные форумы.....166

Вести из лабораторий.....167

Панорама выставок.....170

Культурная жизнь города.....172

Конкурсы.....174

Наши авторы.....176

От редакции

Дорогие друзья!

Какие бы «погоды» не стояли на дворе, какие бы социальные и экономические катаклизмы не потрясали наше общество, они не способны помешать движению живой человеческой мысли, подлинно творческой научной деятельности. Мы рады представить Вашему вниманию очередной, девятнадцатый выпуск журнала, львиная доля публикаций в котором на этот раз отводится актуальным вопросам исторических наук. Тематический и проблемный спектр предлагаемых исследований достаточно широк. Вы найдете на страницах журнала статьи и сообщения по политической, социальной, военной, экономической истории нашего города, региона и Отечества в целом, а также историографические работы.

Самые разнообразные по тематике и формату работы представлены в наших традиционных рубриках «Социальные и культурные процессы», «Проблемы образования», «Urbi et orbi», «Приглашаем к дискуссии», «Сообщения».

Мы по-прежнему предлагаем сотрудничество всем заинтересованным авторам. Материалы для очередных выпусков принимаются редакцией постоянно по адресу: г. Сургут, ул. Энергетиков, 8, СурГУ, офис 121, редакция журнала «Северный регион», либо по электронным адресам: denisovasever86@bk.ru, nreg@surgu.ru.

При оформлении текстов статей просим руководствоваться требованиями к публикациям, с которыми вы можете ознакомиться на последних страницах каждого номера журнала. Редакция журнала вправе отклонять материалы без объяснения причин. Напоминаем также, что гонорары журнал не выплачивает, но каждый автор имеет право на три экземпляра журнала, в котором опубликована его статья.

С уважением,
редакция журнала «Северный регион: наука, образование, культура»

НАУКА: ИСТОРИЯ

Я.Г. Солодкин

ПЕРВЫЕ СТРОИТЕЛИ СУРГУТА (К 415-ЛЕТИЮ ГОРОДА)

Интерес к ранним годам существования Сургута проявляли многие ученые [1, с. 79-84], начиная с «отца сибирской истории» Г.Ф. Миллера, который относил возникновение города не только к 1593 г., как часто утверждается [2, с. 33, прим.; 3, с. 436; 4, с. 42 и др.], но и к следующему. П.Н. Буцинским установлено, что крепость в устье Сальмы была заложена в 1594 г, предположительно летом [2, с. 18; 5, с. 178; 6, с. 239, ср. с. 21; 7, с. 312 и др.]. Мнение, что решение о возведении Сургута было принято в 1592 г. [8, с. 79], безосновательно.

А.Т. Шашков полагал, что наказ князю Ф.П. Барятинскому и голове В.В. Аничкову, которых видный сибиревед вслед за Е.М. Главацкой называл воеводами, посылался на Обь [9, с. 174], хотя, согласно этому документу и наказу о «поставлении» «Тарского города», В.В. Аничков (Оничков) выехал с обширной инструкцией из Москвы, а Ф.П. Барятинский, находившийся ранее в Тобольске, именно оттуда двинулся к месту, где уже вырос Сургут. (А.А. Дмитриев, несомненно, заблуждался, полагая, будто худародный князь взял с собой двадцать пермских плотников для строительства «Сургуцкого города», откуда воеводе приказали отвести их «на Тару» [2, с. 33]).

Ровно десятилетие спустя, после того как на правобережье «великой» Оби при впадении в нее речки Бардаковки поднялись стены и башни одного из самых первых русских городов за Уралом, оттуда двинулись тобольские, тюменские, пельымские, березовские, сургутские казаки и стрельцы, сургутские и кодские остяки, юртовские татары, вскоре «срубившие» в низовьях Томи, у реки Ушайки, новую крепость [10, с. 31, 32, 42; 11, с. 203 и др.], надолго ставшую крайним форпостом Московского государства в Сибири, – Томск. Уже в 1680-1681 гг. местный воевода князь И.М. Кольцов-Мосальский (имевший младший придворный чин стольника) и дьяк Ф. Леонтьев по царскому наказу составили разборную книгу – длинный перечень служилых людей томского гарнизона, причем со сведениями об их отцах и дедах. Благодаря этому документу, нам становится известно о десятках первых сургутян, многие из которых, как отмечалось еще Г.Ф. Миллером, участвовали в сооружении «Томского города» [12, с. 78] и осели тут, сделавшись конными или пешими казаками.

К разборной книге томских служилых людей конца XVII в. ученые, прежде всего Д.Я. Резун, обращались неоднократно [13, с. 16; 14, с. 25; 15, с. 176; 16, с. 57; 17, с. 41, 74; 18, с. 38, 138; 19, с. 106, и др.], отметив, что П.М. Головачевым она была издана небрежно [20, с. 23]. Так, в последнее время несколько работ этому документу как источнику по ранней истории сургутского и томского казачества посвятил Д.О. Скульмовский [21, с. 92-98; 22, с. 72-74; 23, с. 15-24].

Судя по «разбору» «предпетровского» времени, тринадцать служилых людей «ставили» и Сургут, и Томск. Это дед казачьего десятника Афанасия Иванова сына Коломна (возможно, он либо его предки ранее жили в Коломне; Иван Коломна числился в составе томского гарнизона еще в 1609 г. [24, с. 328], посланные за «Камень» из Моск-

вы Савин Лудяк, дед Власки Семенова сына Лурохонцева («воложжанин» родом, то есть выходец из Вологды или ее округи), дед Захарки Федорова сына Бардакова, «важенин», иначе говоря, происходивший с Ваги, что в Поморье, отец конного казака Прошки Вершинина Еремей, строивший (до возведения Томска) также Нарымский и Кетский остроги [18, с. 38; 25, с. 86; ср. 24, с. 324; 26, с. 111, 113, 116, 122]; «москвитинном» был дед Афанасия Назарова сына Заева, определенный на время «городового строения» «уставщиком» к плотникам. Таким же «уставщиком» при возведении крепостей в устье Сальмы и на правом берегу Томи, как вспоминал казачий десятник Василий Денисов сын Кручинко, являлся его дед, с которым он и приехал в Томск. «Воложжанином» был дед Омельки Астраханцева, участвовавший и в закладке Кузнецкого острога (весной 1618 г.). Этот острог «ставили» также выходец из Ярославля Иван Пеплинский (видимо, это одно лицо с конным казаком Иваном Теплинским, служившим в Томске, по меньшей мере, 15 лет [24, с. 344-345], надо думать, со времени его основания, отец пешего березовского казака Семена Борисова сына Тупылева. Деды казачьего пятидесятника Никиты Михайлова сына Пускина и Ивана Михайлова сына Куркина попали в Сургут из Новгорода, отец Григория Потапова сына Маслова – из Яренской волости [27, с. 54, 63, 65, 71, 74, 91, 109, 114, 119, 121, 127, 130, 132; ср. 28, с. 78].

Если верить разборной книге Томска конца царствования Федора Алексеевича, туда были переведены строившие «Сургуцкий город» деды Ипатки Иевлева сына Карбышева и Юрия Дементьева сына Бурыхи (в Зауралье их послали из Москвы), уроженец Вологды дед Семена Михайлова сына Астраханцева, очевидно, родственника нам уже известного Омельки, отец «яренчанина» Тишки Потапова сына Маслова (брат которого Григорий, как мы помним, тоже сооружал крепость в бывших владениях остяцкого князя Бардака), дед Никиты Федорова Батранина, погибшего в бытность томским казаком, а стены и башни Томска «рубил» служившие ранее в Сургуте недавние московские стрельцы – деды Романа Иванова сына Кырнаева и Ганьки Иванова сына Карбышева [27, с. 63, 67, 80, 90, 103, 116], дед Степана Иванова сына Коломнина (о родственнике которого, скорее всего брате, уже шла речь) из подмосковного Красного села, дед Петра Иванова сына Лаврентьева, прежде живший в Крапивне близ Тулы, дед Олешки Емельянова сына Саламатова – уроженец Соли Камской, дед Ефтюшки Иванова сына Алпотова, являвшийся москвичом, отец Семена Аркатьева – «лучанин» (то есть проживший в Великих Луках, что неподалеку от Пскова), направленный в Сургут из «царствующего града», а затем «ставивший» Нарым, Томск, Кузнецк, отец Афанасия Амосова сына Мангазеина, служивший вначале «на Березове» (возможно, он, если не кто-то из его родственников, нес службу в «златокипящей» Мангазее [ср. 26, с. 116], попавший на берега Оби из Москвы Кирилл («Кирюха») – отец Ивана и Фоки Медведчиковых [ср. 27, с. 108-109], деды сына боярского Владимира Федорова Аптова, казаков Пешка Исакова сына Истомина, Афанасия Максимова Тупылева (про его родственника Семена мы уже говорили), Михаила Федорова Ярославцева, дед и отец Корнилы Иванова сына Лапина, отцы служивших в крепости на Томи Степана Михайлова Дорохова, Ивана Петрова Брагина, Василия и Исачка Ларионова [27, с. 39, 65, 67, 71, 75, 101-104, 106, 107, 117, 119, 121, 129; ср. с. 59, 121, 123]. Наконец, томская разборная книга времени Федора Алексеевича сохранила сведения о том, что из Сургута в Томск перевели (время не указано) Амоса Голяшихина, отец которого был стрельцом в Соли Вычегодской, Якова Маслова (отца Артюшки и Ларки), возможно, тоже ранее жившего в Яренском уезде, как Потап Маслов, Андрея Ложникова, Лариона Борщинова (также

«яренчанина»), дедов Аркашки Назарова сына Ложникова и Кирюшки Назарова сына Заева, которых «прислали с Москвы» плотничать в заложенный «в верх» Оби город (скорее всего, при его основании, как брата Кирюшки Афанасия), отцов двух Медведчиковых (надо думать, родственников упомянутого прежде «Кирюхи»), Дмитрия Малютина, Ивана Клементьева. Среди служилых людей Сургута находился и дед томского казака Ефтюшки Сыроежкина [27, с. 60, 90, 93, 94, 96-97, 99, 115, 124, 125; ср. 59, 70, 77, 134; 29, с. 29].

Судя по наказу от 19 февраля 1594 г., врученному казанскому дворянину В.В. Аничкову, вместе с ним и князем Ф. П. Бярятинским в строительстве нового русского города «в Сургуте или в Безекове волости в Лумпеках» должны были участвовать 155 служилых людей; им предстояло составить и первый сургутский гарнизон, в 1596 г. пополнившийся на 112 человек. Современник Ермака атаман Тугарин Федоров в челобитной на имя царя Михаила Федоровича уверял, что «в Сургуте тридцать пять лет» выполнял «всякие ... государевы службы летние и зимнии, нартовые и струговые», начиная с «поставления» города (вслед за Пельмом) [18, с. 255; 30, с. 122-123; 31, с. 31-32 и др.]. О других основателях Сургута, кроме письменного головы Владимира Аничкова и воеводы Федора Бярятинского, сведений не сохранилось. Известно, что в 1598 г. остяцких князей Бардака и Туника (Тонему или Кинему) сопровождали из только что «срубленного» Верхотурья в свой город сургутские казаки Иван Беляев и Василий Костромитин [32, с. 28] (быть может, выходец из Костромы), но участвовали ли эти служилые люди в сооружении крепости в устье Сальмы, остается лишь догадываться. Томская же разборная книга, хотя была составлена почти век спустя после закладки «Сургуцкого города», дает возможность установить имена и фамилии (либо прозвища) 18-ти и, предположительно, еще 29-ти казаков, стрельцов и плотников, строивших его и осевших в рядах и местного гарнизона в пятой по счету русской крепости в «дальней государевой вотчине» – Сибири как минимум на десятилетие.

Существует мнение, что Владимир Аничков, получив царский наказ, в одиночку отправился из Москвы в Пермский край и «срубленную» пятью годами ранее на одноименной реке Лозьву, откуда (через Пельм, Тобольск, Обский городок) уже во главе довольно многочисленного отряда служилых людей прибыл на место, где вскоре, утверждая власть самодержца «всей Руси», вырос Сургут [30, с. 92; ср. 33, с. 83]. Теперь можно полагать, что уже в столице началось формирование отряда (из москвичей, жителей Красного села, Ваги, Вологды, Великих Лук), который, увеличившись за счет служилых первых сибирских городов, летом 1594 г. стал сооружать еще одну русскую крепость в «Закаменской стране».

По утверждению А.Т. Шашкова, в строящийся Сургут перевели гарнизон Масуровского (Обского) городка [34, с. 45]. Точнее, годовальщики, которые несли там службу, под началом В.В. Аничкова участвовали в возведении стен и башен крепости на «великой Оби».

С точки зрения Н.И. Никитина, практически все сибирские города, включая Сургут, основали казаки [35, с. 82]. Этот вывод должен считаться преувеличением, ведь в состав «рубивших» зауральские крепости отрядов, находившихся под предводительством воеводы и головы, входили также стрельцы, пушкари, порой и дети боярские, юртовские татары, служилые остяки.

Примечания

1. Солодкин Я.Г. Основание Сургута в отечественной историографии // Современное состояние и перспективы развития этнографических музеев Ханты-Мансийского автономного округа в новом тысячелетии: Мат-лы окруж. науч. конф. – Ханты-Мансийск, 2005.
2. Дмитриев А.А. // Пермская старина: сб. ист. статей и материалов преимущественно о Пермском крае. – Пермь, 1895. – Вып. 6.
3. Ионин А.А. Критико-библиографический обзор неизданной летописи сибирской «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири» // Сибирский архив. – Иркутск, 1913. – № 9-10.
4. Со времен князя Самара: в поисках исторических корней Ханты-Мансийска. – Ханты-Мансийск, 2007.
5. Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: памяти академика М.Н. Тихомирова. – М., 1967.
6. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск, 1989.
7. Вершинин Е.В. Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой орды // Северный археологический конгресс: тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.
8. Атласи Х. История Сибири: Неизвестное о покорении края. – Казань, 2005.
9. Шашков А.Т. К истории Обского (Мансуровского) городка // Великий подвиг народа: Вторые военно-исторические чтения, посвященные 55-летию Победы в Великой Отечественной войне: тез. докл. – Екатеринбург, 2001.
10. Бояршинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1953. – Сб. 3.
11. Бояршинова З.Я., Голишева Г.А. Первый документ о строительстве города на берегу Томи // Из истории Сибири. – Томск, 1970. – Вып. 1.
12. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск, 1990.
13. Бояршинова З.Я. Основание русского города на Томи (к 375-летию г. Томска) // Томску – 375 лет. – Томск, 1979.
14. Резун Д.Я. К характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). – Новосибирск, 1977.
15. Резун Д.Я. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века // Вопросы истории. – 1979. – № 10.
16. Резун Д.Я. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII-XX века. – Новосибирск, 1981.
17. Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. – Новосибирск, 1982.
18. Резун Д.Я. Родословная сибирский фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. – Новосибирск, 1993.
19. Резун Д.Я. К изучению менталитета сибирских землепроходцев XVII в. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI-XX вв. – Новосибирск, 2005.

20. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). – Новосибирск, 2004.
21. Скульмовский Д.О. К оценке томской разборной книги 1680-1681 гг. как источника по ранней истории сургутского казачества // Актуальные направления исследований молодых ученых: мат-лы регион. научно-практ. конф. аспирантов и соискателей. – Нижневартовск.
22. Скульмовский Д.О. К оценке томской разборной книги 1680 – 1681 гг. как источника по ранней истории сибирского казачества // Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: мат-лы всеросс. научно-практ. конф. «III Емельяновские чтения». – Курган, 2008.
23. Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: колл. моногр. – Нижневартовск, 2008. – Ч. 3.
24. Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф. Миллера. – М., 1998. – Кн. 1.
25. Раев Д.В. Именной и биографический словарь служилых людей XVII в. // Тамуженные книги сибирских городов XVII в. (далее – ТКСГ). – Новосибирск, 2004. – Вып. 6: Томск, Нарым, Березов.
26. ТКСГ. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2: Туринск, Кузнецк, Томск.
27. Головачев П.М. Томск в XVII веке: мат-лы для истории города. – Б. м., б. г.
28. Жеребцов И.Л. Коми – жители первых западносибирских городов в конце XVI – первой четверти XVII вв. // Культурное наследие Азиатской России: мат-лы I Сибиро-Уральского ист. конгресса. – Тобольск, 1997.
29. Из истории земли Томской: 1604 – 1917 гг. Сб. док. и мат-лов. – Вып. 1. – Томск, 1978.
30. Древний город на Оби: История Сургута. – Екатеринбург, 1994.
31. Вершинин Е. Жил-был раньше такой атаман ... // Родина. – 2004. – № 5.
32. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. – М., 1982. – Вып. 1.
33. Главацкая Е. «Высмотря место крепкое ... поставить город» // Родина. – 1994. – № 11.
34. Шашков А. Проезжая через Самарово: из прошлого столицы Югорского края // Родина. – 2007. – № 10.
35. Никитин Н.И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 1.

А.И. Прищепина

ПЯТЬ ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ЭПИЗОДОВ ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОРОДА СУРГУТА

До открытия в 1965 г. Самотлорского и последовавших за ним других крупнейших месторождений нефти в Западной Сибири вопросы жилищного строительства не являлись объектом специального внимания местных и государственных органов СССР. В условиях неопределенности перспектив добычи нефти в первой половине 1960-х гг. финансовые средства выделялись экономно, практически только на решение производственных задач.

Организовать освоение нефтяных месторождений «по науке», то есть вначале построить строительную базу, подготовить производственные мощности для нефтяников, жилье для рабочих и служащих, а затем уже приступить к сооружению оборудования по добыче и транспортировке нефти, было просто невозможно. «Научный подход» требовал средств, а их у государства не было.

Положение стало меняться только после принятия XXIII съездом КПСС в апреле 1966 г. решения о создании в Западной Сибири нового нефтегазодобывающего центра, В 1970 г. добыча нефти в этом регионе была доведена до 20-25 млн. т. в год, а газа до 16-26 млрд. куб. м. [1].

После принятия партией этого решения резко возросли капиталовложения в гражданское и жилищное строительство. В Западной Сибири приступили к возведению новых «нефтяных городов».

На начальном этапе градостроительства в Среднем Приобье, в силу его специфических социально-экономических факторов, жилищное и гражданское строительство осуществлялось в отсутствие концепции территориальной застройки этого региона [2].

Новизна и неизученность географических и природно-климатических условий градостроительства на севере Западной Сибири, его номинальное архитектурно-планировочное управление требовало от руководителей строительства нестандартных, самостоятельных решений.

Предыдущий опыт восстановления разрушенных после Великой Отечественной войны городов, когда многие из них фактически создавались на основе образованных СНИПов и представляли собой идеальный тип рабочих поселков с четким функциональным зонированием и жилыми кварталами, представляющими равные условия для проживания населения, не годился.

В Западной Сибири проектировщики и строители столкнулись с отсутствием строительных норм и правил для природно-климатических факторов региона Средней Оби. Существовали нормы и правила для условий теплого и холодного климата, для условий вечной мерзлоты, а для проектирования и строительства на болотах, да еще при очень низких температурах и высокой влажности, норм и правил не было ни в СССР, ни за его пределами. Более того, не существовало никакого наработанного материала, который можно было бы положить в основу разработки таких норм.

По воспоминаниям Ш.С. Донгаряна, в то время заместителя министра нефтяной промышленности СССР, весь 1966 г. ушел впустую на поиски возможности привлечь чьи-то силы и приступить к разработке требуемых норм и правил [3].

В феврале 1967 г. по его инициативе министр нефтегазодобывающей промышленности Д.В. Шашин пригласил в г. Тюмень около тысячи самых известных проектировщиков, ученых, инженеров-строителей, которые в течение двух недель сформулировали пункты «Временных норм и правил...». Через месяц они были утверждены и в течение 20 лет являлись руководством к действию для проектировщиков и инженеров. Отдельные пункты и части этого документа впоследствии вошли в основной СНиП [4].

Можно утверждать, что Западносибирский нефтегазовый комплекс во многом создавался на базе «Временных строительных норм и правил...», созданных и утвержденных Миннефтепромом СССР.

Первыми нефтяными городами в 1965 г. стали поселки Сургут и Урай. Год за годом их число росло. В 1967 г. на карте появился город Нефтеюганск, в 1972 г. – Нижневартовск, в 1980 г. – Мегион. 1985 г. стал годом рождения для Лангепаса, Радужного, Нягани и Когалыма. Затем городами стали поселки Белоярский (1988 г.), Пыть-Ях и Лянтор (1990 г.), Покачи и Юганск (1992 г.), Советский (1996 г.). В ХМАО-Югре было построено 15 городов [5]. Всего же на севере Западной Сибири за время ее нефтегазового освоения был возведен 21 город [6].

Сегодня это может быть показаться странным, но одним из наиболее важных вопросов, которые тогда обсуждались, был вопрос о том, какими должны быть новые города – деревянными или капитальными, «каменными». Сторонниками деревянного «исполнения» городов были подрядчики. Они утверждали, что населенные пункты Среднего Приобья располагаются в таежной зоне, где много леса, из которого на местах можно изготавливать сборные жилые дома и другие здания и сооружения. Кроме того, на территории не было ни камня, ни гравия, ни глины. Все это нужно будет завозить за несколько сот километров при отсутствии железнодорожных и автомобильных дорог и короткой речной навигации, что потребует огромных финансовых затрат» [7].

Нефтяники, которые выступали в роли заказчиков, в свою очередь выражали мнение, что города надо строить из долговечных и нескораемых материалов. Их главным аргументом, к сожалению, до определенного времени не находившим абсолютной поддержки у высоких руководителей, был тот, что нефтяники будут здесь жить и работать сотни лет, и, следовательно, они должны иметь комфортные, надежные жилые дома и всю инфраструктуру. Они стремились доказать, что каждый квадратный метр территории, отвоеванный у болот, будет стоить огромных денег, и поэтому нужно строить многоэтажные дома на свайных основаниях. Немаловажными, на их взгляд, являлись и соображения пожарной безопасности. К тому времени имелись примеры выгорания до основания целых деревянных поселков в условиях ветряных широт Среднего Приобья [8].

Дискуссия затягивалась. Отсутствие решения тормозило проектирование Сургута, Урая и Нижневартовска. Все громче звучали призывы к сдерживанию в них строительства.

В этих условиях заместитель Председателя Совета министров М.Т. Ефремов, после очередного обсуждения у него «градостроительного вопроса в Западной Сибири», принимает решение ознакомиться с характером городского строительства на аналогичной территории, в зоне вечномёрзлых грунтов соседней Финляндии.

В течение недели была сформирована представительная делегация из 8 человек, в которую вошли: Ш.С. Донгарян (зам. министра нефтяной промышленности), Н.Л. Вовченко (зам. министра газовой промышленности), В.И. Муравленко (начальник Главтюменнефтегаза), А.С. Барсуков (начальник Главтюменнефтегазстроя), Огороднов (секретарь Томского обкома КПСС, ведавший вопросами строительства), представитель

Госстроя СССР, начальник Тюменского областного управления лесной промышленно-сти. Делегация ознакомилась с опытом жилищного строительства в окрестностях г. Хельсинки и г. Оулу, а также северного района Лапландии [9].

Вернувшись в Москву, делегация доложила правительству, что в Западной Сибири нефтяные города в основном целесообразно строить многоэтажными, из несгораемых материалов и конструкций [10].

Незамедлительно Госстрой СССР выдал задание ленинградскому Зональному научно-исследовательскому институту экспериментального проектирования (ЛЕНЗНИЭПУ) на проектирование пятиэтажного крупнопанельного дома для г. Сургута.

Высказавшись в пользу «камня», руководители создаваемой строительной индустрии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса должны были определено ответить на вопрос, какие по конструкции и планировке необходимо строить дома в природно-климатических условиях Среднего Приобья.

Когда проект такого дома, изготовленный ЛЕНЗНИЭПом, был готов, его направили на согласование заинтересованным организациям и для сведения в Тюменский обком КПСС Б.Е. Щербине. Первый секретарь Тюменского обкома КПСС «камня на камне» не оставил от проекта. Суть его критики состояла в том, что он не разделял идеи «закрепления человека на севере». По его мнению, решению этой задачи во многом должен был способствовать более комфортный вариант квартиры для северян.

Б.Е. Щербине нужен был такой проект квартиры, из которой человеку, работающему на севере, не хотелось бы выезжать. У Ш.С. Донгаряна сохранился документ, в котором были зафиксированы требования Б.Е.Щербины к такому варианту жилья. Во-первых, из-за недостатка кислорода на севере он рекомендовал увеличить объем квартиры, полагая, что потолки у нее должны быть 3 м, а не 2,5 м, как предполагалось. Во-вторых, учитывая сырой климат и условия работы нефтяников, в каждой квартире должны быть предусмотрены сушилки. Он был категорически против строительства однокомнатных квартир, считая, что одинокий человек должен жить в общежитии, а для семьи из двух человек однокомнатной квартиры недостаточно. В его проекте доминировали четырехкомнатные и трехкомнатные квартиры с двумя санузлами. На первом этаже каждого подъезда предусматривались просторные помещения для проведения совместных торжеств, свадеб, юбилеев. Здесь он планировал места для хранения колясок и велосипедов, учитывая предполагаемую высокую рождаемость в северных городах [11].

Все эти предложения первого секретаря обкома КПСС, безусловно, были приняты. По этому проекту в Сургуте и ряде других городов севера Западной Сибири много лет строились фантастические по тому времени квартиры под названием «сургутский дом».

Однако через некоторое время они были заменены на новый, менее комфортабельный тип. И тоже, кстати, не без участия Б.Е. Щербины. После того как он был назначен министром Миннефтегазстроя, будучи ответственным за решение жилищной проблемы нефтяников и газовиков всей отрасли, он вынужден был понизить «тюменскую планку», когда на каждого работающего приходилось по 70-100 квадратных метров жилья. Б.Е. Щербина с горечью сознавал, что «с таким хоромами не решить жилищной проблемы». Как справедливо отметил Ш.С. Донгарян, «Щербина-реалист наступал на горло собственной песне» [12].

Недостаточное финансирование социального строительства особенно остро сказывалось на организации досуга молодежи, которая все в большем количестве пополняла население новых городов и поселков. Руководители строительных ведомств вынуждены

были предпринимать самые неожиданные, порой нарушающие финансовую дисциплину меры, чтобы удовлетворить растущие досуговые потребности молодых северян.

Так, по воспоминаниям Ю.П. Баталина, в то время главного инженера Главтюменнефтегазстроя, кинотеатры строили в приспособленных бараках, а клубы и культурно-досуговые центры в складских помещениях [13].

Зимой 1966-1967 гг. возглавляемая им группа инженеров главка подготовила проект «Культурно-досугового центра», который включал в себя клуб на 400 мест, фойе, небольшую библиотеку, спортзал и кружковые комнаты. Предполагалось использование денежных средств, предназначенных для строительства складских помещений в пяти городах – Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Светлом и Урае, – для возведения в них таких культурно-досуговых центров.

Для «заговорщиков» важно было обеспечить 100-процентную готовность объектов к сдаче без промежуточных платежей, чтобы не возникали преждевременные недоразумения с банками. Тюменский обком КПСС во главе с Б.Е. Щербиной поддержал этот авантюрный план. Пять культурно-досуговых объектов, включающих Сургутский Дом культуры «Строитель», были введены в строй перед Октябрьскими праздниками 1967 года [14].

Нехватка финансовых средств для развертывания гражданского и жилищного строительства сопровождалась на его начальном этапе катастрофическим дефицитом кадров строительных организаций. Из других регионов в 1965 г. удалось привлечь всего около 500 человек рабочих и специалистов [15].

Для этого использовались все возможные тогда формы набора, вплоть до вербовки рабочих и привлечения на стройки условно освобожденных и условно осужденных. В Сургуте была специально создана «зона» – лагерь заключенных на месте, где сегодня располагается ГПТУ №17. Весь прилегающий к ней небольшой район «Строитель» в народе тогда называли «Бухенвальдом». Здесь же на месте нынешней улицы 30-летия Победы проживали в бараках условно освобожденные заключенные [16]. Всего в 1964 г. на стройках Севера работало свыше 25 тыс. рабочих из заключенных и условно освобожденных граждан [17].

«Летом того же года Сургут принял около полутора тысяч условно-досрочно освобожденных. Среди них были швейники, администраторы, парикмахеры, даже распространители театральных билетов, – вспоминал П.А. Мунарев, – а вот для строительства, где их планировалось использовать, специалистов было очень мало» [18]. Но начинать надо было, и вскоре Сургут превратился в огромную строительную площадку.

Этот же контингент рабочих строил в Сургуте «Завод железобетонных конструкций» для производства свай, дорожных плит, пригрузов для трубопроводов, а затем «Комбинат панельного домостроения» мощностью 140 тыс. кв.м. жилья в год [19]. Труд заключенных использовался так же на строительстве брусчатых домов в Сургуте и Кирпичного завода в Локосово [20].

Весьма своеобразно начиналось строительство ДК «Нефтяник» в Сургуте. Как вспоминали очевидцы, строительство дворца было задумано нефтяниками буквально в первые дни создание НПУ «Сургутнефть». Их мечтам суждено было сбыться в начале семидесятых, когда развернули строительную площадку в центре микрорайона нефтяников. По словам Ш.С. Донгаряна, «вырытый под сваи котлован обнесли колючкой, поставили сторожевые вышки и... привезли заключенных» [21].

Вопреки мнению некоторых авторов о низком качестве работы «зекастроителей» [22], существует и другая точка зрения об их труде. Так, Григорий Северный

пишет, что «зеки оказались на редкость трудолюбивыми. За четыре года им удалось в 4 раза увеличить объемы выпускаемого железобетона» [23]. Высоко оценивал их работу и П.А. Мунарев. Он вспоминал: «Многие «условники», как их тогда называли, стали мастерами своего дела, например, бригадир плотников Герман Степанович Авдюков, награжденный впоследствии по итогам девятой пятилетки орденом Трудового Красного Знамени» [24].

Однако использование этого контингента строителей создавало сложную криминогенную обстановку в новых городах и поселках. Так, во время высадки ночью на пристани Мегиона подвергся смертельной опасности нападения освобожденных уголовников руководитель Главтрубпроводстроя, будущий министр строительства нефтяной и газовой промышленности В.А. Чирской и сопровождавшие его двое мужчин и две женщины. Только своевременное прибытие вооруженных милиционеров позволило утихомирить разъяренных уголовников.

Трагические события произошли в г. Урае. Там в ночь под Новый год, после внезапного понижения температуры до минус сорока градусов, размещенные в палатках условно освобожденные заключенные предприняли самовольное расселение и захват домов города. В сводке райисполкома отмечалось: «За ночь шесть жителей города были зарезаны» [25].

В Сургуте использование труда условно освобожденных граждан постепенно сокращалось. После вынужденного привлечения таких строителей во время эксплуатации построенного Домостроительного комбината они были заменены молодыми рабочими, прибывшими по комсомольскому призыву, в основном с Украины. Положение стало быстро меняться к лучшему. Начиная с 1971 г. комбинат постоянно наращивал мощности, достигнув объемов в 500 тыс. кв. м. жилья в год [26]. В 1970-е гг. половина состава Всесоюзного студенческого отряда работала на объектах Западно-Сибирской нефтегазовой провинции [27].

Реконструируемые в статье события локальной истории Сургута способствуют еще большему утверждению в изучении его прошлого основного методологического принципа – объективности.

Примечания

1. Материалы XXIII съезда КПСС. – М., 1966. – С.131.
2. В научной литературе принято выделять два системных этапа градостроительства в Среднем Приобье: 1964-1968 гг. – этап «возникновения», 1969-1975 гг. – этап «становления». См.: Литвинов С.В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и оценка): автореферат дисс. ... канд. архитектуры. – СПб., 2007. – С.15.
3. Донгарян Ш.С. Взгляды на градостроительство на севере Западной Сибири // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. – М., 2004. – С.190.
4. Там же.
5. Филипенко А.В. Ханты-Мансийский автономный округ. Обзор – С. 138.
6. Донгарян Ш.С. Указ. соч. – С.192.
7. Там же. – С.190.
8. Там же.

9. Там же. – С. 190-191.
10. Донгарян Ш.С. Нефть и Б.Е.Щербина // Соратники. – Тюмень, 2000. – С.154.
11. Там же. – С.155.
12. Там же.
13. Баталин Ю.П. Годы, отданные тюменской нефти // Соратники.–Тюмень, 2002. – С.83.
14. Там же.
15. Баталин Ю.П. Вместо предисловия // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. – Тюмень, 2004. – С.33.
16. Григорий Северный. Улица иронии судьбы // Сургутская трибуна. – 2007, 27 марта.
17. Из воспоминаний В.А. Чирского // Там же.
18. Мунарев П.А. Так было, так начиналось (записки председателя) – Сургут, 2008.— С.71..
19. Баталин Ю.П. Указ. соч. – С.34.
20. Из воспоминаний В.А. Чирского... – С.183.
21. Долгая дорога к нефти. – Сургут, 1997. – С.89.
22. Баталин Ю.П. Указ. соч. – С.33.
23. Григорий Северный. Указ. соч.
24. Мунарев П.А. Там же.
25. Из воспоминаний В.А. Чирского... – С.183.
26. Баталин Ю.П. Указ. соч. – С.34.
27. Там же. – С.33.

Д.В. Сердюков

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА КПСС (НА МАТЕРИАЛАХ ХМАО)

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. произошла целая серия знаковых событий, радикально изменивших форму и содержание российского (советского) государства и общества. Среди них можно назвать «перестройку», следствием которой явились распад КПСС и СССР. Упомянутые темы многогранны и достойны отдельного, полноценного рассмотрения. Однако один эпизод из этой плеяды исторических событий вполне возможно рассмотреть в данной статье. Так, весьма любопытным остается вопрос о судьбе имущества компартии. Эта научная проблема в настоящее время интересует исследователей в меньшей степени, чем в 1990-е гг., тем не менее, не теряет актуальности. Спустя время проглядывается некий конъюнктурный подход. В период обостренной конкурентной борьбы между «партиями власти» и КПРФ эта тема активно эксплуатировалась оппонентами. В настоящее время компартия заняла свою скромную политическую нишу и не представляет особой опасности для новой элиты. С другой стороны, и теперь публицисты изредка возвращаются к обсуждению имущественного прошлого КПСС. Зачастую обсуждение сводится к весьма извращенному, утрированному представлению. Например, крайне популярной была риторика «о золоте партии», коррупции и валютных счетах «красных бонз». К рассмотрению данного дела обращались и правоохранительные, и политические органы новой России, проводились тайные и явные расследования. Однако если взглянуть на вопрос приземленно, особенно живой интерес вызывает судьба партийного имущества в регионах. Весьма трудно отследить финансовые потоки и их новых хозяев, но вполне реально выяснить, при каких обстоятельствах и в чьи руки перешли материальные фонды местных отделений КПСС, а также насколько такие решения были легитимными и обоснованными.

Ясно, что коммунисты лишились своего имущества не в одночасье и не случайно, а вследствие поступательного движения по пути ослабления своих идеологических и организационных позиций в годы «перестройки». Однако, фатальным событием в судьбе всей партийной организации, после которого были потеряны авторитет, статус и собственность, бесспорно, является августовский путч 1991 г.

В дни августовского переворота Ханты-Мансийский окружком КПСС оказался в обстановке информационного вакуума, попытки прояснить позицию центральных органов партии остались безуспешными вплоть до 23 августа. Бюро окружкома заявило, что партийные организации округа не принимали никаких решений, которые можно было бы истолковать как требование неконституционного смещения Президента СССР [1].

После упразднения ГКЧП Президент Б.Н. Ельцин приостановил деятельность КПСС на территории России, а в ноябре 1991 г. она была запрещена. В указе Президента РСФСР от 23 августа 1991 г. говорилось о том, что действующая на территории РСФСР и незарегистрированная в установленном порядке Коммунистическая партия поддержала государственный комитет по чрезвычайному положению, совершивший государственный переворот и насильственно отстранивший от должности Президента СССР [2]. 24 августа Президент СССР М.С. Горбачев издал указ, в котором поручил Советам взять

имущество КПСС под охрану вплоть до дальнейшего рассмотрения этого вопроса в соответствии с законами о собственности и общественных объединениях [3]. Вслед за этим, 25 августа 1991 г. Б.Н. Ельцин опубликовал свой указ относительно имущества Компартии РСФСР, в котором объявил государственной собственностью РСФСР все принадлежащее КПСС и Коммунистической партии РСФСР недвижимое и движимое имущество, включая денежные средства [4]. Имущество партии, находящееся в Москве, было передано в пользование Совету министров РСФСР. Часть зданий отошли Президиуму Верховного Совета РСФСР [5].

На местах ликвидация партийных организаций проходила спокойно, без лишней суеты. Так, в воскресенье 25 августа кабинеты Ханты-Мансийского окружкома были опечатаны. В понедельник комиссия их вскрыла и осмотрела. От первого секретаря А.А. Рыбалова потребовали выдать все документы, касающиеся ГКЧП, но отдавать было нечего: никаких секретных директив окружком не получал. Без видимого сопротивления прекратили свою деятельность практически все партийные организации Югры. Например, в Сургутском горкоме в понедельник 26 августа запасный вход на этаж был опечатан, точнее, просто закрыт вмонтированной в ручку ножкой стула. Центральный же вход был под надежной охраной двух сотрудников внутренних дел. Здесь, в обычном рабочем кабинете управляющего делами горкома КПСС В.П. Крайнова, находились представители депутатской комиссии, сформированной по распоряжению председателя горсовета А.Е. Лошакова. В.П. Крайнов проявил максимум лояльности и отметил, что эксцессы могут бросить тень на горком, который будет обвинен в подстрекательстве. Присутствующая охрана устраивала обе стороны [6]. Впоследствии городская комиссия признала, что действия городских коллегиальных органов власти в дни ГКЧП были правомочными, а городской комитет партии бездействовал.

В Ханты-Мансийске первичным партийным организациям было рекомендовано самостоятельно с учетом конкретных условий определить приемлемые варианты своей деятельности: по профессиональному признаку – на территории города, по месту жительства – на базе микрорайонов, или другие варианты. Таким образом, руководство горкома прекратило оказывать какую-либо помощь партийным организациям города, тем самым фактически бросив их на произвол судьбы. Более того, бюро горкома КПСС в связи с вышеизложенным и по причине отсутствия собственной материальной базы приняло решение ликвидировать аппарат горкома с 23 сентября 1991 г. [7].

Итак, имущество КПСС и КП РСФСР на территории РСФСР национализировалось. Соответствующим государственным органам исполнительной власти, субъектам в составе РСФСР было предписано принять в пользование бывшую партийную собственность и предпринять необходимые меры по ее сохранности. После этого были приняты распоряжения главы администрации Тюменской области Ю.К. Шафраника, главы администрации ХМАО А.В. Филипенко и распоряжения местных органов исполнительной власти по вопросу о передаче имущества компартии в фонды социальной защиты областной и местных администраций [8].

Однако, делая отступление, следует отметить, что часть собственности партийные организации утратили еще в начале 1991 г. Так, региональные и местные партийные издания из-за финансового кризиса в КПСС стали передаваться в ведение Советов [9]. С 1 января 1991 г. по решению окрсовета был упразднен печатный орган окружкома КПСС – газета «Ленинская правда», а Совет народных депутатов под своей эгидой учредил новую многотиражку «Новости Югры» [10]. В Сургуте газета «Сургутская трибу-

партийная «К победе коммунизма») также перешла в подчинение районного и городского Советов народных депутатов [11]. Последние партийные печатные издания были переданы органам государственной власти сразу после ликвидации КПСС. 27 августа 1991 г. коллектив редакции газеты «Тюменская правда» обратился к областному Совету народных депутатов с просьбой выступить в качестве нового учредителя общественно-политической газеты региона [12].

Через такую же процедуру пришлось пройти и партийным архивам. 24 августа 1991 г. Б.Н. Ельцин указом передал партархивы, в том числе Тюменского обкома КПСС, в ведение архивных органов РСФСР вместе с занимаемыми зданиями, сооружениями, штатной численностью и фондом оплаты труда [12].

Еще до окончательной ликвидации партийных структур, после всего лишь приостановления их деятельности передача имущества органам власти проходила форсированными темпами. С позиции анализа региональных процессов наиболее интересным представляется рассмотрение данной проблемы на уровне муниципальных образований. 18 сентября 1991 г. вышло постановление Сургутского городского Совета народных депутатов № 309 «Об имуществе КПСС». Совет принял решение передать партийный транспорт Городскому исполнительному комитету. Так, горисполкому достались автомобили УАЗ–31512 1986 г. выпуска, ГАЗ–2411 1990 г. производства и еще один автомобиль ГАЗ–24 1985 г. Здание горкома партии площадью 804 кв. м. горсовет предложил райисполкому в обмен на 7 квартир в жилых домах, нежилые помещения на улицах Московской, д. 55 (43 кв. м), Мелик-Карамова, д. 37/1 (148 кв. м.) и два кабинета (№ 215, 216) в здании горисполкома [13]. Часть собственности была передана городским учреждениям и организациям. По одному автомобилю досталось редакции газеты «Сургутская трибуна», хлебозаводу, городскому народному суду.

Нужно отметить, что в процессе национализации партийного имущества происходили курьезные случаи и явные нелепости. В Ханты-Мансийске под предлогом выполнения указа Президента РСФСР Б.Н. Ельцина «Об имуществе КПСС» по решению Тюменского облисполкома фонды библиотеки Дома политпросвещения передали окружной библиотеке, а помещение освободили для отдела культуры. Но в окружной библиотеке не оказалось свободного места для литературы. Таким образом, единственная в городе библиотека общественно-политической тематики прекратила свое существование [14]. Нефтеюганские чиновники решили отобрать у горкома комсомола помещение, а у комитета комсомола объединения «Юганскнефтегаз» служебную машину [15, с.2]. Порой местная власть, решая имущественные проблемы, совершала необъяснимые поступки. Так, Няганский горсовет и горком КПСС располагались в одном здании. Партийные кабинеты передали Совету. В окружке КПСС были уверены, что вместе с кабинетами в новый штат перейдет и техника, которая их убирала. Но оказалось, что «партийная» техника не подошла советским функционерам. Они заявили, что возьмут другую [15, с.4].

Но, пожалуй, самая громкая история, получившая общественный резонанс, произошла с имуществом Нижневартовского горкома партии. Местный городской Совет народных депутатов 25 сентября 1991 г. принял решение передать здание горкома партии по адресу проспект Победы, д. 4 в полное хозяйственное ведение городского народного суда; гаражные помещения распределил между горисполкомом, горсоветом, райисполкомом и горнарсудом. Помещения, находящиеся по адресу ул. Дружбы народов, д. 30 (общей площадью 1281 кв. м.), были переданы на праве аренды нотариальной конторе, юридической консультации, районному народному суду, аудиторской службе, ассоциа-

ции «Многодетная семья», обществу «Чернобыль». Четыре квартиры (171 кв. м.) располагающиеся на проспекте Победы, д. 7 передали под редакцию газеты «Местное время». Оставшееся имущество (оборудование, технические и транспортные средства, инвентарь, мебель, ковровые изделия и др.) было распределено между детскими садами, социально-культурными учреждениями города [16]. Казалось бы, передача произошла в рамках законности и социально значимым адресатам.

Однако такое решение вызвало протест со стороны руководителей бывшего горкома партии. В городской Совет поступило обращение от первого секретаря Нижневартковского горкома КПСС А.В. Смирнова. В нем он излагал свое несогласие с передачей имущества КПСС в собственность горсовета. В письме он указал ряд причин, по которым считал такое решение незаконным. В частности, он отмечал, что 15 августа 1990 г. исполком решил зарегистрировать Нижневартковскую городскую партийную организацию как составную часть КПСС, которая действует на территории города в рамках устава КПСС. Партийные комитеты осуществляли оперативное управление имуществом. 23 августа 1991 г. Президент РСФСР Б.Н. Ельцин издал указ о приостановлении деятельности КП РСФСР, обосновывая это тем, что действующая на территории РСФСР и не зарегистрированная в уставном порядке компартия РСФСР поддержала так называемый ГКЧП, совершивший государственный переворот, насильственно отстранивший от должности Президента СССР. Но А.В. Смирнов указывал, что в уставе КПСС (раздел 3 «Организационное строение партии» § 16) сказано: КПСС строится по территориально-производственному принципу, и основу партии составляют первичные организации, которые создаются по месту работы или жительства коммунистов.

На 9 октября 1991 г. была назначена городская партийная конференция по изменению структуры городской партийной организации. Также А.В. Смирнов считал, что указ Президента от 23 августа 1991 г. представляет собой огульное обвинение миллионов честных коммунистов страны [16].

Кроме того, в своей аргументации он подчеркивал, что органы прокуратуры и депутаты горсовета не предъявляли горкому партии обвинений в том, что он поддерживал антиконституционный путч. Горком КПСС осуществлял свою деятельность в соответствии с конституциями СССР и РСФСР. Нижневартковский городской комитет КПСС осудил действия тех руководителей государства и партии, которые стали участниками заговора. Нижневартковский горком КПСС свою деятельность не прекратил, а приостановил. Поэтому А.В. Смирнов считал, что президентские указы не соответствовали конституциям СССР и РСФСР, и требовал отменить решение, признающее имущество ГК КПСС противозаконным [16].

Ответ первый секретарь Нижневартковского горкома КПСС А.В. Смирнов получил от прокурора города А.В. Ануфриева. В нем указывалось, что решение об имуществе горкома КПСС было принято в соответствии с указом Президента РСФСР № 90 от 25.08.91 «Об имуществе КПСС и КП РСФСР». Указ Президента РСФСР, в соответствии с 8-й статьей Закона РСФСР «О Президенте РСФСР», мог быть отменен Съездом народных депутатов РСФСР или Верховным Советом РСФСР. А до такого решения указ Президента РСФСР № 90 в установленном законом порядке должен был быть исполнен в обязательном порядке [17]. То есть, фактически местные партийные организации лишились последней возможности сохранения организационной дееспособности. Без имущества невозможно было вести политическую деятельность, что привело к ускорению процедуры ликвидации местных партийных ячеек.

Окончательную точку в имущественном споре поставил Конституционный суд в ноябре 1992 г. Суд установил, что имущество, управлявшееся КПСС и КП РСФСР, принадлежало трем категориям собственников: а) государству; б) КПСС; в) иным собственникам. По указу от 25 августа «Об имуществе КПСС и КП РСФСР» пункты, содержащие распоряжения о передаче имущества компартии органам исполнительной власти, признаны соответствующими Конституции по отношению к той части имущества, которая хоть и находилось во владении, распоряжении и пользовании КПСС, но являлась государственной или муниципальной собственностью. Неконституционными были признаны решения Президента РФ национализировать ту часть имущества, которая либо являлась собственностью КПСС, либо находилась в ее ведении, хотя права собственника вообще не были определены документально (членские взносы, доходы от издательской деятельности) [18]. Все споры по имуществу, собственником которого государство не являлось, предлагалось решать в судебном порядке.

Таким образом, самый ценный партийный актив (недвижимость) классифицировали как государственную собственность, лишь находившуюся в управлении КПСС. Фактически была устранена основная мотивация для борьбы, так как в качестве имущественного объекта, который возможно было отстоять и вернуть в длительных судебных процессах, рассматривалась вторичная и малозначимая собственность. Поэтому неудивительно, что на территории Югры, как и в большинстве регионов страны, не было громких разбирательств и попыток отсудить имущество коммунистической партии.

Примечания

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 2848. Л. 87.
2. О приостановлении деятельности компартии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 23.08.91 № 79 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. –1991.– № 24.– Ст. 1140.
3. Тюменская правда. –1991.– 27 августа.– С. 1.
4. Об имуществе компартии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 25.08.91 № 90 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1164.
5. Тюменская правда. –1991.– 31 августа.– С. 1.
6. Кондрякова Г. Горком закрыт. Все ушли домой // Сургутская трибуна. –1991.– 28 августа.– С. 1.
7. ГАСПИТО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1342. Л. 24, 29.
8. Тюменская правда.—1992. - 9 января. - С. 1.
9. Тюменская Правда.—1990.—2 июня. -С. 3.
10. Ленинская Правда. –1990. –23 октября. –С. 3.
11. Сургутская трибуна. –1990. –23 июня. –С. 1.
12. Тюменская правда. –1991. –27 августа. –С. 1.
13. Архивный отдел администрации г.Сургута. Ф. 3. Оп. 1. Д. 534. Л. 132.
14. Косак А. Выселяют библиотеку // Новости Югры. –1991. –14 сентября. –С. 1.
15. Новости Югры. –1991. –21 сентября.
16. Архивный отдел администрации г.Нижневартовска (далее – АОАГН). Ф. 48. Оп. 1. Д. 947. Л. 305, 308.
- 17, 18. Там же. Д. 816. Л. 193. Л. 196–198.
19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.92. № 9-П // Ведомости СНД и ВС РФ. –1993 – № 11. –Ст. 400.

В.Д. Пузанов

БЕЛОМЕСТНЫЕ КАЗАКИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

В 30–40 гг. XVII в. в слободах и острогах юга Сибири появляется особая категория служилых людей по прибору – беломестные казаки. Часто эта группа служилых людей изучалась как исключительно сибирское явление, вне общего российского контекста. Между тем, эта категория служилых людей известна в XVII в. на юге Московского государства и упоминается в Соборном Уложении 1649 г. А.В. Чернов, автор наиболее подробного исследования о русских вооруженных силах XV–XVII вв., считал, что беломестные казаки появились в первые годы царствования Михаила Федоровича, когда после Смуты правительство проводило массовое верстание вольных казаков в службу [1].

По свидетельству В.Н. Татищева, эта категория служилых людей появилась на «украине» – южной границе Европейской России еще раньше – со второй половины XVI в., когда «сих беломестных перво царь Иоанн Васильевич из солдат и других военных на Украине, а более царь Алексей после польской войны, не хотя салдатства на жаловании содержать, полками населил» [2].

Происхождение названия данной категории служилых людей очевидно связано с архетипичными представлениями о символике цветов народов востока Евразии. В частности, белый цвет традиционно означал «никому не подвластного, свободного от должностей и податей, также нечто радостное, щастие приносящие» (белый царь, белая земля). По авторитетному свидетельству И.Е. Фишера, «россияне приняли сии же наименования», в частности «козаки в Сибири, получающие вместо жалования землю, называются потому беломестными казаками, понеже они не платят с них никаких податей в казну», т. е. владея «белой» – свободной от налогов землей [3].

Когда же появились в Сибири беломестные казаки? З.Я. Бояршинова отмечала, что с 1640-х гг. «приказчики, как правило, привлекали на поселение наряду с крестьянами и беломестных казаков» [4]. По данным П.Н. Буцинского, в 1634 г. приказчику Нижней Ницынской слободы Тобольского уезда П. Перхурову было приказано набрать из гулящих людей 10 человек в конные казаки, и в 1635 г. там уже имелся свой гарнизон [5].

Материалы Сибирского приказа позволяют более подробно изучить процесс формирования отрядов беломестных казаков в слободах юга Сибири. В Нижнюю Ницынскую слободу из Тюмени в это время присылались пять человек годовальщиков, однако, по данным приказчиков, эти тюменские служилые люди часто покидали слободу, не дождавшись своего времени, конца осени, когда военная опасность становилась минимальной. В результате, в 30–е гг. XVII в. в слободе появляются собственные служилые люди.

В 1634 г. на Верхотурье была послана царская грамота, по которой предписывалось набрать в Нижней Ницынской слободе 10 конных и 10 пеших беломестных казаков. Конным казакам был назначен оклад по 4 руб. с четью и надел земли по 4 десятины в поле, «а дву погомуж» всего 12 десятин в 3 полях. Беломестным пешим казакам было велено служить с пашни за хлебное жалование [6]. В 1634 г. здесь были набраны в конные казаки десять человек, а в 1640 г. еще десять беломестных казаков.

8 марта 1634 г. к воеводе Тобольска князю Андрею Голицыну обратился приказчик Верхней Ницынской слободы Михаил Байкашин, просивший организовать здесь отряд

местных служилых людей, по примеру Нижней Ницынской слободы, без которых «никакими мерами быть не уметь». Приказчик обосновал необходимость создания гарнизона наличием в слободе государевых житниц и крестьян, которых надо было защищать от кочевников. Андрей Голицын разрешил приказчику набрать из гулящих людей 10 человек в конные казаки, назначив им жалование из денежных доходов Чубаровой слободы, так как в Верхней Ницынской слободе таких сумм еще не было.

12 июня 1634 г. приказчик сообщил в Тобольск, что конные казаки набраны. Воевода, сообщив в Сибирский приказ об этом решении, писал, что слобода стоит на окраине русских владений, куда часто нападали Кучумовичи и где без «служилых жилецких людей быть не уметь». Таким образом, к осени 1634 г. беломестные казаки появились в двух слободах Сибири.

В сентябре 1634 г. в Сибирский приказ обратился воевода Верхотурья, просивший устроить жилецких служилых людей в Невьянской слободе, находившейся на окраине русской колонизации. В 1626 г. по царскому указу в слободе был построен острог для защиты от нападений кочевников, но летом крестьянское население уезжало на работы, и в остроге оставались только приказчик «да посадские люди немногие». Воевода сообщал также, что нет возможности постоянно отправлять в Невьянскую слободы служилых людей из гарнизона Верхотурья, который насчитывал всего 60 человек, постоянно посылаемых на различные службы, и писал, что в создавшейся обстановке в слободе невозможно быть без своих служилых людей [7].

В результате, в 1635 г. беломестные казаки появились еще в двух слободах юга Сибири: в Невьянской слободе их было 17 человек, а в Новой Ницынской – 30 человек. Однако несмотря на это и после формирования в слободах небольших гарнизонов туда отправляли годовальщиков. Так, в 1638 г. из Верхотурья посылались «от приходу воинских людей» в Невьянскую слободу 22 стрельца и 1 пушкарь, в Новую Ницынскую на Красный яр – 14 стрельцов [8].

Около 1640 г., по данным Буцинского, были прибраны беломестные казаки в Ирбитской слободе. К 1645 г. в слободе было двадцать пять беломестных казаков, взятых из «гулящих людей» в «беломестные служилые люди». По сведениям Е. В. Вершинина, в 1642 г. в Сибирском приказе отмечалось, что в трех слободах – Чубаровской, Верхней Ницынской и Нижней Ницынской было по 10 человек «конных жилецких казаков» [9].

3 марта 1642 г. верхотурский воевода князь Н. Ф. Мещерский сообщал царю, что из слобод Верхотурского уезда часто пишут приказчики с просьбой прислать из города служилых людей для защиты от возможных набегов ойратов. В это время в гарнизоне Верхотурья имелось всего 100 служилых людей (95 стрельцов и 5 пушкарей) [10].

В 1642 г. воевода послал памяти приказчикам Невьянской, Тагильской, Ницынской, Ирбитской слобод Верхотурского уезда, в которых, основываясь на царской грамоте 1635 г., приказал им набирать беломестных казаков. Организовать отряды служилых людей планировалось из двух источников: «вольных и охочих», т. е. гулящих людей, и пашенных крестьян. Всего в слободах предполагалось набрать 145 человек: 85 конных и 60 пеших беломестных служилых людей. В частности, в Невьянской слободе воевода приказал набрать 40 конных, 20 пеших, в Тагильской – 20 конных, 10 пеших, в Ницынской – 10 конных, 10 пеших, в Ирбитской – 15 конных, 20 пеших [11].

В результате всех этих усилий администрации количество беломестных казаков в слободах Верхотурского уезда увеличивалось. К 1653 г. в 5 слободах Верхотурского уез-

да насчитывалось 113 беломестных казаков, в Арамашевской – 36 человек, Невьянской – 17, Новой Ницынской – 30, Ирбитской – 25, Белослудской – 5 беломестных казаков [12].

Гарнизоны новых слобод часто формировались из служилых людей старых поселений [13]. Большую роль играли беломестные казаки в колонизации южных территорий Сибири. В 50–е гг. XVII в. русское население занимает р. Исеть, что стало значительным успехом русской колонизации Сибири. Район р. Исети долгое время был рубежом между русским миром и кочевниками. В 1650 г. верхотурские служилые люди на верхнем течении р. Исети основали Исетский острог, а уже в 1655 г. был построен Катайский острог, прикрывавший среднее течение р. Исети. 2 марта 1657 г. воевода Верхотурья Иван Хитрово перевел в Катайский острог 30 беломестных казаков с семьями. Гарнизоны по реке Исети формировались за счет старых острогов [14].

Башкирское восстание 1662-1667 гг. заставило администрацию увеличить количество беломестных казаков на юге Сибири. Воеводы Тобольска первоначально пытались увеличить численность гарнизонов за счет населения самих зауральских слобод и острогов путем перевода его части в беломестные казаки [15]. Всего к 1667 г., по данным Тобольского воеводы П.И. Годунова (1667 - 1670), в острогах Приисетья находилось 160 беломестных казаков: в Исетском остроге – 30, Мехонской слободе – 60, Шадринской слободе – 20, Катайском остроге – 50 чел. [16].

В 1679 г. в южных острогах Сибири по Исети и Тоболу насчитывалось 363 драгуна и 243 беломестных казака, в том числе 100 казаков в слободах Верхотурского уезда, и 143 казака в Тобольском уезде. В 1686 г. там находилось 1000 служилых людей – 648 драгун и 352 беломестных казака. В 1688 г. все служилые люди по прибору, служившие в слободах и острогах по Исети и Тоболу, стали называться беломестными казаками [17]. 20 февраля 1698 г. Петр I создал на юге Сибири из беломестных казаков драгунский полк [18].

В 1668 г. тобольский воевода П.И. Годунов организовал отряды беломестных казаков в русских острогах по рекам Ишиму и Вагаю, построенных для защиты тюркского населения от кочевников. Ранее службу там несли годовальщики. В 1668 г. П.И. Годунов в Ишимский, Коурдацкий, Тебендинский острожки Тарского уезда и в Тарханский и Атбашский острожки Тобольского уезда «годовальщиков посылать не велел» и отправил в первые 4 из них на постоянную службу 81 человек беломестных казаков и кречатых помытчиков.

Позднее, в период расследования воеводства П.Я. Годунова, в большинстве острогов царским указом было восстановлено существовавшее до него положение, «велено служилым людям быть в окладах, откуда взяты». В остроги вернулись годовальщики, а беломестные казаки Тарханского острога были переведены в остроги на реке Исети: «велено им быть в драгунах» [19].

По иному сложилась судьба преобразований П.И. Годунова в Атбашском острожке. В 1668 г. по челобитью приказчика Атбашского острожка Никиты Бобровского было решено построить острог на реке Вагай, куда прибрано на место годовальщиков 28 беломестных казаков. Эти беломестные казаки остались и после П.И. Годунова. В 1670 г. из Тобольска в Атбашский острожек посылался «на годовую» только 1 сын боярский, и принимал под команду живших там 28 беломестных казаков [20]. При Петре I в Бергамской и Татмыцкой слободах Тарского уезда был образован отряд из 200 беломестных казаков [21].

В это время беломестные казаки появляются и на востоке Сибири. После военного разгрома киргизами служилого мира Красноярска, в 1668 г. правительство предприняло

ряд мер для усиления боеспособности на юге контролируемого русскими участка по реке Енисей, в частности, по предложению воеводы Енисейска было предписано организовать здесь отряды беломестных казаков.

В 1669 г. по царскому указу в Енисейском уезде было набрано 134 человека беломестных казаков [22]. На юге уезда в районах, подвергавшихся набегам киргизов, для них было построено 3 острога. Эти служилые люди были наделены землей. В 1669 г. беломестные казаки на юге уезда разработали 258 десятин пашни [23].

Правительство пыталось распространить этот опыт и дальше на восток. 22 беломестных казака были набраны в Енисейске и отправлены на постоянную службу в Якутский острог, где они должны были завести пашни. 1 беломестный казак был послан в Братский острог, где планировалась нанять 10 казаков, для чего в острог были отправлены 100 рублей [24].

К 1679 г. в Енисейском уезде служили 149 беломестных казаков, размещавшихся в 6 острогах [25]. В 1700 г. в Илимском остроге имелось 6 беломестных казаков, которые «служат с пашни без жалования», 65 посадских людей и 356 пашенных крестьян [26]. По данным Н.Ф. Емельянова, к 1710 г. в Сибири имелось 512 семей беломестных казаков, в Тобольском уезде – 83, Верхотурском – 111, Тарском – 185, Енисейском – 133 [27].

В Исетском остроге беломестные казаки были подчинены атаману Андрею Липину, о котором упоминают верхотурские грамоты [28]. Позднее Андрей Липин упоминается в качестве атамана Катайского острога [29].

В 1694 г. царским указом беломестные казаки Верхотурского уезда были освобождены от власти приказчиков слобод, которым предписывалось их «на караулах и на работах у себя не держать». Отныне казаки были подчинены одному лицу – сотнику Камышловской слободы Матвеем Солдатову в судебном, административном и военном отношениях [30].

В России XVII в. земельный оклад беломестных казаков, свободный от государственных налогов и повинностей, составлял 20–30 четвертей в поле, кроме того, они получали небольшое денежное жалование в 2–3 рубля. В Сибири беломестные казаки служили без хлебного жалования с пашни – традиционным для Тобольского уезда был надел «по шти десятин с полудесятиною в поле», всего в 3 полях 19,5 десятин.

В.И. Шунков отмечал, что вообще политика правительства заключалась в запрещении перехода казаков и крестьян, «из пашенных крестьян в беломестные казаки, а казаков в крестьяне не верстать» [31].

В.А. Александров показал, что в Сибири при набегам кочевников воеводам приходилось пополнять приборное войско местными крестьянами, и таким образом «нарушать правительственные попытки обособить социальные группы населения» [32]. По данным В.А. Александрова, воеводы и Сибирский приказ оставляли в службе выходцев из крестьянских семей, если оставшиеся члены семьи держали тягло.

В.А. Александров отмечал, что в Сибири были случаи, когда служилые люди по прибору просили перевести их в состав крестьян. Так, в 1672 г. беломестный казак Красноярской слободы А. Григорьев просил у воеводы Верхотурья отставить его из корпорации и поверстать в оброчные крестьяне той же слободы [33].

В материалах Верхотурской приказной избы автору удалось найти более ранний пример подобного перевода. В 1649 г. к приказчику Ирбитской слободы верхотурскому сыну боярскому Григорию Барыбину обратились «беломестные служилые люди» О. Мартемьянов и Е. Филатов с просьбой «их из государевой службы выставить» зачис-

лить их в оброчные крестьяне, откуда они были взяты в службу за 8 лет до того. Причиной подобной просьбы, по словам казаков, стала их бедность и отсутствие семей, по причине чего «в проезжие станицы и для государевых всяких дел ездить караулы караулить им... стало невозможно». Приказчик сообщал воеводе Верхотурья, что если он даст разрешение на это, то легко можно будет набрать на их место из гулящих людей Ирбитской слободы [34].

В целом, можно согласиться с мнением В.А. Александрова, учитывая, однако, серьезные изменения в политике правительства в данный период. Если в эпоху Смуты, в первой половине XVII в. правительство довольно спокойно относилось к зачислению в состав служилого класса представителей низших групп населения, при условии сдачи тягла, то позднее эта политика меняется. Правительство ставит барьеры и стремится четко разделить служилых людей и тяглых людей.

1 июня 1671 г. указ Алексея Михайловича предписал организовать перепись в Тобольске и городах Тобольского разряда служилых людей. По этому указу воевода Верхотурья Хрущев приказал приказчику Тагильской слободы не верстать больше без государева указа и Верхотурской памяти пашенных крестьян в беломестные казаки, а из беломестных казаков не разрешать переходить в состав крестьян [35].

Имеются факты того, что беломестные казаки использовались в сибирских условиях постоянного недостатка служилых людей не только для административной службы в своих острогах, но и для дальних служб, даже для экспедиций на озеро Ямыш. 30 января 1662 из Верхотурья приказчику Ирбитской слободы приказано было выбрать 3 беломестных казаков для этой поездки [36]. В связи с русско-китайским конфликтом 1685 – 1686 гг. и боями в районе Албазина в марте 1686 г. 35 беломестных казаков в составе 500 служилых людей Тобольского уезда были отправлены на восток.

Беломестные казаки появились в южных слободах Сибири в 1634 г. в результате усилившихся набегов ойратов. Формирование в слободах Сибири отрядов беломестных казаков было обусловлено практикой защитой юга России от набегов кочевников. Беломестные казаки были предназначены для службы не в уездных городах, а на южных окраинах уездов в слободах и острогах, составляя там основу военных сил.

Беломестные казаки в Сибири являлись одной из нижних групп служилых людей по прибору, их социальное положение было близко к положению городских казаков и стрельцов. Первоначально они получали денежное жалование в размере 4–4,5 рубля, позднее стали служить только за освобождение от налогов. В результате по ряду показателей беломестные казаки более других групп служилых людей приблизились к положению крестьян. Однако и в это время беломестные казаки остались одной из групп служилого мира Сибири.

По данным источников, первоначально отряды беломестных казаков в Сибири были образованы в слободах Верхотурского уезда, а позднее в слободах Тобольского уезда, то есть появились на западе края.

В 20–30 гг. XVII в. происходит строительство укреплений по притокам р. Туры. Первый отряд беломестных казаков создается в Нижней Ницинской слободе в 1634 г. Позднее отряды беломестных казаков появляются в Верхней Ницинской, Ницинской и Невьянской слободах. Инициаторами создания отрядов беломестных казаков были представители местной администрации: воеводы и особенно приказчики слобод, которые нуждались в служилых людях в слободах, далеко отстоящих от уездного центра. Беломестные казаки появились именно в Верхотурском уезде неслучайно. Верхотурский уезд стал

во второй четверти XVII в. главным районом крестьянской колонизации Сибири, здесь возникло больше всего новых поселений, слобод, однако гарнизон Верхотурье был довольно небольшим по численности служилых людей и занимал одно из последних мест среди сибирских городов.

Примечания

1. Чернов В. А. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. – М., 1954. – с. 129; Маньков А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. – М.-2003. – С. 252.
2. Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. – Л., 1979. – С. 185.
3. Фишер И.Е. Сибирская история. – Спб., 1774. – С. 52.
4. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982. – С. 131.
5. Бучинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников // К истории Сибири. – Тюмень, 2003. – С. 65.
6. РГАДА, Ф. 214 (Сибирский приказ), Ст. 656, Л. 85
7. РГАДА, Ф. 214, Ст. 656, Л. 86
8. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 25.
9. Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII- XX вв. – Екатеринбург, 1993. – С. 54.
10. РГАДА, Ф. 214, Ст. 65, Л. 191.
11. РГАДА, Ф. 214, Ст. 65, Л. 192.
12. РГАДА, Ф. 1111, Оп. 2, Д. 744, Л. 38.
13. РГАДА, Ф. 214, Кн. 408, Л. 32, 34, 35.
14. РГАДА, Ф. 1111, Оп. 2, Д. 127, Л. 91; Д. 157, Л. 2; Ф. 214, Д. 568, Л. 41; Д. 641, л. 42, 43, 45.
15. Дмитриев А. А. Пермская старина. – Пермь. – Вып. 8. – С. 27.
16. Титов Ю. Сибирь в XVII в. – М., 1890. – С. 25.
17. РГАДА, Ф. 214, Ст. 100. Л. 528.
18. РГАДА, Ф. 214, Оп. 5, Д. 2623, Л. 35 – 35 об.
19. РГАДА, Ф. 214, Ст. 511, Л. 22.
20. РГАДА, Ф. 214, Ст. 511, Л. 24; Ст. 100, Л. 85.
21. РГАДА, Ф. 214, Кн. 1312, Л. 64.
22. РГАДА, Ф. 214, Кн. 528, Л. 237.
23. РГАДА, Ф. 214, Кн. 528, Л. 242.
24. РГАДА, Ф. 214, Кн. 528, Л. 237 – 242.
25. ДАИ, Т. 8, С. 150.
26. РГАДА, Ф. 214, Кн. 1354, Л. 307.
27. Емельянов Н. Ф. Спорные вопросы истории феодальной Сибири. – Курган, 1991. – С. 60.
28. Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.-Л., 1941. – Т. 2. – С. 546.
29. ДАИ. Т.4. С. 87.
30. РГАДА, Ф. 1111, Оп. 2, Д. 392, Л. 57, 62.
31. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. // Вопросы аграрной истории России. – М., 1974. – С. 180.

32. В.А. Александров. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.). – Вопросы истории – 1973. - №8. – С. 49.
33. Там же.
34. РГАДА, Ф. 1111, оп. 2, ед. хр. 745, Л. 52.
35. А И, Т. 4. С. 478.
36. РГАДА, Ф. 1111, Оп. 2, Д. 774, Л. 43.

В.А. Воропанов

ОРГАНИЗАЦИЯ ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ В ТОБОЛЬСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ (1782–1796 гг.)

Опыт передачи функции судебного разбора дел в сфере местного административного управления специальным органам и должностным лицам не имел в Российском государстве продолжения после 1727 г. вплоть до законодательных решений Екатерины II. Административно-судебная реформа, проведенная на основе Учреждений о губерниях от 7 ноября 1775 г., сформировала в провинциях комплекс государственных учреждений, унаследовавших полномочия как ряда центральных органов управления – коллегий, так и губернских и воеводских канцелярий. Функции правосудия вновь перешли к самостоятельным присутственным местам. Однако преобразования в области государственного управления, осуществленные правительством Екатерины II, укрепившие единство и ускорившие политико-правовую эволюцию России, были неразрывно связаны с процессами формирования крупных сословий. Созданное в империи в ходе губернской реформы судоустройство отразило факт законодательного размежевания населения на три главных «состояния», ставших основой корпоративного «собрания» подданных. В двух из трех местных инстанций законодатель предусмотрел присутствие выборных заседателей – судебных представителей от дворянского, городских и сельских сословий.

Итак, в 1780–1785 гг. государственные преобразования последовательно охватили Поволжье, Урал и, наконец, Сибирь. Указом от 19 января 1782 г. было учреждено Тобольское наместничество, состоящее из двух областей и 16 уездов. Указом от 6 марта и 16 мая 1783 г. в восточной части Сибири было создано Иркутское наместничество из 4-х областей и 17 уездов и в юго-западной – Колыванское из 5 уездов [1]. Образование наместничеств и открытие губернских и уездных присутственных мест праздновалось повсеместно и публично. По случаю торжественных событий в административный центр Западной Сибири прибыли представители полиэтничной родоплеменной знати. Для обывателей раздавались съестные припасы, целиком зажаривались бычьи туши. Горячительные напитки выставлялись в бочках, пускались из фонтанов. Вечерами город украшался иллюминацией, освещался огнями фейерверка [2, с. 116–120; 3, с. 192; 4, с. 304]. В губернском городе Иркутске, как сообщил Екатерине II И.В. Якоби, открытие присутственных мест «к неограниченному обрадованию всех граждан» состоялось 30 декабря 1783 г. Особый стол к празднованию был подготовлен для сельских выборщиков – русских крестьян и «иноверческих старшин» [5].

Уездные судьи, заседатели и приказнослужители принародно приводились к присяге городничим по окончании торжественной обедни и молебна в главном храме [6]. «Клятвенное обещание» мусульман оформлялось на тюрки, присяга под руководством муллы и в окружении прибывших из селений округа старшин завершалась целованием Корана [7]. Обыватели провожали должностных лиц в здание государственных учреждений, где после молитв и окропления помещений святой водой члены присутствий располагались под портретом императрицы в золоченой раме за столом, укрытым алым или красным сукном, с традиционным «зерцалом» настольных указов и позолоченным гербом, и ставили первые подписи в повседневном журнале. Секретарь зачитывал суду избранные статьи Учреждений о губерниях [8].

Положение высшей в наместничестве судебной инстанции заняли всесословные палаты уголовного и гражданского суда. В присутствии палаты входили председатель, 2 советника и 2 ассессора, назначенные правительством [9]. Для дополнительной защиты гражданских прав в условиях несовершенства юридической системы реформа ввела совестные суды, предусмотренные по штату в губернских и областных центрах, дела в которых разбирались объединенной коллегией из 6 дворянских, городских и сельских заседателей под председательством совестного судьи. Члены суда были призваны решать отдельные категории уголовных дел на основе «естественной справедливости», контролировать законность заключения обвиняемых под стражу, примирять истцов и ответчиков. Таким образом, совестными судами разбирались внутрисемейные конфликты, преступления, не представлявшие общественной опасности или сопровождавшиеся обстоятельствами, требовавшими смягчения карающих норм законодательства. Монарх не наделил решения совестного суда в имущественных спорах законной силой, а судей – властью принуждения заинтересованных сторон к согласию на основе официального права [10].

Штат, компетенция государственных учреждений Сибири, подобно иным провинциям Российской империи, обязательно учитывали совокупность изученных высшей администрацией и правительством местных особенностей – географических, демографических, социальных, культурных, этнических, правовых. Прежде всего, отсутствие в Сибири поместного землевладения означало нецелесообразность создания за Уралом уездных и верхних земских судов, предназначенных для решения дел дворян и разночинцев, а также охватывавших юрисдикцией частновладельческих людей. Удельный вес крепостных крестьян в Сибири едва превышал 0,5 % населения [11, с. 153]. Для чиновников и нетабельных канцелярских служащих в Тобольске, Колывани и Иркутске были образованы нижние и верхние надворные суды, аналогичные учреждениям, включенным в систему столичных судебных органов. Как отмечает Т.Л. Мигунова, специальные органы правосудия «появились в результате социальной и управленческой асимметрии, свойственной России XVIII века», ввиду необходимости усилить контроль над массой чиновных людей в Москве и Санкт-Петербурге [12, с. 207]. Схожим образом надворные суды выполняли задачи по охране законности и правомерных интересов массы приезжих, занятых торгово-промысловой и иной деятельностью в Архангельске и Астрахани, крупных портовых городах [13]. В частности, в компетенции Астраханских нижнего и верхнего надворных судов оказались, наряду с российскими разночинцами, торговые гости и неохваченные переписью жители, беглые крестьяне и беспаспортные переселенцы [14]. Присутствие нижнего надворного суда в Сибири состояло из двух судей и четырех заседателей, коллегия каждого профилирующего департамента верхнего надворного суда – из председателя, советника и двух ассессоров [15, с. 13, 15]. Члены судебных коллегий определялись в должности губернской администрацией. Но тем не менее, по инициативе генерал-губернатора в 1783 г. в Тобольске состоялись исключительные выборы кандидатов местными чиновниками [16], отчасти оставленных в новом качестве по истечении первого трехлетия [2, с. 118].

Хозяйственное освоение Западной Сибири создало специфические условия для формирования и деятельности местного купечества и мещанства – ведущих городских сословий. Значительный контингент обывателей, занятых торговлей и промыслами, постоянно проживал в сельской местности [17, с. 41]. За счет оттока горожан из развитых центров складывались новые общины. Так, в 1781 г. тобольские переселенцы образовали общество из 8 купцов, 44 мещан и 11 цеховых в Ишиме [18, с. 12]. Штаты предусматривали перспективное создание сословных судов первой инстанции – городских магистратов – в каждом

уезде, однако после 1783 г. в Тобольском наместничестве функционировало лишь 8 магистратов, получивших, таким образом, окружную юрисдикцию [19]. Выборы городских судебных коллегий исключались в Ишиме, Кургане, Ялуторовске и других уездных центрах, где большую часть населения составляли крестьяне, а также в малолюдных северных городах [20, 21, с. 69–230]. В Колыванском наместничестве магистраты открылись в Барнауле, Колывани, Красноярске, Кузнецке и Семипалатинске [22]. Реформа ослабила зависимость «заводских» купцов и мещан, поступивших в 1780 г. в ведение Барнаульского (в 1783–1786 гг. Бийского) магистрата, от Горной канцелярии – администрации Кабинета Е.И.В. [23]. Губернские магистраты – сословные суды второй инстанции, ввиду обширности Тобольского наместничества, были созданы в обоих областных городах – Тобольске и Томске. Если в состав городского магистрата входили выборные члены – два бургомистра и четыре ратмана, то в присутствии губернской инстанции выборный элемент сочетался с коронным: 6 заседателей, избранных купечеством и мещанством областного города, находились под руководством двух чиновников, назначенных правительством для работы в департаментах уголовных и гражданских дел.

Две самостоятельные инстанции были введены правительством Екатерины II для осуществления правосудия исключительно для представителей сельских сословий. Протяженность административно-территориальных единиц в Сибири побудила верховную власть профинансировать штат нижних расправ для каждого уезда, верхних расправ – для каждой области. Однако в Нарыме, Сургуте и Туруханске государственные суды не создавались ввиду преобладания коренного населения, кочевого образа жизни аборигенов и низкого уровня преступности в их среде. Тобольское наместническое правление рекомендовало организовать в ясачных уездах показательный разбор наиболее важных исков служилыми людьми, знавшими язык, в собраниях манси и ханты с приглашением старшин и переводчиков (делопроизводителей) [24].

В составе нижней расправы под началом судьи, определенного «от короны», находилось 4 заседателя, избранных подсудным населением. В двух отделениях верхней расправы присутствовало 10 сельских заседателей. Выборы судебных представителей предполагали совокупность усилий всего разнородного населения восточных провинций России. В Сибири закономерно сложилась специфически широкая юрисдикция судов третьего «достоинства». Так, законодатель особо оговорил зависимость от расправ в Иркутской губернии сибирских дворян и детей боярских, а также разночинцев, не находившихся в службе [25]. К посильному участию в работе государственных учреждений приглашались автохтоны Сибири. Указом от 6 марта 1783 г. Екатерина II напутствовала наместника иркутского и колыванского И.В. Якоби: «Все, что по бытности вашей в должности генерал-губернатора уфимскаго предпринято было, относительно ласковаго обращения с народами, ту губернию населяющими, Мы подтверждаем, и ныне соизволяя, чтоб вы всемерное старание приложили соединить сии народы с российским совершенным доброхотством, помещая из них заседателей в расправах и нижних земских судах, заслужившим же доставляя и другия пристойныя места...» [26]. Объединенное представительство сельских жителей становилось дополнительным фактором государственного воздействия на межэтнические и межсословные отношения.

Земледельческие общины обязались письменно подтверждать нравственную репутацию («добраго и незазорнаго поведения»), небытие «в наказаниях, подозрениях, ябедах и явных пороках»), 30-летний возраст претендентов на государственные должности, наличие жен и детей, благоустроенного хозяйства, способность исполнить служебные обязан-

ности [27]. Поверенные собирались в указанный губернским правлением день в уездном центре, где определяли кандидатов под надзором местного начальства [28]. До голосования уполномоченные приводились к типовой присяге, носившей сакральный характер и учитывавшей вероисповедание депутатов. Кандидатов от аборигенов рекомендовалось выдвигать из числа «честных, благоразумных, ревнивых и безпорочных людей». Выбор этнических представителей проводили родоначальники и иные, присланные соплеменниками, лица [29]. Кандидаты на высшие должности получали документы для проезда в областной центр. Общие результаты баллотирования, списки и характеристики кандидатов поступали к генерал-губернатору как гаранту соблюдения законности в наместничестве. Вступление в обязанности судейских чиновников и судебных представителей сопровождалось принесением присяги с участием христианских и мусульманских священнослужителей. И.В. Якоби лично напутствовал в Иркутске аборигенов-язычников и неопитов, наставляя «старшин» исполнять обязанности, «боясь сердцевода Бога и закона, стыда и поношения от граждан за всякое прегрешение против должности и правды» [30]. Члены коллегий подписывали документ об ознакомлении с указами, предупреждавшими об ответственности за правонарушения, в частности, от 24 декабря 1714 г., наделялись именными печатями и допускались в присутствия [31].

Судебные представители полноценно включились в практику государственного управления и правосудия, неся общую и индивидуальную ответственность за точное применение законодательства, соблюдение установленных процессуальных норм. Прежде всего, судебные органы решали дела, связанные с казенными интересами. Так, в августе 1784 г. Тюменская нижняя расправа распорядилась о взыскании денег за продажу «казенных питей», в октябре 1785 г. – о взыскании штрафа с заводского приказчика за проживание лиц без письменных видов (по «промемории» Курганской нижней расправы) [32]. В марте 1789 г. Тюменская расправа потребовала от всех волостных судов округа присылки приходо-расходных книг [33]. Охраняя правопорядок, судьи выносили предварительные постановления о дальнейшей судьбе лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, направляя документацию и подсудимых в областные суды [34]. На рассмотрение сословных коллегий поступали дела, где в качестве обвиняемых выступали мещане, крестьяне, татары, казаки [35]. В целях ускорения судопроизводства нижние расправы в Сибири нередко выступали в качестве первой инстанции по делам неподведомственных лиц податных сословий, пересылая материалы на ревизию в верхний надворный суд [36]. Уголовному преследованию подвергались лица за правонарушения, совершенные в семейном быту, преступления против морали и нравственности [37]. Обращения обывателей в государственные органы за защитой имущественных прав и личного достоинства становились обычным явлением. Исковые заявления составлялись в типовой форме. Подобно иным гетерогенным провинциям России, в Западной Сибири сословные судьи выполняли особую роль в урегулировании земельных споров, утверждении иных прав коллективной собственности [38].

Оставляя должности, депутаты не забывали запрашивать положительные отзывы начальства. Так, в октябре 1785 г. заседатель второго департамента Тобольской верхней расправы А. Гребешков ходатайствовал «о награждении ево за добропорядочную бытность во оном на основании высочайшего Учреждения о управлении губерний аттестатом». Руководство расправы засвидетельствовало, что крестьянин исполнял обязанности «добропорядочно, в штрафах и подозрениях не бывал, из отпусков обратно являлся на указной срок, приход и выход имел в назначенное по генеральному регламенту время» [39].

Работу компетентных органов правосудия разгружали низшие инстанции – словесные суды и управы благочиния в городах, суды сельского населения и нижние земские суды (уездная полицейская администрация) в округах. Раскрыв широкую ответственность органов правопорядка [40], Екатерина II включила нижние земские суды и управы благочиния в организацию судебной системы для производства следствий по уголовным делам, исполнительных действий по указам и решениям судебных учреждений. В лице членов уездной и городской полиции обыватели, имевшие мелкие материальные иски и жалобы, получили ближайшее «судейское покровительство» [41]. Полицейские чины самостоятельно оканчивали уголовные дела о преступлениях на сумму ущерба менее 20 рублей, совершенных виновными не более трех раз [42].

Законодатель стремился закрепить функции общинного словесного суда за выборными должностными лицами [43]. В январе 1781 г. особым указом выборным словесным судам были переданы «маловажные дела» приписных крестьян на Урале, разделенных на «десятки» и «сотни» для предупреждения «своевольств, разврата и ослушаний» [44]. В январе 1782 г. генерал-губернатор пермский и тобольский Е.П. Кашкин издал на основе монарших инструкций «Наставление на постановление волостных судов» [45], ставшее первым опытом по созданию унифицированной системы сельского выборного управления. По замечанию В.В. Рабцевич, наименование волостных учреждений судами, вероятно, отразило тенденцию к установлению единообразия в структуре местного аппарата управления с нормативным ограничением судебных правомочий волостных и нижних земских судов [46, с. 12]. Законодатель, безусловно, следовал древней государственно-правовой традиции, поименовав как уездные, так и волостные органы административной юстиции «судами».

Земская полиция планомерно оповещала поселян об открытии волостных органов «для разбирательства маловажных дел и смотра за обывателями всяких непорядков», о необходимости приготовления изб для присутствий и выдвижения кандидатов в старосты и выборные [47]. К 1788 г. реформа охватила уезды Пермского и Тобольского наместничеств [46, с. 13], распространившись, отчасти, на приписных крестьян Южной Сибири [48, с. 153]. Источники свидетельствуют, что волостные суды действовали и в Челябинской округе, переданной в Уфимское наместничество [49]. Приписные крестьяне Кольвановоскресенского горного округа (39092 души муж. пола) в 1780-х гг. находились в ведении 9 земских изб и контор, состоявших из старосты, выборного, двух сборщиков податей и двух-трех приказнослужителей [23, с. 24]. С 1783 г. земские избы и конторы подчинялись указам нижних земских судов и нижних расправ.

Функции органов крестьянского самоуправления, ставших незаменимой опорой уездных властей, оказались очень широки, их деятельность закономерно подверглась бюрократизации. Так, уже с 1 января по 31 декабря 1783 г. Тюменский нижний земский суд направил в Переваловский волостной суд 229 указов, связанных с решением хозяйственных, фискальных, полицейских задач [50, с. 12–13]. Коронная администрация стимулировала становление волости как «хозяйственного и общественного союза», налаживая попечительную работу. Так, в мае 1785 г. выборный и староста верхнего стана Троицкой волости Тюменского уезда дали дворянскому заседателю расписку о согласии обывателей «к продовольствию той волости неимущих и обремененных малолетними детьми поселян». Для раздачи нуждающимся в земский суд было передано 40 четвертей хлеба на сумму 137 рублей 40 копеек [51]. Развитие опекунских функций, пишет Н.Г. Суворова, стало прямым следствием особенностей генезиса волостного общества в Сибири: искусственности админист-

ративных границ, социальной, культурно-бытовой, этнической и религиозной разобщенности, подвижности населения, присутствия неполноправных членов из числа ссыльно-поселенцев, препятствовавших складыванию корпоративной организации [52, с. 14, 17, 23]. Волостные судьи удерживали обывателей от подачи исковых заявлений в государственные инстанции, стремясь примирить стороны, приглашая к разбирательствам посредников. Члены суда обязались «во всякой час принимать и выслушивать терпеливо жалобы, прошения, уведомлении о содеянном в той волости непорядке, неустройстве и закона противности», уполномочивались брать обвиняемых под стражу. «Наставление» инструктировало сельскую администрацию для проведения предварительных следствий. Для выяснения всех обстоятельств рекомендовались формы вопросов к свидетелям («во вред чей или чему учинено», «над кем учинено», «что учинено», «о способе или орудии», «о околичностях» и др.).

К участию в розыске привлекались сотники, десятники и «лутчие люди» сельской общины. Сведения по делу, содержание обвинений, приговоры, результаты предварительного следствия по уголовным преступлениям записывались в журнале. Губернское руководство напоминало волостному начальству о запрете на решение уголовных дел. Так, указом от 31 августа 1795 г. Кольванское наместническое правление подтвердило, «чтоб старосты и прочие сельские начальники никакого роду воровства сами не судили, но чтоб непременно отсылали виновных в земской суд» [53, с. 129–130].

Реформа 1780-х гг. унифицировала низшие административно-территориальные единицы в Тобольском наместничестве, установила единообразный порядок переизбрания сельских и волостных должностных лиц. Коронная администрация рекомендовала избирать на трехлетний срок двойной состав членов волостного управления «ис числа первостатейных лутчих крестьян» – двух старост и четырех выборных с их возможной взаимозаменяемостью каждые полгода. Как правило, обыватели ограничивались формированием одной коллегии, сменявшейся ежегодно [53, с. 20]. Несмотря на обременительный характер службы по выборам, обыватели, связанные устойчивыми групповыми, социальными отношениями, были объективно вынуждены ответственно решать кадровые вопросы [53, с. 57–78]. Общественные приговоры отражали не только требования правительственной администрации к личным качествам мирских ставленников, но и реальное стремление крестьян доверять, насколько возможно, вакансии в сфере управления и суда способным, ответственным и нравственным людям. В сентябре 1786 г. Тюменский нижний земский суд оповестил население о необходимости определить кандидатов в члены волостных судов «из сельских жителей действительно дом и землю женатых детей имеющих в наказаниях подозрениях ябедах и явных пороках не бывалых но добраго и неззорнаго поведения и не моложе тридцати лет» в каждой волости по 18 человек [54]. Обыватели следовали предписаниям уездных властей. Так, в Липинской волости выдвинули «из самых лутчих крестьян и ямщиков 18 человек ис которых по балтированию выбрали самых лутчих первостатейных крестьян а именно в старосты Дмитрея Тихонова Пелымского Ивана Семенова Снигирева в выборные Петра Михеева Зырянова Алексея Матвеева Родивилова Осипа Никофорова Снигирева из ямщиков Михаила Алексея Шешукова». Лица, не справлявшиеся с возложенными на них обязанностями, могли быть по инициативе мира сняты с должности досрочно [55].

В уездах повышенной плотности заселения интеграционные процессы усиливались, облегчая губернскому руководству проведение административных реформ. Включение в российский социум татар ускорялось, в частности, посредством регламентации

выборов и деятельности низших должностных лиц [56, с. 267–269]. Так, татары Тюменского уезда с 1766 г. избирали для решения гражданских и мелких уголовных дел «опекунов». Органам государственного управления предписывалось «о есашных по прозбам разного чина людей в долгах и в протчем (кроме криминальных, смертноубивственных и татинных дел) ни за каким делом в город не требовать и за ними нарочного не посылать». Опекуны представляли за сообщественников в воеводской канцелярии и городском магистрате, а также обязались «между вышеобъясненными татарами и другими разного чина людьми чинить по самой сущей справедливости достаточное распоряжение, избавляя обидимых от лица сильных, к тому со оных татар взятков подарков подвод безденежно без всякой законной нужды самим собою не брать под опасением по силе государственных законов штрафа, и телесного наказания». Юртовых жителей, «кто по тому словесному суду в каковых ссорах или драках и протчих непотребствах явитца», повелевалось отправлять в Тюменскую воеводскую канцелярию [57]. При разборе имущественных дел опекуны, иные главы общин руководствовались как обычным правом, так и нормами шариата, приглашая к суду духовных лиц [58, с. 60–61].

После проведения волостной реформы, распределившей юрты между русскими судами, татары поспешили напомнить губернской администрации о самостоятельной юрисдикции общественных властей. В феврале 1790 г. юртовые татары Тюменской округи рапортовали об избрании кандидатами в сельские начальники «людей поведения хорошева, неподозрительных женатых дома имеющих и хлебопашество производящих», заявив: «И кто из них по выболтированию опекуном изберетца оного быть утверждаем в чем и подписуемся». Пять опекунов, определившихся из 15 кандидатов, привел к присяге в уездном центре мулла. За неграмотных выборных лиц подпись под текстом клятвенного обещания выставил сельский заседатель уездной полиции из татар. Земская полиция разослала указы о неподведомственности жителей юрт русским волостным судам. Опекуны, лишённые доверия сообщественников, утрачивали властные полномочия. Так, в феврале 1796 г. в Тюменский земский суд поступило коллективное прошение от 9 селений Яровской волости о необходимости удаления с должности А. Енбаева, выходца из Шикчинских юрт, сообщив, что «по касающимся до него по маловажным делам между ясашными татарами на словах разбору учинить не может; и никому никакого удовлетворения не выполняет; равно и по насланным из Тюменскаго нижнего земскаго суда указам никакого исполнения не учиняет», возвращаясь из Тюмени, «пересказать или объяснить обществу ничего не может ибо он почти мало знает русскаго языка». В апреле 1796 г. об избрании татарами в опекуны вместо Е. Меретева Н. Уразметева рапортовал заседатель А. Тажбулатов. Н. Уразметев, подтвердили жители, «дом, землю, женат, детей имеющей в штрафах подозрениях ябедах и явных пороках не бывалой но добраго и порядочного поведения грамоте читать и писать на татарском диалекте умеющей». Опекун получил наставление к должности и копии ключевых указов [59].

В татарских юртах Тобольского наместничества традиционно селились торговые гости из Средней Азии – каракалпаки, таджики, узбеки, уйгуры. Правительство поощряло экономические связи Сибири с сопредельными странами, проживание и принятие подданства купеческими [60]. Именной указ от 9 декабря 1787 г. подтвердил право диаспоры (2704 чел. [61]), не подчинявшейся городским судам, решать внутренние дела на основе обычаев в словесных судах и позволил образовать по усмотрению общества национальную ратушу [62].

Головы тобольских татар в виде особого исключения назначались из рода Кульмаметевых. В апреле 1700 г. воевода С. Салтыков поставил начальником служилых, ясачных и захребетных татар Авазбакея Кульмаметева «в вознаграждение его службы». В частности, от головы требовалось «удерживать татар от обид русским и ограждать от притеснения сих последними, производить между татарами всякую расправу, докладывать о важных делах боярину и воеводе Салтыкову, а за малые вины самому наказывать». В 1787 г. Сабанак Кульмаметев получил права потомственного дворянина, именуясь «Тобольского ирегулярного легкого казачьего войска и ясачных магометан 1-го класса головой» [58, с. 58–59]. Уже в начале XIX в. губернское руководство настояло на прекращении наследственного управления Кульмаметевых как незаконно возникшего на смену выборного. В 1811 г. на основании следственных материалов о злоупотреблениях полномочиями майор Кульмаметев был временно отстранен от должности. Постановление Комитета министров от 9 декабря 1813 г. восстановило в среде тобольских татар выборность администрации [63].

Единые критерии кадрового отбора распространялись на кандидатов в состав волостной, уездной администрации, сословных судов. В июле-августе 1788 г. Тюменская земская полиция напомнила жителям округа о завершении трехлетнего цикла службы по выборам, предписав своевременно выдвинуть на мирских собраниях «з должным благоустройством и тихостию» очередных волостных представителей. Сельская администрация организовала сбор избирателей, оформила рапорты об исполнении указа правительственных органов. Документ, поступивший из Липовской волости, являлся типовым:

*«В Тюменской нижней земской суд
из Липовскаго волостнаго суда
рапорт*

*Указом Ея Императорскаго Величества ис тюменскаго нижнего земскаго велено сему суду в волости своей каждому поселянину объявить что с наступлением 6-го числа сентября сего году совершитца трехлетнее служение бывших по присудственным местам выбранным из градскаго и сельскаго общества заседателям а потому на основании высочайших учреждений должны поступить переменитьца другими выбранными вновь из оно-го общества болтироваанием; и в силу оно-го Ея Императорскаго Величества указу в Липовском волостном суде при собрании всей волости крестьянскаго общества выбран в кандидаты деревни Щетковой крестьянин Макар Басов з данным ему от всего общества поверенным писмом за свидетельством приходскаго священника, которой при сем в Тюменской нижней земской суд представляеца: за безграмотностию старост Никифора Козлова Матвея Пуртова выборных Егора Важенина Козмы Сазонова Мирона Пуртова и Андрея Уткина печать приложена августа 15 дня 1788 года
писарь Иван Макеев».*

В Липчинской волости люди избрали «по чистой совести человека добраго к той должности способнаго а именно Осипа Иванова Пельымскаго». Устьицидский волостной суд представил при рапорте Ф.Д. Воронина, подтвердив, что крестьянин «действительно дом и землю в Устьицидской слободе имеет женат и детей имеющей в наказаниях подозрениях ябедах и явных пороках не бывалой и незазорного поведения и не моложе тридцети лет». В характеристике И.И. Кабынина обыватели Фоминской волости отметили другой важный критерий – наличие «отца и двух братовой» [64].

Длительное взаимодействие органов государственной власти с татарскими общинами позволило без труда привлечь национальных депутатов оседлого населения к осуще-

ствлению публичных функций в земских судах и нижних расправах [65]. Жители татарских юрт, «лутчие люди», «есашной народ», избрали 6 поверенных, включая Таута Аиппакова, бывшего заседателя, по общему признанию не опорочившего себя во время трехлетней службы. Таким образом, в Тюмень к 27 августа явилось 27 сельских депутатов. Русские избиратели до голосования были приведены к присяге в соборной церкви, татары – посредством муллы в земском суде. Грамотными оказались двое крестьян из 21 (Х.П. Ермаков, П.О. Парфенов) и двое татар из 6 (А. Енбаев, А. Кондюков). Кандидатами в члены уездной полиции стали государственный крестьянин Тюменской городской волости П.О. Парфенов и ясачный татарин А. Кондюков, нижней расправы – государственные крестьяне Балдинской волости С.А. Корноухов, Переваловской волости А.П. Новоселов, Червишевской волости Х.П. Ермаков и ясачный татарин М. Шабин. Для участия в выборах членов верхней расправы в Тобольск отправился экономический крестьянин Г.И. Балашев [66].

Аборигенное население Сибири не восприняло либеральных идей самодержавия, сохраняя традиционные устои жизни и социально-правовую автономию. Право автохтонов разбираться «во всех делах тяжбных и маловажных уголовных» по обычаям Сенат зафиксировал в инструкции секунд-майору Щербачеву, направленному для урегулирования ясачных сборов в 1763 г. Компетенцию туземных судов подтвердили именные указы 1780-х гг., оставив за истцами возможность пересмотра дел в государственных инстанциях [67]. Коронная администрация не вмешивалась в выборы органов племенного самоуправления, официально признавая статус князцов, старшин, сотников, зависевших от воли и мнений этнических коллективов. Среди волостных лидеров встречались наследственные правители, обладавшие личными преимуществами [68, с. 53–73]. Успехи губернского руководства во взаимодействии с родовой знатью определялись степенью общей освоенности восточных районов государственной властью. Наибольшие трудности испытывали государственные служащие в Восточной Сибири, искавшие аборигенов в бескрайних просторах леса и тундры для миролюбивых заявлений и привлечения к гражданскому строительству. Обеспечивая формальное представительство населения, искусственно вовлеченного в официальные правоотношения, коронная администрация занималась подробным разъяснением тунгусам, корякам и чукчам значения законодательства и проводимой реформы, преимуществ суда в расправах перед воеводским судом. Одной из первостепенных задач, поставленных перед чиновниками, являлось создание условий для распространения русского языка и грамотности. Меры, предпринимавшиеся против самовольного оставления присутственных мест отдельными этническими депутатами, ограничивались отрешением их от должностей и лишением права избираться вновь [69].

Наконец, посредством судебной деятельности комендантов Кузнецка и Бийска, принимавших добровольные прошения и жалобы жителей калмыцких родовых объединений, дючин, разбиравшиеся на основе обычного права, усиливалось политическое и культурное влияние России в южно-алтайском секторе имперской границы [70]. «Двоеданцев» пограничные чиновники были озабочены «скланивать ласкою не принуждая насильно» к переписи и выплате ясака, не осложняя отношений с Китаем [71].

Таким образом, формирование в России на основе законодательного акта от 7 ноября 1775 г. системы самостоятельных судебных учреждений в первой половине 1780-х гг. завершилось за Уралом. Подобно публичным акциям в центральных областях государства, торжественными мероприятиями правительство стремилось заинтересовать в проведении реформы полиэтничное и многорелигиозное население периферийных провинций.

Ввести общеимперские судебные-правовые институты в Сибири в полном объеме не позволяли объективные условия развития ее регионов, однако верховная власть творчески подходила к решению проблемы реализации реформы на востоке страны, прежде всего, применяя штатное регулирование с учетом как демографической статистики, так и площади созданных ею крупных административно-территориальных образований – наместничеств. Отсутствие за Уралом системы поместного землевладения и дворянских органов корпоративного самоуправления предопределили создание в губернских центрах Западной Сибири (Тобольского и Колыванского наместничеств) судебных органов специальной юрисдикции, возмещавших потребности обеспечения правосудием местного контингента государственных служащих. Развитие системы западносибирских городских судов подчинилось сложным процессам градообразования и становления торгово-промышленных сословий в крае. Основным типом уездных судов в Западной Сибири стали нижние расправы. Созданные по закону для выходцев из свободных непривилегированных (облагавшихся налогами и повинностями) сословий, в Сибири нижние расправы получили закономерно широкую юрисдикцию, рассматривая дела служилых людей престижных категорий, разночинцев, иных неподведомственных расправам европейской России лиц, выполняя на практике функции первой инстанции подсистемы надворных судов.

Западная Сибирь виделась законодателю одной из наиболее удобных окраинных, колонируемых областей для внедрения унифицированных институтов низшего, волостного управления. В 1780-х гг., благодаря усилиям местной администрации, в Тобольском наместничестве была создана общая вертикаль органов государственно-общественного управления с закономерным для традиционной организации власти наделением земских и волостных «судов» вспомогательными функциями правосудия.

Развитие общественного управления позитивно сказывалось на эволюции местного социума, укреплении отечественной государственности в восточных провинциях. Население нуждалось в правоохранительных и правоприменительных функциях государственных учреждений. Увеличение штата служащих путем включения в бюрократический аппарат выборных сословных депутатов сделало официальные присутственные места более открытыми для обывателей. На реальность представительства отрицательно влияли дробность сельских сословий, невысокая степень консолидации крестьянского мира. Однако, несмотря на территориальную, хозяйственную, культурную разобщенность, жители Сибири стремились выполнять требования правительственной администрации по отбору способных и достойных кандидатов для занятия вакансий на сельском, волостном, уездном и губернском уровнях публичной власти, осуществляли социальный контроль за деятельностью выборных должностных лиц волостного самоуправления, получая государственную поддержку. Коллегии полицейской администрации и сословных судов объединяли депутатов разной этнической и религиозной принадлежности, уравнивая группы подданных. Судебные представители непосредственно участвовали в охране государственных интересов, общественного порядка, усиливая легитимность уголовно-правовой политики абсолютной монархии. Расправы продуктивнее воеводских канцелярий реагировали на исковые прошения и жалобы населения, регулируя имущественные отношения, стимулируя товарно-денежный оборот, поощряя обывателей к обращению в государственные инстанции.

Верховная власть не вмешивалась во внутреннюю среду коренного населения Сибири, ведшего кочевой и бродячий образ жизни, сдерживая судебную-юрисдикционную

активность государственных органов. Последовательная интеграция являлась приоритетным принципом судебной-правовой политики абсолютной монархии в периферийной провинции.

Примечания

1. ПСЗ РИ. I. Т. XXI. № 15327, 15675, 15737.
2. Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / Под ред. В.В. Коновалова. – Тюмень, 2000.
3. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. – Сургут, 1993.
4. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – Т. 1. – Тюмень, 2000.
5. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 24. Оп.1. Д. 62. Л. 146.
6. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. И-44. Оп. 1. Д. 38. Л. 8 об.
7. ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 40. Л. 27–27 об.; ЦГИА РБ (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан). Ф. 6. Оп.1. Д. 365. Л. 58.
8. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 50. Оп. 1. Д. 1032. Л. 12–12 об.; ОГАЧО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 118. Л. 6–6 об.; Д. 1379. Л. 2–3; Ф. 115. Оп.1. Д. 99. Л. 13.
9. ТФ ГАТО (Тобольский филиал государственного архива Тюменской области). Ф. 341. Оп. 1. Д. 63. Л. 93–94.
10. ПСЗ РИ. I. Т. XX. №14392. Ст. 399–401.
11. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962.
12. Мигунова Т.Л. Российский суд во второй половине XVIII века. – Нижний Новгород, 2001.
13. ПСЗ РИ. I. Т. XXII. № 16059.
14. ГААО (Государственный архив Астраханской области). Ф. 419. Оп. 1. Д. 117, 119, 161, 309, 320, 559, 563 и др.
15. Рабцевич В.В. Государственные учреждения дореформенной Сибири (Последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). – Челябинск, 1998.
16. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 37.
17. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). – Барнаул, 2000. – С.41.
18. Ключева В.П. Городские сословия Тобольской губернии в XVIII – первой трети XIX века. – Тюмень, 2000.
19. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 66. Л. 108.
20. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 180–200.
21. Описание Тобольского наместничества./сост. А.Д. Колесников. – Новосибирск, 1982.
22. ЦХАФ АК (Центр хранения архивного фонда Алтайского края). Ф. 1. Оп. 2. Д. 56. Л. 132 об.
23. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории Кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). – Барнаул, 1997.
24. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 209–210.

25. ПСЗ РИ. I. Т. XXII. № 16165.
26. ПСЗ РИ. I. Т. XXI. № 15673.
27. ПСЗ РИ. I. Т. XVII. № 12801.
28. ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 38. Л. 22–58.
29. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62/3. Л. 105.
30. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62/1. Л. 151–152.
31. ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 13. Д. 117. Л. 6–6 об.
32. ГАТюО (Государственный архив Тюменской области). Ф. И-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 11–11 об., Л. 13–15
33. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
34. ГАТюО. Ф. И-111. Оп. 1. Д. 12. Л. 53–57, 58–59 об., 67 и др.
35. ГАТюО. Ф. И-142. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–2 об., 4.
36. ГАТюО. Ф. И-111. Оп. 1. Д. 58. Л. 6, 56 об., 115 об.
37. ГАТюО. Ф. И-142. Оп. 1. Д. 49. Л. 49–50, 51–52 об., 68–74 об.
38. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 903, 905, 907, 908, 911–949 и др.; Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2, 7; Ф. И-142. Оп. 1. Д. 43; ТФ ГАТО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 51 т.д.
39. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 637. Л. 5–6.
40. ПСЗ РИ. I. Т. XX. № 14392. Ст. 223–276.
41. ПСЗ РИ. I. Т. XX. № 14392. Ст. 233, 245, 254, 266.
42. ПСЗ РИ. I. Т. XXI. № 15379. Ст. 269.
43. ПСЗ РИ. I. Т. XX. № 14312.
44. ПСЗ РИ. I. Т. XXI. № 15115.
45. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 4146. Л. 3–25.
46. Рабцевич В.В. Крестьянская община как орган управления сибирской деревни в 80-х годах XVIII – первой половине XIX века // Крестьяне Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1980.
47. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 648. Л. 1–3 об.
48. Мамсик Т.С. Общинное самоуправление и взгляд крестьян на «мирскую» должность (по материалам приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1977.
49. ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–3.
50. Рабцевич В.В. Управление государственными крестьянами Сибири в последней четверти XVIII – первой половине XIX века // Крестьяне Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1981.
51. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 642. Л. 1.
52. Суворова Н.Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII – первой половине 60-х гг. XIX вв. (организация, функции, правовая регламентация): Дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 1997.
53. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII–XIX в. – Новосибирск, 1991.
54. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 648. Л. 3 об.
55. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1983. Л. 10, 14–14 об..
56. Бакаева Г.Т. Мирской сход у тоболо-иртышских татар в XVIII-начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул, 2000.
57. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 803. Л. 1–2.
58. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. – Казань, 1993.

59. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 804. Л. 10, 15–16, 25 об., 34–36 об., 37–40.
60.. ПСЗ РИ. I. Т. XXIII. № 16814; ГАОО (Государственный архив Омской области).
Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 18, 63–70, 76–82; ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–5; Д. 177. Л. 1–25.
61. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60/2. Л. 21 об.
62. ПСЗ РИ. I. Т. XXII. № 16953.
63. ПСЗ РИ. I. Т. XXXII. № 25494.
64. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2081. Л. 1–3 об., 9–9 об.
65. ГАТюО. Ф. И-142. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Д. 12. Л. 11 об., 27 об.; Д. 17. Л. 2 об.
66. ГАТюО. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2081. Л. 11–25, 35–39 об.
67. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62/1. Л. 91 об.–92; ПСЗ РИ. I. Т. XXI. № 15675, 15680.
68. Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной
системе Российской империи (XVIII–XX вв.). – М., 1995.
69. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62/2. Л. 106–108 об., 153–156.
70. ПСЗ РИ. I. Т. XXV. № 19196.
71. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 63–65 об.

Е.А. Максимов

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г.В. РОЗЕНА НА КАВКАЗЕ В 1832-1833 ГОДАХ.

Григорий Владимирович Розен родился в 1782 г. Участник крупнейших военных кампаний 1805-1814 гг., в том числе русско-шведской войны 1808-1809 гг., а также Отечественной войны 1812 года, он достаточно быстро продвигался по службе [1].

В 1833-1837 гг. Г.В. Розен возглавил Отдельный Кавказский корпус, гражданскую часть и пограничные дела Астраханской губернии и Кавказа, сосредоточив под своим управлением территорию, имевшую важнейшее геополитическое значение для России.

Рост сепаратистских тенденций в Османской империи в начале 1830-х гг. серьёзно осложнил политическую ситуацию в Европе и на Ближнем Востоке. Намерение египетского паши захватить Константинополь угрожало стабильному развитию кавказских владений России, ставило вопрос о пересмотре условий Адрианопольского трактата 1829 года. Правительство нуждалось в обеспечении безопасности южных рубежей страны на случай военного столкновения с западными державами из-за европейских дел. Поэтому оно приняло решение оказать военную и дипломатическую помощь Турции. В 1832-1833 годах были проведены специальные мероприятия по сбору и переброске отдельных сил Черноморского флота в Босфорский пролив под руководством М.П. Лазарева, а также сухопутного отряда во главе П.Д. Киселёва, который планировалось отправить к Дарданеллам со стороны Дунайских княжеств [2].

Аналогичные меры были осуществлены Г.В. Розеном на Кавказе. Он был подробно извещён о мероприятиях М.П. Лазарева и П.Д. Киселёва и, по сути, действовал в рамках возложенных на них поручений. Между тем, эта сторона деятельности Г.В. Розена пока не стала объектом пристального внимания учёных [3].

Обширный комплекс делопроизводственной документации Российского государственного военно-исторического архива (далее РГВИА) г. Москвы позволяет раскрыть некоторые детали исследуемой темы. Прежде всего, это материалы дипломатической переписки, хранящиеся в фонде Военно-учёного архива (далее ВУА), а именно – различные письма, записки, отношения, рапорты, а также многочисленные копии и выписки из них [4].

Быстрое продвижение египетских войск вглубь Малой Азии вызвало панику среди местного населения, возбудив массу слухов. В октябре 1832 года, по получении известий об очередном поражении армии Махмуда II и волнениях в турецком Закавказье – Карсе, Ардагане и Батуме, Г.В. Розен предложил министру иностранных дел К.В. Нессельроде усилить военное присутствие в регионе [5].

В ответном письме министр посчитал такую меру излишней, однако рекомендовал Г.В. Розену «внимательно наблюдать» за происходящим и объявить турецким пашам, что российское правительство приняло сторону султана в конфликте, поэтому они должны оставаться верными Константинополю [6].

Для изучения положения в Малой Азии правительство организовало специальную разведывательную миссию, куда вошли наиболее способные офицеры и адъютанты Г.В. Розена: Войников, Аш, Львов, Вронченко, Миницкий и другие [7]. В ходе её Войников рапортовал Г.В. Розену о том, что, прибыв в турецкую крепость Эрзерум, он встретился с местным губернатором Асет-пашой и сообщил ему о намерении России помочь султану, чем тот остался чрезвычайно доволен. От него же агент узнал о разгроме турецкой армии под Конией. Часть её оказалась в плену или перешла на сторону противника [8]. По полученным данным, состав египетских войск не превышал 50 тысяч человек, однако эта цифра могла увеличиться, поскольку на их содержание выделяется в несколько раз более средств, чем в османской армии. Ибрагим-паша заявлял повсюду о намерении снизить налоги и восстановить величие мусульманского народа путём пересмотра Адрианопольского мира. По некоторым сведениям, жители городов и областей при его появлении выходят навстречу и повинуются без сопротивления [9].

Передавая данную информацию военному министру А.И. Чернышеву, Г.В. Розен указывал: «...при настоящем положении дел трудно заставить турецкий народ повиноваться законному Государю...»; накануне приезда Войникова население Эрзерума постоянно искало повод к возмущению, было убито несколько армян, среди которых несколько российских подданных из Ахалцыха [10]. «Г. Войников говорит, что ...хорошо знает тамошних турок и через лазутчиков... узнал, что все они (уже) на стороне египетского паши» [11].

В создавшейся ситуации, по мнению Г.В. Розена, следовало действовать решительно. Оборонительные меры турки и их соседи персы восприняли бы как признак слабости, поэтому необходимо было до появления египтян овладеть турецкими крепостями Карс, Ардаган и Батум, подчеркнув дружественные намерения баязетскому паше, управляющему Аджарией и турецкими областями Грузии. Тогда «...отстранятся могущие произойти беспокойства внутри наших пределов: в Абхазии, в горах и Дагестане...», всё это обеспечит безопасность российских границ и значительно укрепит внутривосточную обстановку на Кавказе [12]. Если посредничество держав не остановит наступление Ибрагима, он овладеет всей Малой Азией, приблизившись вплотную к границам России, готовый в любой момент напасть на неё. Таким образом, крайне необходимо увеличить численность вверенного ему корпуса перебрской солдат с отдельных направлений кавказской линии [13].

Новый проект Г.В. Розена вызвал одобрение Николая I и его окружения, в частности, военного министра А.И. Чернышева, а также князя И.Ф. Паскевича. В своём письме к Г.В. Розену от 28 февраля 1833 года А.И. Чернышев отметил: «Государь Император, разделяя ...мнение ваше... на счёт последствий, какие успехи сии по общему расположению жителей того края в пользу мятежного паши иметь должны, совершенно одобрить изволил и предположение ваше о необходимости предпринять для предотвращения оных наступательное со стороны нашей движение», однако по последним донесениям Н.Н. Муравьёва Мегмед Али обещает заключить мир с Турцией, тогда «действия ваши ... должны ограничиться наблюдением за происходящим в соседних областях и поддержанием самых дружественных сношений с ближайшими турецкими властями» [14]. В слу-

чае возобновления военных действий со стороны Египта «император признавать изволил ...немедленное по предположению вашему занятие Карса и Ардагана именем турецкого султана..., но не переводя за Кавказ никакой части войск, из числа расположенных на линии, дабы не ослабить (её) обороны», при этом следует распределить войска так, чтобы при необходимости они могли безостановочно следовать за границу [15].

Итак, император допускал наступательные действия российской армии лишь в крайнем случае, как следствие срыва посредничества держав, без дополнительных сил, имеющимися средствами. Однако кавказский наместник несколько раз возобновлял просьбы о пополнении своего отряда. Впоследствии Николай I смягчил свою позицию, допуская возможность усилить корпус войсками с других направлений [16], что, по всей видимости, вело к затягиванию операции. Г.В. Розен проявил настойчивость. В одном из писем он сообщает царю о том, что нашёл возможность перебросить войска с кавказской линии без её ослабления [17]. Похоже, это было вызвано имевшимися у него сведениями об увеличении состава египетской армии до 71 тысячи человек [18], а также его поддержкой со стороны И.Ф. Паскевича, предшественника Г.В. Розена на посту кавказского наместника, чьим мнением особенно дорожил Николай.

И.Ф. Паскевич предлагал действовать более решительно. На его взгляд, лучше встретить египетские войска со стороны Азии, чем ждать, пока она сама перейдёт к ним в руки. Нужно занять не только Батум, Карс и Ардаган, но и Баязет, затем отправить в Персию специальную дипломатическую миссию, чтобы подтолкнуть шаха к войне с Турцией; это удержит его от возможной военной кампании против России [19].

Одновременно с концентрацией военных сил в приграничной зоне Г.В. Розен позаботился об их продовольственном оснащении. Интенданту при кавказском особом корпусе генерал-майору Васильковскому было поручено приготовить к 1 апреля 1833 года в селении Караликлизе сухарный провиант в месячной пропорции на 30 тысяч человек, обеспечив его развоз воловым транспортом. Эта мера была одобрена императором [20].

В мае 1833 года из сообщений А.И. Чернышева Г.В. Розену стало известно о благоприятном исходе турецко-египетских переговоров и начале вывода войск с малоазийского полуострова [21]. Тем не менее, он продолжал следить за развитием ситуации. Об этом свидетельствует выписка из отношения чрезвычайного посла в Турции графа А.Ф. Орлова А.И. Чернышеву от 10 июня 1833 года о пребывании агента Г.В. Розена Войникова в Константинополе. Отправляя его в Тифлис, А.Ф. Орлов рекомендовал собирать любые сведения о настроениях местных жителей азиатской Турции, убеждая их в том, что российское правительство находится на стороне султана и намерено вывести свои войска из Константинополя, как только египетская армия вернётся в Сирию [22].

Заключительный этап мероприятий Г.В. Розена характеризует его письмо А.И. Чернышеву от 13 июля 1833 года, в котором он приводит текст своего обращения к народам Кавказа, подчёркивая важнейшую роль посредничества России для завершения турецко-египетского кризиса 1831-1833 годов, её стремление добиться окончательного восстановления легитимной власти Константинополя в Малой Азии. Считаю необходимым привести данный текст.

«Из многих отношений моих Вашему Сиятельству известно, что в здешнем крае, особенно между горами, распространились разные неосновательные слухи о действиях Египетского паши.

Дабы уничтожить дурное влияние, которое оные могли иметь на умы многих кавказских племён, исполненных фанатизмом и вообще весьма легковерных, я нашёл нуж-

ным разослать повсеместно объявление об окончании дел турецкого султана с египетским пашой, копию с которого... честь имею сообщить...»

Объявление имело следующее содержание.

«Многим из Вас известно, что Мехмет-Али-Паша..., ослеплённый благодеяниями султана, забыв свои обязанности к Законному Государю, возымел в прошедшем году преступную мысль поднять знамя возмущения и послать сына своего Ибрагима начальствовать над войсками собранными против Султана, Благодетеля своего.

Люди легковерные и безрассудные, увлечённые личными выгодами и коварными наущениями мятежного Паши, приняли его сторону. Сначала успехи в военных действиях благоприятствовали им и Ибрагим Паша завладел многими областями и городами Блистательной Порты, но успехи сии не были продолжительны и скоро правосудие Божие покарало преступников.

Султан Махмуд, желая ...восстановить спокойствие и порядок во владениях своих, прибегнул к великодушию верного своего союзника Великого Государя нашего и просил Его Императорское Величество помочь ему войсками. Государь Император по связям согласия и дружбы между Российскойю Империею и Оттоманскою Портою, принимая живое участие в делах Султана, не замедлил отправить в Царьград часть победоносных своих войск, поступивших в непосредственное распоряжение Его Султанского Высочества.

Едва появились наши войска в земле Турецкой, как Мехмет-Али-Паша, увидев заблуждение преступных своих предприятий и явную невозможность продолжать оныя, с сыном своим Ибрагимом Пашою, явился с покорною головою к Султану, своему законному Государю и просил пощады.

Его Султанское величество, руководимое чувствами кротости и приняв в уважение прежних заслуг сих Пашей, объявил им милостивое своё прощение и утвердил в прежде занимаемых ими должностях; таким образом, дело сие кончилось без ружейного выстрела и Русские войска, находящиеся в Царьграде не замедлят возвратиться в своё отечество.

Итак, все счастливые подданные Великого Государя Русского должны гордиться могуществом и великодушием Императора своего, который не медлит поддерживать союзников и наказывать изменников и мятежников» [23].

Принятые Г.В. Розеном меры свидетельствовали о твёрдом желании правительства обеспечить правопорядок в регионе, его возможностях организовать переброску дополнительных военных сил в зону конфликта. К основной ротации войск с территории Крыма и Дунайских княжеств мог присоединиться отдельный Кавказский корпус.

Примечания

1. В феврале 1818 года Г.В. Розен пожалован в генерал-адъютанты Его Императорского Величества, в 1827 году назначен командиром Литовского корпуса русских войск, впоследствии, в 1830-1831 гг. принял участие в подавлении польского восстания. Подробнее см.: Б. Т-в. Г.В. Розен // Русский биографический словарь А.А. Половцова. – Репр. изд. - Рейтерн – Рольцберг. – М., 1998. – С. 391-398.

2. См. об этом: Максимов Е.А. Военно-политические действия русского правительства на Ближнем Востоке в 1832-1833 гг. по сообщениям Муравьёва и Лазарева // Сборник научных трудов СурГУ. – Вып. 9. - Гуманитарные науки: В 2 ч. - Ч.2. / Сургут. гос. ун-т. - Сургут.: Изд-во СурГУ, 2002. – С. 143-156; Он же. П.Д. Киселёв. Несостоявшийся поход к Дарданеллам // Северный регион : наука, образование, культура. - 2006. - № 1. – С. 31-38.

3. Из небольшого числа публикаций можно выделить работу А.П. Заблоцкого-Десятовского Граф П.Д. Киселёв и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. – Т. I-IV. – СПб., 1882; Маркова О.П. Восточный кризис 30-х-начала 40-х гг. XIX века и движение мюридизма // Исторические записки / отв. ред. Б.Д. Греков. – Т. 42. – М., 1953. – С. 202-237; Еремеева Т.В. Заключительный этап египетского кризиса 1831-1833 годов и великие державы // Учёные записки по новой и новейшей истории института истории АН СССР. – М., 1956. – Вып. II. – С. 475-518.

4. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 1098, 5305, 5308, 5309.

5. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 1098. Записка Нессельроде – Чернышеву от 25 октября 1832 г. Л.1.

6. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 1098. Л. 2 об – Л.3. См. также.: Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. Т. I. – С. 402; Еремеева Т.В. Указ. соч. – С. 493, 494.

7. Коротко об этой миссии упоминает О.П. Маркова. Ссылаясь на документальный источник, исследователь отметила, что кроме задачи удержать население в повиновении султану, они должны были «развеесть все неблагонамеренные слухи, распускаемые англичанами и французами в Азии, насчёт дел наших в Польше, с горцами и сношений с Персией». Указ. соч. – С. 234.

8. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5309. Отношение Розена Чернышеву от 9 февраля 1833 г. Л. 4-4 об.

9. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5309. Л. 5 – Л. 5 об.

10. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5309. Л. 6 об. – Л. 7.

11. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5309. Л.7.

12. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5309. Л. 1 об. – Л. 2 об.

13. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5309. Л.1, Л. 2 об.

14. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5309. Копия отношения Чернышева Розену от 28 февраля 1833 г. Л. 8 – Л. 8 об.

15. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5309. Л. 8 об. – Л. 9.

16. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5309. Копия отношения Чернышева Розену от 6 апреля 1833 г. Л. 19 об.

17. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5309. Записка директора канцелярии Военного министерства Чернышеву от 14 мая 1833 г. с приложением отношения Розена от 27 апреля 1833 г. Л. 23 – Л. 23 об.

18. 30 апреля 1833 года А.И. Чернышев сообщил Г.В. Розену, что по информации военного агента Н.Н. Муравьева А.О. Дюгамеля, число действующих египетских войск не превышает 25 тысяч человек. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 1098. Копия с отношения Чернышева Розену от 30 апреля 1833 г. Л. 124 – Л. 124 об.

19. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5305. Замечания князя Варшавского графа Паскевича Эриванского, относительно направления войск наших в случае военного действия против египетского паши от 28 марта 1833 г. Л.1, Л. 4 об.

20. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д.5309. Отношение Розена Чернышеву от 2 марта 1833 г. Л. 11 – 11 об; Там же. Копия отношения Чернышева Розену от 22 марта 1833 г. Л. 13.

21. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5308. Копия отношения Чернышева Розену от 30 апреля 1833 г. Л.1 - Л.1 об; Копия отношения Чернышева Розену от 15 мая 1833 г. Л. 26.

23. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5308. Отношение Розена Чернышеву от 13 июля 1833 г.

22. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5308. Выписка из отношения графа Орлова Чернышеву от 10 июня 1833 г. Л. 10 – Л. 10 об.

23. РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 5308. Отношение Розена Чернышеву от 13 июля 1833 г. Л.30-32. Коротко об этом документе упомянула О.П. Маркова.—Указ. соч.— С. 232-233.

Н.В. Ушакова

**ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РУССКОГО
МОНАШЕСТВА В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД
В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ 1950-1960-Х ГГ.**

Участие Советского Союза во Второй мировой войне не позволило советским историкам активно заниматься исследовательской деятельностью, поэтому возврат к изучению Древней Руси происходит только с конца 40-х – начала 50-х гг. XX века.

В этот период основные принципы изучения русского средневековья не претерпели коренных изменений. Научные исследования проводились в русле марксистско-ленинской идеологии в соответствии с положениями правительственных комиссий и решениями заседаний президиума. Все аспекты становления русской церкви рассматривались в контексте социально-экономической и политической истории древнерусского государства: с позиции взаимодействия церковной и княжеской властей, а также влияния европейских и византийских глав церквей на возникновение и развития русского монашеского движения.

В начале 1951 г. выходит работа «История культуры Древней Руси» под общей редакцией Б.Д. Грекова и М.И. Артамонова. Рассматривая основные аспекты культурного развития общества, исследователи особое внимание уделяют вопросам христианизации Руси. «Христианство на Руси появилось задолго до его принятия в качестве официальной религии при Владимире Святославовиче» [1]. Не вдаваясь подробно в историю появления и распространения русского монашества, исследователи панорамно описывают процессы строительства крупных монастырей и дают характеристику их основателей.

Киево-Печерский монастырь с начала функционирования готовил в своих стенах «миссионеров и кандидатов на руководящие посты в новых епископиях» [1]. Его монахи становились главными распространителями веры в разных областях Киевской Руси. Так, «к концу XI в. относится проповедническая деятельность Авраамия, который основал здесь (в Ростове – Н.У.) монастырь» [1]. После Авраамия был поставлен «в 1077 г. на ростовскую епископию монах Киево-Печерского монастыря Исая» [1], который достиг значительных успехов в укреплении православия, чему способствовало не только самостоятельное служение монахов, но и всесторонняя помощь киевских князей. «Постройка им (Владимиром Мономахом – Н.У.) нового города Владимира и княжеских крепостей в старых городах, прочное освоение земли княжеской властью имели решающее значение для христианизации населения Волго-Окского междуречья» [1]. Благодаря совместным усилиям княжеской власти и Киево-Печерского монастыря в это время в Суздале появился филиал Киево-Печерского монастыря – Дмитриевский монастырь [1]. Часто без поддержки князей деятельность монастырей по христианизации отдельных регионов оказывалась малоэффективной. Отмечено, что особенно сопротивлялось население северо-восточной Руси, и самостоятельные попытки миссионеров христианизировать население без помощи княжеской власти, как правило, терпели неудачу. Так, «в середине XII в. монах Киево-Печерского монастыря Кукша, проповедовавший христианскую религию среди вятичей, был убит язычниками» [1].

Проблема влияния византийского православия и римского католицизма на Русь рассматривается в работе Б.Я. Рамма «Папство и Русь в X-XV вв.». Автор отмечает, что Византия и Рим пристально следили за политическими изменениями внутри Руси, «одновременно и манившей к себе огромными своими богатствами, и отпугивавшей своей грозной силой» [2]. Отдаленность границ, а также постоянная борьба с арабским халифатом и печенегами в степях Северного Причерноморья не позволяли Константинополю рассматривать Русь как объект захватнических воцелений [2]. Именно поэтому, по мнению исследователя, «глубоко заинтересованная в налаживании прочных торговых связей с Русью, Византия всячески стремилась к более широкому внедрению здесь новой веры, насаждаемой греческими монахами» [2]. В результате русское православие, принятое по греческим образцам, восприняло и монашество как неотъемлемую часть церковной структуры. Наряду с первыми русскими патриархами, направленными из Византии, основы аскетизма на Руси распространяли монахи византийских монастырей. Но не только византийская церковь отправляла монахов на Русь, но и германский король Оттон I, заинтересованный в распространении католицизма на новых территориях, отправлял с миссионерской деятельностью монахов-бенедиктинцев. «Обращение в христианскую веру русских для Оттона I важным было постольку, поскольку оно, как он надеялся, могло облегчить окончательное покорение западных славян и распространение его политического влияния на Русь» [2]. В этот период папа римский фактически находится под властью Оттона I, поэтому деятельность последнего и предполагала расширение границ католического мира. Ради этих целей было сформирована миссия на Русь, возглавлять которую должен был сначала монах Либудий из монастыря св. Альберта в Майнце, но из-за смерти последнего был назначен монах монастыря св. Максимилиана в Лотарингии, Адальберт [2]. Стоит отметить, что по прибытии на Русь этот монах уже имел титул «епископа русского», которым наделили его германский король и папа римский Иоанн XII. Исследователь отмечает, что, скорее всего, было первое появление католического прелата. «В Киеве быстро разгадали, что скрывается за так называемой «христианизацией», о которой разглагольствовали новоприбывшие». Кроме того, поведение миссионеров было достаточно нескромным, поэтому в народе поднялось возмущение. Адальберт со своими спутниками «счел за лучшее спешно оставить пределы киевской земли» [2].

Историю появления и распространения монашества на Руси рассматривает И.У. Будовниц в работе «Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI – XIV вв.)». Исследователь большое внимание уделяет вопросам установления церковной иерархии на Руси. Особо подчеркивается самостоятельность русского народа, который не просто воспринял или перенял иерархическую структуру Византийской церкви, но и наполнил ее самобытным содержанием. И главную роль в процессе создания местной структуры играли не византийские клирики, а русские люди, воспринявшие новую веру. «При всем обилии в Византии безработных и праздношатающихся клириков и монахов, жаждавших должностей и доходов, нельзя себе представить, чтобы их прельщала перспектива занять место скромного священника с незначительными доходами в далекой неведомой стране» [3]. Не только отсутствие материальных выгод, но и существующие языковые преграды останавливали иноземных монахов и священников. И.У. Будовниц считает, что «совершенно невозможно представить себе болгарина, а тем более грека, не знающего русского, в роли рядового священника, повседневно общающегося с населением» [3]. Все это только доказывало существенную самостоятельность русской церкви, ее

способность развиваться независимо от пришлых управленцев. Конечно, существовала проблема с кадрами для новых церквей и монастырей, но и она решилась очень скоро: «поскольку христианские общины и даже церкви (например, церковь св. Ильи в Киеве) существовали на Руси до Владимира, то, несомненно, в стране имелись уже готовые кадры священнослужителей, составлявших костяк будущей разветвленной церковной организации» [3]. Другой вопрос, который широко дискутировался в отечественной историографии в этот период и которому отведено достаточно места в работе И.У. Будовница, – вопрос о распространении веры среди русского населения юго-восточной Руси. Автор, как и многие другие исследователи, отмечает, что христианизация ростовских, муромских земель, а также распространение христианства среди вятичей связаны с именами монахов Киево-Печерского монастыря, причем на всех территориях представителям церкви приходилось сталкиваться с определенными трудностями. «В Ростове, где с успехом подвизались волхвы, еще во второй половине XI в. епископ Леонтий и его преемник Исаия подвергались сильным нападкам со стороны населения» [3]. В Муроме только в конце XI века «христианство стало утверждаться», а вятичи даже в первой половине XII века не смирились с новой религией.

Представляет интерес работа С. Билинеца «Тьма и её слуги. (О православных монастырях и монашестве)», в которой автор ставит вопрос о необходимости изучения монашества на Руси. Он отмечает, что «об истории монастырей, может быть, и не стоило бы особенно распространяться, но это необходимо потому, что русская православная церковь в своих журналах усиленно идеализирует монастыри и монашество, воспекает их «святое подвижничество», определенно рассчитывая на искусственное разжигание набожности верующих в целях получения материальной поддержки и пополнения монастырей молодежью» [4]. Поэтому, считает С. Билинец, историю развития монашества необходимо изучать в рамках истории становления феодализма на Руси, так как именно монастыри стали первыми крупными вотчинниками и феодалами. Первоначальная история монашества, по его мнению, неразрывно связана с историей появления и распространения христианства в русских землях. С. Билинец пишет, что «на Руси первые монастыри появились сразу же после введения христианства» [4]. Со времени своего появления они «были пропитаны духом аскетизма точно так же, как и их византийские предшественники в раннем средневековье» [4]. Но самостоятельность формирования русского монашества на этапе его появления проявляется, по утверждению автора, слабо, так как «основателями монастырей, за редким исключением, были князья, их жены, митрополиты, епископы и феодальная знать» [4]. Поэтому распространение монастырей в этот период необходимо связывать с двумя главными функциями, которые предписывались им основателями. Во-первых, монастыри являлись местами богомолья и вечного покоя после смерти, во-вторых, они выступали загородными резиденциями для отдыха князей, митрополитов, епископов и светской знати [4]. Эти две функции, как правило, и определяли выбор места для строительства монастыря. Чаще всего монастыри строили вблизи городов, обносили крепостными стенами, обустраивали палатами и т.д. [4]. Возведение стен не означало еще появления монастыря, поэтому основатель заботился и о наполнении его всем необходимым, начиная с монашеской братии, заканчивая средствами к существованию: «учредитель его собирал желающих стать монахами, наделял землями и деньгами, поручал монахам молиться за него самого и «за русскую землю» [4]. Такие монашеские общины служили единственной цели – быть «штатными» богомольцами за богатых благодетелей» [4]. Именно так охарактеризует С. Билинец первые монашеские общины.

С течением времени ситуация начинает меняться. Появляются первые монахи, которые «уходили из городских монастырей подальше от населенных мест и там, в глуши, основывали новые монастыри, так называемые «пустынножительные». Но ситуация с привлечением населения в такие монастыри была сложной, поэтому «они подбирали несколько бродяг или беглых крепостных крестьян, сооружали скит» [4]. С. Билинец утверждает, что при строительстве таких монастырей преследовалась одна цель, а именно получение собственной вотчины, в связи с чем монахи-основатели «выпрашивали у князей и царей право на владение окрестными землями» [4]. Не только монашество получало выгоду от таких сделок, но и государство. Поскольку подобное сотрудничество «создавало опорные пункты на окраинах государства, расширяло районы освоения государственных земель и развивало экономику края» [4]. Такие процессы, по мнению автора, можно назвать колонизаторскими, которые сначала «под прикрытием «подвижнического благочестия» опирались «на даровую силу рядовой монашеской братии (больше работников, чем «духовников»), а потом на закабалаемых монастырем крестьян окрестных деревень» [4].

История появления и распространения монашества описывается и крупнейшим советским историком Б.А. Рыбаковым в труде «Первые века русской истории». Рассматривая вопросы христианизации славян, автор особо останавливается на проблемах проникновения христианства на Русь и его адаптации к существующим языческим нравам славян. С появлением первых христиан на Руси начинает складываться и церковная структура, в которой «одной из сильнейших церковных организаций были монастыри, игравшие вообще очень важную роль в истории средневековых государств» [5]. Следует отметить, что русские князья изначально стремились поддержать появление новых духовных центров. Поэтому, как отмечает автор, «хорошо понимая идеологическую силу христианства, Ярослав уделял много внимания организации русской церкви и монашества» [5]. Времена Ярослава знаменуются не только укреплением государственности, но и становлением церковной иерархии. Не последнюю роль в ней играли монастыри, особенно Киево-Печерский. «При Ярославе Антоний Любечанин положил начало знаменитому впоследствии Киево-Печерскому монастырю» [5].

История появления и распространения монашества рассматривается и у историков русского зарубежья. Свободные от влияния идеологии эти исследователи не стремились к формулировке оценочных выводов о характере деятельности церкви и монастырей и больше внимания уделяли непосредственно описанию событий. Например, в работе И.М. Концевича «Стяжание духа Святого в путях Древней Руси» описывается жизненный путь Антония Печерского, являвшего, по мнению автора, основоположником русского монашества. Как пишет исследователь, до основания собственного монастыря, возвратившись из Греции, Антоний обошел все киевские монастыри, но они его не устроили. Потому он «выбрал пещеру, вырытую для уединенной молитвы митрополитом Иларионом в бытность его священником в селе Берестове и пустовавшую при его переходе на Киевскую кафедру в 1051 г.» [6]. И.М. Концевич подробно останавливается на описании этой пещеры, которая находилась в густом лесу. Подвижничество Антония Печерского не осталось незамеченным, и «ко времени смерти Ярослава (1054 г.) он был уже прославлен, как подвижник, и князь Изяслав приходил с дружиной просить его благословения». Не только князья обращались к подвижнику, но и простые люди уже приходили к нему, при этом некоторые из них оставались с ним: «К этому времени вокруг Антония образовалось братство в 12 человек». Причем из этих двенадцати человек многие стали

знаменитыми подвижниками земли русской. «В их числе был «Нестор-пресвитер», постригавший братию в монашество (сам Антоний, как и Антоний Египетский, не имел никакого священного сана), затем Варлаам, Ефрем каженник (евнух), доставивший позднее из Константинополя Студийский устав, впоследствии епископ Переяславский, и, наконец, будущий устроитель монастыря Феодосий» [6]. Самое главное, по мнению автора, что Печерских подвижников привлекали на должности игуменов в княжеские монастыри. Начало такой практики было положено князем Изяславом, который «взял из монастыря игумена Варлаама для начальствования в другом» [6]. С этого времени игуменом Киево-Печерского монастыря становится Феодосий, однако Антоний, не входя во внешнее управление монастырем, остается его руководителем [6].

В работе «Исторический путь православия» протоиерей А. Шмеман, рассматривая особенности формирования и распространения православия на протяжении всего времени его существования, особо выделяет русское православие. Развитие русского монашеского движения он связывает непосредственно с деятельностью Киево-Печерского монастыря. «В течение первого же столетия в Киеве создается духовный центр, наложивший свою глубокую печать не только на киевский, но и на все следующие периоды истории русской религиозности. Это Киево-Печерский монастырь, основанный в 1054 году преп. Антонием, но по-настоящему организованный преп. Феодосием – подлинным родоначальником всего русского монашества» [7]. Этот монастырь, по мнению исследователя, в дальнейшем станет главным центром распространения аскетических идеалов по русским территориям: «Знаменитая Лавра дала Церкви до 50 епископов, которые всюду разносили ее дух, ее предание и уставы» [7]. Прот. А. Шмеман отмечает, что Киево-Печерский монастырь в этот период был не только религиозным центром с его жесткими законами, но и центром благотворительной, социальной деятельности [7]. Русское монашество в домонгольский период остается неизменно связано с этим крупным центром, который, по мнению исследователя, становится источником влияния киевского центра на русские земли, «мерилом» всей жизни» [7]. Следовательно, русское монашество домонгольского периода прот. А. Шмеман связывает с деятельностью только Киево-Печерского монастыря.

Независимо от идеологической направленности, все авторы 50-60-х гг. (и советские, и зарубежные) фокусируют внимание на следующих проблемах становления и развития русского монашества в домонгольский период:

- времени появления первых русских монахов,
- деятельности и роли Киево-Печерского монастыря,
- строительстве монастырей князьями,
- распространении христианской веры среди населения,
- влиянии византийской церкви и папского престола.

Время появления первых русских монахов, по мнению С. Билинеца, совпадает с проникновением христианства на Русь. Но вплоть до появления Киево-Печерского монастыря не создается крупного аскетического центра. Именно Печерский монастырь в Киеве, по мнению Б.Д. Грекова, М.И. Артамонова, И.М. Концевича, А. Шмемана внес серьезный вклад в процессы становления веры, укрепления церковной иерархии и идеалов православия. Непосредственная связь монашеских общин и княжеской власти приводит к строительству новых монастырей, а также расширению и укреплению существующих. Исследователи С. Билинец, Б.А. Рыбаков, И.М. Концевич указывают на существенную помощь киевских князей Киево-Печерскому монастырю, а также их заинтересованность в появлении личных общин. Как отмечает С. Билинец, изначально монахи теснейшим

образом сотрудничают с государством, выполняя функции по освоению новых территорий и их экономическому развитию. Этот факт позволил значительно увеличить количество монастырей на Руси не только в крупных городах, но и новых территориях.

Примечания

1. История культуры Древней Руси / Под общ. ред Б.Д. Грекова и М.И. Артамонова - Т. II. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – С. 81.
2. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X-XV вв. - М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – С. 33.
3. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI – XIV вв.) – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – С. 91-92.
4. Билинец С. Тьма и её слуги. (О православных монастырях и монашестве). – Киев: Государственное издательство политической литературы УССР, 1960. – С.4.
5. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. – М.: Наука, 1964 – 65 с.
6. Концевич И.М. Стяжание духа Святого в путях Древней Руси – (Репринтное издание) – М.: Издательство Московского Патриархата, 1992 – 116 с.
7. Шмеман А. Исторический путь православия. – Paris, 1989. – С. 344-345.

В.В. Мархинин (мл.)

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Проблема, обозначенная в названии настоящей статьи, имеет одновременно теоретическое и прикладное значение. Она состоит в вопросе о том, как соотносятся логика социально-исторических процессов и логика истории политических идей. Очевидно, что развитие идей испытывает воздействие со стороны политической конъюнктуры и объективно имеющих место социально-экономических процессов, но столь же очевидно, что это развитие не предопределено ни тем, ни другим; оно имеет собственную логику и закономерности. Это, в свою очередь, означает, что периодизация истории политических учений по принципу принадлежности к тому или другому этапу развития политической системы государства (феодалная раздробленность, централизованное государство; сословно-представительная монархия, абсолютизм; период до и после революции, реформы и т.п.) будет неизбежно страдать искусственностью. Подобным образом обстоит дело и с привязкой этапов развития политической мысли к большим историческим эпохам (Средневековье, Новое время). Подобные способы осмысления истории политических концепций действуют, что называется, лишь «в общем и целом». При выборе такого принципа периодизации историк политической мысли неизбежно столкнется с проблемой отсутствия однозначной зависимости между содержанием отдельных фрагментов интеллектуального континуума политических теорий и «идеально-типической» спецификой эпохи. Например, в Новейшее время, на излете индустриальной эпохи в полном «противоречии» с логикой исторического процесса возникают политические концепции, фундамент которых – теоретические ходы, характерные для мыслителей средневековья. Разумеется, никакого противоречия между ходом интеллектуальной жизни и социально-экономическими процессами нет; приведенный выше пример лишь иллюстрирует то, что связь между ними не имеет линейного, однозначного характера.

В этом, собственно говоря, и состоит проблема, которая с неизбежностью возникает при попытке периодизировать историю интеллектуальной жизни на основе внешних обстоятельств: между этими обстоятельствами и интеллектуальными процессами, несомненно, есть определенные зависимости, но они чрезвычайно плохо поддаются выявлению. Их выделение оправдано, если имеются в виду дидактические цели (облегчить студентам знакомство с соответствующим историческим материалом, его запоминание и т.п.). Собственно, в этих целях такая периодизация и используется: ее можно встретить в любом учебнике. Не отказывая ей в праве на существование, заметим: схематичная привязка некоторого комплекса идей к определенной эпохе часто ничего не проясняет по существу. Например, ничего не проясняет хрестоматийный тезис об обусловленности политических идей времен Ивана Грозного объективным историческим процессом централизации власти: централизация происходила – и не в меньших масштабах – и в XVII в., но ничего подобного в публицистике XVI века этот период не породил. Обозначенная нами проблема имеет, как видим, и прикладной, дидактический характер: для успешного освоения материала истории политических учений необходимо уяснить внутреннюю логику развития интеллектуального процесса.

Оправданной в такой ситуации представляется периодизация истории политических учений, которая базировалась бы, в первую очередь, на анализе особенностей самих учений и особенностей политической культуры, порождающей политические идеи. Теоретическая основа такого анализа разработана еще во второй половине XX века в исследованиях политической культуры, в первую очередь, Г. Алмондом.

Рассмотрим в этой связи процесс изменения способов конструирования политических идей в отечественной литературе с древнейших времен до наших дней.

Наиболее ранние образцы политических идей русского средневековья обладают заметной особенностью: во всех случаях, когда эти идеи высказывались, они в действительности не были выделены из суммы идей, не имеющих прямого отношения к политике. Так обстоит дело, например, с «Поучением» Владимира Мономаха. Свое кредо он описывает в первых же строках «Поучения», заимствуя для этого слова из Псалтыри: «Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заковать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся.» и т.д. Понятно, что указание на неизбежность кары для злодеев применимо к осмыслению политической реальности; свои политические успехи Мономах описывает как следствие неизбежности победы Божией правды над злом. Но столь же очевидно, что ничего специфического именно для политической сферы эта максима не содержит.

И, когда Мономах переходит от цитирования Псалтыри к изложению собственных мыслей о том, как следует жить князю, это обстоятельство сохраняется в полной мере. Наставляя внуков, он предписывает им благочестие, сострадание к убогим, милосердие, почтение к Церкви, уважение к родственникам, воздержание от пороков, гостеприимство. Предписания, содержащие отсылки собственно к политической жизни (отказ от грабежей во время войны, упорство в походах, трудолюбие в обустройстве княжеского дома, верность крестному целованию) не выделены из этого ряда вполне очевидных требований к морали порядочного человека.

Предпринятое только что выделение «общеморальных» и «политических» предписаний, разумеется, искусственно, т.е. привносится в текст современным читателем, стремящимся реконструировать политические взгляды Мономаха; в самом тексте такое разграничение отсутствует.

По большому счету, каждый из советов Мономаха внукам универсален, применим во всех сферах, которые он затрагивает в своем поучении – от духовной и семейной жизни до жизни деловой и политической. Вполне универсален и адресат поучения: хотя Мономах пишет его для княжичей, его советы вполне годятся и для тех, кто властью не обладает.

Такое положение характерно и для текстов, авторы которых предпринимая анализ социальной действительности: предмет политического мышления логически не выделен из общего контекста религиозного мировоззрения ни в «Слове о законе и благодати», ни даже в памятниках филофеева цикла.

Формально говоря, памятники средневековой русской мысли вообще не содержат политических *концепций*. Ведь для того, чтобы некая сумма суждений могла стать концепцией в настоящем смысле этого слова, требуется как минимум наличие логически выделенного объекта концептуализации. И именно это необходимое условие отсутствует в текстах русского средневековья.

Разумеется, это не означает, что средневековые писатели не имели политических взглядов. Политическое кредо того же Мономаха вполне поддается реконструкции, материалом для которой служит, в том числе, и написанное им поучение. Другое дело, что его взгляды на политику имеют синкретический нерелексивный характер, решение политических проблем представляется ему, как и другим средневековым писателям, очевидным: для того, чтобы это решение получить, достаточно лишь приобщиться к истине, открытой человечеству в Писании и к собственному здравому смыслу. В такой ситуации у автора просто не возникает мотивов систематически излагать свои представления о политике – они самоочевидны для обыденного здравого смысла писателя; а здравый смысл и религиозная вера, как известно, принципиально не теоретичны.

В этой связи остается лишь согласиться с Р.Т. Мухаевым и В.С. Нерсисянцем, авторами наиболее известных учебников по истории политических и правовых учений. Определяя предмет этой области знаний, они подчеркивают, что отдельные высказывания по вопросам политики не являются еще учениями; построения, сделанные в рамках обыденного сознания, религиозного или художественного мировоззрения, по их же справедливому утверждению, качественно отличаются от политических *теорий*, их история является предысторией политических и правовых учений. Период предыстории отечественных политических учений, тем не менее, выделять как-то не принято. Удивительно, но понимание различий между политическими учениями и нетеоретическими представлениями о политике у Р.Т. Мухаева и В.С. Нерсисянца с его соавторами присутствует лишь по отношению к западноевропейской политической традиции и начисто отсутствует при анализе традиции русской. Русская политическая мысль, начиная с самых архаичных эпох, рассматривается ими и прочими авторами как имеющая форму современной политической теории [1].

Например, О.Э. Лейст без тени сомнения оценивает «Слово о законе и благодати» как «первое *чисто политическое* произведение» (курсив наш – В.М.) [2]. С ним в этой оценке солидарны, как это ни странно, и те, кто, подобно Нерсисянцу указывает на необходимость различать высказывания о политике и политические учения в строгом смысле слова.

Действительно, Илларион упоминает некоторые политические реалии, но ведь это упоминания, и не более того. Политические реалии – например, власть князя – им названы, но не анализируются. Наряду с ними он упоминает (тоже вне какого бы то ни было анализа) и, например, реалии географические и этнические. Если использовать логику О.Э. Лейста, то «Слово» можно объявить и трактатом по географии или этнологии.

Политические реалии упоминаются не только Илларионом, но, например, в русских былинах, поэмах Гомера и Гесиода, священных текстах мировых религий, в бытовой письменности; будем ли мы на этом основании считать соответствующие памятники «*чисто политическими* произведениями»?

Вызывает, как минимум, недоумение тезис учебника Лейста (вообще распространенный в литературе) о том, что митрополит Илларион «стремился теоретически обосновать независимость Киевского государства от Византии и идею сильной княжеской власти». Решительно непонятно, что заставило почтенного автора увидеть в этом произведении отстаивание столь странного тезиса о независимости Руси от Византии, ведь никогда в истории такая зависимость не существовала. Нет никаких оснований думать, будто бы современники Иллариона оценивали отношения Руси к Византии как отношения зависимости, и у Иллариона была бы нужда растолковывать им тот очевидный факт, что такой

зависимости нет. Действительно, династические связи русских князей с младшими родственниками византийских императоров давали и русским, и византийцам основания рассматривать взаимоотношения Константинополя и Киева как отношения старшего и младшего. Но ведь, во-первых, Илларион и не думает опровергать наличие такого родства – он о нем просто не говорит ничего и ни единого раза не упоминает Византию в качестве субъекта политических отношений. Считать это приемом, при помощи которого Илларион желает опровергнуть зависимый статус Руси – значит совершать совершенно произвольные манипуляции с текстом «Слова». Илларион не упоминает, например, дань хазарам – так значит ли это, что он намерен опровергнуть факт уплаты этой дани русичами или доказать, что зависимость Руси от хазар никогда не существовала? Во-вторых, если все же допустить, что Илларион отстаивает приписанную ему авторами учебников точку зрения, то необходимо признать: урок национальной гордости, данный митрополитом, не был услышан потомками, ведь уже Владимир Мономах в своем «Поучении» делает акцент на своем родстве с византийской династией, а не с Рюриком, а тот же Рюрик в русской генеалогической литературе более позднего времени был объявлен потомком Августа-кесаря.

Допущенный Лейстом ляпсус имеет массу аналогов в учебной литературе. Мы остановились на этом досадном примере лишь для того, чтобы еще раз подчеркнуть: современивание смыслов политических идей Средневековья недопустимо. Пытаться увидеть «чисто политическое произведение» в культуре, не имеющей еще опыта логического обособления политики от социальной жизни в целом, значит совершать грубое насилие над историей. Неизбежный результат такого насилия – игнорирование широко известных исторических фактов и несуразные суждения, подобные тем, что в изобилии рассыпаны в главах об истории русских политических учений того же учебника О.Э. Лейста.

Не можем не упомянуть в этой связи еще несколько поучительных примеров того, к чему приводит стремление увидеть в средневековых писаниях аналоги современных теорий. О.Э. Лейст, например, цитирует «Моление Даниила Заточника»: «Орел птица – царь над всеми птицами, а осетр над рыбами, а лев над зверьми, а ты, княже, над переяславцами». На основании этой немудреной и ни к чему не обязывающей риторики автор учебника без колебаний заключает: «установление единовластия князя – основная идея произведения»... [3].

Он же говорит о Филофее: «В теории “Москва – третий Рим” ... большой резонанс имел внутривластный аспект, возвышающий власть московских государей над удельными князьями. Именно этот аспект (здесь и далее курсив наш – В.М.) вызвал ожесточенное сопротивление удельных князей и боярства. Вокруг него (внутривластного аспекта теории – В.М.) разгорелась острая идейная борьба, принявшая при Иване III религиозную форму...» [4].

Сегодня нет серьезных оснований считать, будто бы Иван III вообще был адресатом посланий Филофея: Елеазаров монастырь находился, как известно, в Пскове, т.е. в княжестве, которое было присоединено к Московскому царству лишь через пять лет после смерти Ивана. Наиболее надежно атрибутированные и датированные тексты Филофея относятся к середине или концу царствования Василия III, когда адресат его посланий Михаил Григорьевич Мисюрь Мунехин служил государевым дьяком в Пскове. Но, даже если принять устаревшую теорию, согласно которой Филофей обращался именно к Ивану, суждение Лейста остается исключительно ложным. Если исходить из него, то Филофей необходимо будет признать инициатором дискуссий нестяжателей и иосифлян,

что полностью противоречит современному уровню знаний и о биографии Филофея, и об истории церкви: споры между последователями Иосифа и Нила начались за два-три десятилетия до создания старцем Елеазарова монастыря его посланий. Заметим, кроме того, что автору, утверждающему, что полемика нестяжателей и иосифлян инициирована идеями Филофея, было бы полезно объяснить, как мысли безвестного псковского старца могли за много лет до присоединения Пскова (кульминация полемики нестяжателей и иосифлян – собор 1503 г. – состоялась за семь лет до присоединения Пскова к Москве) повлиять на настроения московских церковников.

И уже совершенно безответственно – даже на фоне приведенных выше суждений – выглядит тезис Лейста о том, что внутривластный аспект посланий вызвал сопротивление («жесточенное сопротивление») удельных князей. Что, собственно, указывает на то, что хоть кто-то из удельных князей вообще был знаком с посланиями безвестного старца? В каких текстах отразилось сопротивление знати идеям Филофея? На каком, в конце концов, основании сделан вывод о направленности посланий против власти удельных князей? Ни в одном из посланий институт удельного княжения не упомянут, что, впрочем, неудивительно, если учесть, что в Псковском княжестве вообще не было уделов [5], а Филофею по этой самой причине не было дела до удельных князей, как и удельным князьям времен Ивана III не было дела до него.

На основании процитированного фрагмента следует сделать вывод о том, что Лейст относит борьбу удельных князей и боярства против централизации ко времени Ивана III (когда старец – в действительности, еще юноша – Филофей будто бы инициировал споры нестяжателей и иосифлян). Это говорит об игнорировании Лейстом исторических реалий той эпохи: Иван не стремился уничтожить институт удельного княжения и, осуществляя давление на некоторых удельных князей, он раздавал своим наследникам огромные уделы, сравнимые по размерам с остальной территорией царства. Именно в царствование Ивана III за счет вновь присоединенных земель происходит и гигантское увеличение боярских вотчин, которое, конечно же, было фактором роста лояльности, а отнюдь не оппозиции боярства.

Словом, в главах учебника, посвященных истории политических учений России, мы можем познакомиться не с фактическим положением дел, но лишь с фантазиями О.Э. Лейста, которые не находят какого бы то ни было обоснования.

Автор учебника просто «забыл» о хрестоматийных фактах русской истории. По нашему мнению, это произошло из-за его стремления во что бы то ни стало рассматривать тексты Филофея и других средневековых писателей в рамках современной логики политических идей. С позиций такой наивной аналогии предполагается, что, если средневековый автор делает некоторое обобщение относительно политики, он отталкивается от соответствующей теории; если он обращается к князю, он предлагает ему программу, идеологический манифест, клеймит его недругов; если заявленная писателем позиция выглядит неожиданной (с современной точки зрения), она вызывает бурный общественный резонанс; если О.Э. Лейсту идея трансляции империи кажется несовместимой с существованием удельных княжеств, она представляется таковой и Филофею и т.п.

В методологическом плане такой осовременивающий подход недопустим, поскольку при его использовании исследователь лишается возможности адекватно представлять себе политическое мировоззрение средневекового человека. При попытке втиснуть в современный канон рационального мышления внерациональные, аффективные представления, сформированные патриархальной политической культурой, исследователю неизбежно

но придется исказить их, даже если он не впадет в фантазирование, подобное описанному выше. Это и происходит на каждом шагу в учебниках. «Смертную казнь как вид наказания Мономах не приемлет, исходя из нравственных постулатов христианства» – пишут Исаев и Золотухина [6], ссылаясь на известный призыв его «Поучения» не убивать ни правого, ни виноватого. Присутствие подобного текста у теоретика Нового времени и правда говорило бы о его неприятии смертной казни; но с Мономахом дело обстоит совершенно иначе. «Неприятие смертной казни на основе нравственных постулатов христианства» совершенно не мешало ему похвалиться в том же «Поучении» казнью великого множества плененных им половецких князей, а призыв не допускать, чтобы дружинники грабили мирных жителей ни в собственном, ни в чужом княжестве, столь же мало мешал Мономаху гордиться тем, что в свое время он дотла разорил Минск, не оставив в нем «ни скота, ни челядина».

Разумеется, Мономах не единственный носитель подобного синкретического мышления. Практикуемый им стиль рассуждений характерен для очень продолжительного периода в истории русской политической мысли, и представляется очевидным, что этот этап развития политических идей должен быть четко выделен в периодизации истории политических учений.

Выше мы уже отметили возможность отрицать в формальном отношении сам факт наличия в русской средневековой литературе политических учений. В действительности, придерживаясь такой точки зрения стоило бы лишь в том случае, если бы на протяжении всей эпохи, предшествующей возникновению политических концепций, не было качественных изменений, если бы политическая мысль древнейшего периода русской истории была в качественном отношении однородна.

Но дело в том, что такая однородность как раз не наблюдается. В истории русской культуры имеет место очень своеобразная ситуация: в период, предшествующий возникновению первых, еще доконцептуальных, образцов политической мысли вообще не было создано ни одного литературного памятника.

Прогресс русской культуры и государственности, по всей видимости, создал предпосылки для фиксации социального мировоззрения в литературных памятниках именно к началу эпохи расцвета Киевской Руси. За несколько десятилетий до создания «Слова о законе и благодати» начинается кодификация обычного права и создание сводов церковного права. В плане истории политической культуры этот процесс означает переход от культуры патриархальной к культуре подданнической.

Кодификация права указывает, если использовать терминологию Г. Алмонда, на возникновение когнитивных ориентаций в понимании политической системы и упорядочение ориентаций оценочных. Именно оценочные и аффективные ориентации и нашли отражение в памятниках литературы: в упомянутых произведениях Иллариона, Мономаха и Даниила Заточника отражены главным образом представления о достоинствах князя.

Когнитивные ориентации, т.е. представления о фактическом устройстве политической системы, были значительно менее систематизированными и почти не поддаются реконструкции, но, тем не менее, они существовали. Об этом говорит хотя бы то, что кодификация обычного права часто происходила посредством заключения населением или вотчинниками «ряды» с князем (таким образом была создана древнейшая редакция «Русской правды», а в московское время – многочисленные уставные грамоты); понятно, что стороны, заключающие договор об иммунитетных правах, имеют определенные фактические представления друг о друге. Это обстоятельство – фиксация политических

представлений в литературных памятниках – коренным образом отличает интеллектуальную ситуацию той эпохи от предшествующего периода.

Корпус памятников этого *доконцептуального* периода разнороден. Некоторые авторы довольно близко подходят к созданию политических учений. Но даже такие «почти учения» сохраняют доконцептуальный характер. Крупнейший из таких памятников – послания Филофея. В послании «На звездочетцев» главная тема – влияние звезд на жизнь людей. По Филофею, мы от звезд не зависим. Ход земной жизни определяется происхождением человека и его местом в обществе. Светила не влияют на историю царств. Царства процветают, сохраняя верность Богу, и гибнут, когда от него отпадают. Так и произошло смена Рима Первого на Второй, а Второго на Третий.

Идея вечного вселенского царства выработана не самим русским книжником; она восходит к ветхозаветным и общим для всего христианства представлениям. Филофей, по сути дела, апеллирует к этой идее как к очевидному факту. Политическая реальность выделена Филофеем из прочих сфер реальности социальной: возвышение и гибель царств рассматриваются как особые события, не сводимые к логике человеческих взаимоотношений и к природным обстоятельствам.

Тем не менее, апелляция к этой идее решает внешнеположную политике задачу: показать суетность астрологии, напомнить о значимости христианской ортодоксии. В свете этого обстоятельства представляется, что вошедшее с легкой руки публицистов выражение «*теория* Москва-Третий Рим» является неудачным и не отражает сути описываемого явления: предмет анализа посланий не политическая реальность, а роль веры в жизни человечества. (Хотя, разумеется, рассуждения Филофея и могут быть использованы для довольно детальной реконструкции его политических представлений.)

Возможность преобразовать обобщения, сделанные в посланиях к Мунехину, в политическую концепцию отчасти реализована в «Послании об обидах, причиняемых русской церкви» и в «Послании Великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде». Авторство Филофея применительно к этим посланиям вызывает обоснованные сомнения у ряда современных исследователей. Но сам по себе вопрос об авторстве в данном случае второстепенен, ибо, по большому счету, не так важно, кто именно применил идею трансляции империи в качестве аргумента в политической дискуссии. Важно то, что имел место факт использования этого концепта в целях политического анализа. Памятники филофеева цикла, таким образом, при всем синкретизме мировоззрения их автора (авторов), делают значительный шаг в сторону выделения политики в самостоятельный предмет анализа.

Такая ситуация вообще характерна для памятников политической мысли XVI–XVII вв. Еще один ее образец представлен в сочинениях А. Курбского, особенно в «Повести о великом князе московском». Предмет его повествования имеет чисто политический характер, но задачи, которые он ставит, имеют не столько исследовательское, сколько морально-назидательное содержание. С большим литературным мастерством Курбский показывает, как обстоятельства жизни царя (буйство, нравственная нестойкость, скверное окружение) привели к удалению от него мудрых советников и к его собственной нравственной и политической катастрофе. Курбский демонстрирует читателю очевидную (будто бы очевидную) цепочку событий, не прибегая при этом к каким бы то ни было обобщениям. Фактически и Курбский, и Филофей располагают инструментами для анализа интересующих их политических реалий: в первом случае это идея зависимости политики от совести государя и его советников, во втором – идея трансляции импе-

рии. Но, обладая этими инструментами, средневековые писатели не находят необходимым продемонстрировать своим читателям, каким образом их следует использовать за пределами той конкретной ситуации, которая является предметом их писаний.

Причины, по которым теоретические обобщения, выходящие за пределы конкретной политической ситуации, не были востребованы обществом XVI-XVII вв., должны стать предметом специального исследования. Но сам факт отсутствия интереса к таким обобщениям налицо. Свидетельство этого – судьба сочинений Ю. Крижанича: его трактат «Политика», выполненный в традициях схоластической латинской учености, как известно, так и не был востребован современниками.

Эпоха Московского царства стала переломной в истории политической мысли России. Именно в этот период возникает неизвестное в предшествующие века явление – участники политического процесса осознанно, целенаправленно генерируют теоретические концепты и применяют их для осмысления конкретных политических ситуаций. Политическая мысль приобретает специфические жанровые формы – памфлета (переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского), программы («Большая челобитная» И. Пересветова, «Об исправлении крестного знамения и о содомском блюде» Филофея), политической биографии («Повесть о великом князе Московском» Курбского), дипломатической ноты (письма Ивана Грозного иностранным государям).

Используя терминологию Алмонда, можно сказать, что в политической культуре эпохи первых памятников (XI в.) начинается переход от патриархальной культуры к культуре подданнической, в политическом сознании возникают первые, пока что слабо дифференцированные когнитивные и оценочные ориентации при том, что господствующими остаются все же ориентации аффективные. На протяжении средневековья политическая культура интеллектуального сообщества продолжает трансформироваться из патриархальной в подданническую, и писатели московской эпохи демонстрируют наличие у них гораздо более проработанных, в сравнении с киевской эпохой, когнитивных и оценочных ориентаций.

С точки зрения формы политические представления в русской средневековой литературе могут быть охарактеризованы как *доконцептуальные*: политика еще не становится обособленным предметом рефлексии; у писателей отсутствуют средства, пригодные для фиксации политических реалий и теоретического обобщения представлений о них. Рубеж Средних веков и Нового времени был ознаменован переходом к использованию более сложных форм представлений о политике; в этот период (XVI-XVII вв.) возникают первые *ситуативные концепции*. Вплоть до второй половины XIX в. этот тип концепций, ориентированных на осмысление текущей политической конъюнктуры, будет господствующим.

Политическая мысль этого периода богата памятниками, активность русских политических писателей вполне сопоставима с активностью их западноевропейских коллег, сравнимы и их компетентность, и владение соответствующим культурным материалом. При этом политическая мысль в России и в Западной Европе различается в одном существенном отношении: в русской политической мысли той эпохи имеется масса работ, условно говоря, аналогичных «Бегемоту» Гоббса, но нет ни одного труда, подобного по масштабам обобщения его же «Левифану».

Памятники русской политической мысли XVII – первой половины XIX в. отличаются прагматизмом: они во всех случаях связаны с решением конкретных политических проблем. За пределами этих проблем они теряют всякую актуальность и забываются на

десятилетия – до тех пор, пока по отношению к ним не возникает чисто академический интерес историков. Исключений из этого правила политическая литература XVIII – первой половины XIX в. не знает в принципе. Формы рефлексивного мышления были восприняты отечественными интеллектуалами из традиции, мыслившей исключительно универсальными категориями, не имевшей еще опыта теоретического понимания и объяснения цивилизационной неоднородности национальных культур. У отечественных авторов, в результате, не было в наличии средств для понимания и объяснения особенностей тех социальных (в частности, и политических) реалий, которые их окружали. Национальная традиция сохранялась в нерелексивных, синкретических формах, и, соответственно, не осознавалась теми ее носителями, которые успели воспринять рефлексивные, теоретизированные способы мышления.

Для отечественных политических писателей это означало отсутствие потребности в самостоятельном исследовании фундаментальных проблем политической теории, они рассматривались как уже успешно решенные новременными классиками. По отношению к русской мысли их работы сыграли роль, аналогичную роли античного наследия в истории новоевропейской мысли в момент ее становления.

Вопрос о причинах, обусловивших такое положение вещей, нуждается в дополнительном исследовании, которое не может быть предпринято в рамках настоящей статьи. Ограничимся лишь гипотезой: становление национальных традиций в политической теории в России и в Западной Европе происходит одновременно с развитием национальной государственности и национального самосознания, и со становлением институтов политического участия. Эти процессы, в свою очередь, были инициированы буржуазными трансформациями (в т.ч. революционными), разрушавшими остатки традиционных институтов. На западе соответствующие социокультурные изменения происходят несколько раньше (XVII-XVIII вв.), в России начинаются позже (XIX в.)

Логично предположить, что совпадение динамики развития интеллектуального процесса с динамикой социокультурных трансформаций говорит о наличии причинно-следственной связи между ними.

Разработка теоретических проблем политики в отечественной литературе начинается во второй половине XIX в. К этому периоду относится возникновение памятников, ставших программными для социалистической, либеральной и консервативной мысли; идеи, высказанные русскими авторами оказались востребованы не только в России, но и на Западе. Активное функционирование соответствующих концепций продолжается вплоть до сегодняшнего дня.

Между этим периодом и предшествующим, конечно, нет четкой границы. И все же в первом приближении ее можно выявить следующим образом. Идеи ситуативных концепций не создают традиции; они могут быть использованы традициями более поздними, но никогда не становятся отправной точкой их развития. Так, родоначальниками консервативной традиции являются Катков и Победоносцев. Их взгляды стали исходной точкой развития теорий Тихомирова, на почве переосмысления идей которого вырастают сразу несколько линий послереволюционного консерватизма. Карамзин же на роль основоположника претендовать не может: он в качестве политического писателя, как и другие авторы первой половины века, не создал традиции и был прочитан не ближайшими к себе поколениями, а много позже. В политическом мировоззрении Каткова без труда найдется масса параллелей с идеями, которые граф Уваров излагал конфиденциально, рассуждения Победоносцева и Магницкого перекликаются в ряде важных деталей, но,

можно с полной уверенностью утверждать, что Победоносцев не читал статей Магницкого, а Катков не мог знать содержание записок Уварова. Схожим образом обстоит дело и с историей социалистических и либеральных идей.

Преимущественные линии развития идей возникают в истории отечественной политической мысли с середины XIX в. Таким образом, период ситуативных концепций сменяется периодом становления современных традиций политической теории. В социокультурном плане процесс возникновения развитых теоретических построений связан с переходом от подданнической культуры к культуре участия. Такой переход, конечно, не происходит одновременно. Собственно говоря, он вообще не может закончиться, поскольку культура участия имеет смешанный характер, т.е. сохраняет в своем составе материал, выработанный на патриархальной и подданнической стадии.

В истории политических учений России целесообразно, таким образом, выделять следующие стадии:

1. Доконцептуальный период (XI – XV-XVII вв.).
2. Период ситуативных концепций (XV-XVII – первая половина XIX в.)
3. Период развитых политических теорий (с конца XIX в.)

Первый из этих трех периодов характеризуется неосознанностью политических проблем как таковых. Политика в понимании авторов этого времени растворена в общих проблемах мировоззрения. В ходе этого периода происходит кристаллизация представлений о политической системе и выработка нормативных представлений о ней. В социокультурном отношении этот период связан с переходом от патриархальной политической культуры к культуре подданнической. Во втором периоде когнитивные и оценочные представления начинают ситуативно использоваться для анализа конкретных политических проблем. В социокультурном плане этот период связан с господством подданнической культуры. Третий период в историческом смысле представляет собой эпоху формирования современных традиций, а в социокультурном – период возникновения элементов политической культуры участия.

Примечания

1. Примечательно, в этой связи, что И.А. Исаев и Н.М. Золотухина в своем учебнике (Исаев, И.А., Золотухина, Н.М. История политических и правовых учений России: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2006. – 415 с.) по истории политических и правовых учений России вообще предпочли отказаться от включения в него раздела о предмете этой дисциплины и периодизации истории русской политической мысли. Создается впечатление, что авторы стремятся избежать обсуждения серьезной методологической проблемы качественной неоднородности периодов, составляющих историю политических идей в России. В методологическом плане их учебник вообще смотрится довольно экстравагантно. Например, в главе, посвященной Иосифу Волоцкому и Филофею, Филофей упоминается лишь один (!) раз – в заголовке (С.78); анализ его посланий в учебнике отсутствует, зато как само собой разумеющееся высказываются (без каких-либо аргументов и пояснений) довольно спорные суждения о заимствовании Иваном Грозным его идей (С. 115-116). Отказ от написания раздела, анализирующего взгляды Филофея, беспрецедентен в современной учебной литературе. Отсутствие целенаправленной проработки соответствующих сюжетов привело авторов учебника к грубейшей ошибке: они сначала *de facto* включили старца Филофея в число современников полемики нестяжате-

лей и иосифлян (С. 78), а затем причислили его к современникам Ивана Грозного (С. 123), не заметив, что принадлежать к этим двум эпохам разом (во всяком случае в качестве политического мыслителя) Филофей не мог, ибо события, относящиеся к концу правления Ивана III, и время после совершеннолетия Ивана Грозного (трудно допустить, что Филофей мог адресоваться к Ивану Грозному до этого момента) разделены полувековым промежутком. Человеку, близкому по возрасту к Нилу Сорскому и Иосифу Волоцкому, к 1547 г. должно было исполниться как минимум около ста лет.

2. См.: История политических и правовых учений: Учебник. Под ред. О.Э. Лейста М.: Юридическая литература, 1997. – С. 111.

3. Там же. – С. 114.

4. Там же. – С. 116.

5. Напомним, что здесь мы исходим из предложенной Лейстом трактовки, согласно которой адресатом посланий Филофея был Иван III, т.е. Филофей разработал свою концепцию еще до присоединения Пскова.

6. Исаев, И.А., Золотухина, Н.М. – Указ. соч. – С. 24.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Б.П. Яковлев, О.Г. Литовченко

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СУБЪЕКТ СЕТЕВОГО ПРОФИЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Дополнительное образование детей – неотъемлемая часть системы непрерывного образования, призванная обеспечить ребенку дополнительные возможности для духовного, интеллектуального и физического развития, удовлетворения его творческих и образовательных потребностей. Проблемой дополнительного образования в нашей стране занимались А.И. Щетинская, А.Б. Фомина, В.И. Семенова, С.В. Сальцев, З.А. Каргина, Н.В. Добрецова, А.Ю. Борисенко и др. [1-7].

Цель дополнительного образования – развитие у детей мотивации к познанию и творчеству, содействие личностному и профессиональному самоопределению обучающихся, их адаптации к жизни в динамичном обществе, приобщение к здоровому образу жизни [4].

Учреждения дополнительного образования детей по формам собственности подразделяются на: государственные, федеральные государственные, муниципальные, негосударственные. Существуют следующие виды учреждений: центры дополнительного образования детей; дворцы детского (юношеского) творчества и культуры (искусств); дома детского творчества, детской культуры (искусств); станции юных натуралистов, детская экологическая (эколого-биологическая) станция; детская школа искусств; детско-юношеские спортивные школы (ДЮСШ) и (СДЮСШОР); детско-юношеские спортивно-адаптивные школы [8]. До 2006 года в номенклатуру учреждений входили также: школа (по различным областям науки и техники: юношеская автошкола, школа юного космонавта и т.д.); детский парк; музей (детского творчества, литературы и искусства); детский оздоровительно-образовательный лагерь; клуб (юных моряков, речников, авиаторов, космонавтов, парашютистов, десантников, пограничников, радистов, пожарных, автомобилистов, детский (подростковый), детский экологический (эколого-биологический), юных натуралистов, детского (юношеского) технического творчества (юных техников), детского и юношеского туризма и экскурсий (юных туристов), детско-юношеский физической подготовки).

Сегодня учреждения дополнительного образования детей находятся в ведении системы образования, физической культуры и спорта, культуры, общественных организаций, органов по делам молодежи. Значителен педагогический потенциал дополнительного образования: оно выступает как мощное средство развития личности. В его процессе оказываются неисчерпаемыми возможности создания ситуации успеха для каждого ребенка, что благотворно складывается на воспитании и укреплении его личностного достоинства. Участие в различных видах деятельности дополнительного образования способствует самореализации личности, стимулирует ее к творчеству. В сфере дополнительного образования на основе общности интересов ребенка и взрослого

равленно идет процесс формирования гуманистических ценностных ориентаций. Своеобразие дополнительного образования состоит в том, что оно создает органическое сочетание видов досуга (отдых, развлечение, праздник, творчество) с различными формами образовательной деятельности и, как следствие, сокращает пространство девиантного поведения, решая проблему занятости детей.

Развивая дополнительное образование, общеобразовательное учреждение взаимодействует с организациями и учреждениями иных предметных и творческих сфер и тем самым становится по-настоящему открытой системой.

Дополнительное образование как правопреемник внешкольного воспитания сохраняет ориентацию на создание условий для формирования каждым ребенком представлений о самом себе и об окружающем мире. Свобода выбора формы образования дополняется свободой самостоятельного принятия решений в выборе будущей профессии, что в дальнейшем помогает более успешно овладеть способами деятельности [2].

Современный этап освоения образовательными учреждениями потенциала дополнительного образования стал периодом осмысления преимуществ этого вида образования; соотнесения новых идей и привычных стереотипов «вторичности» дополнительного образования по отношению к базовому; разработки технологии его реализации; развитие практики планирования и организации дополнительного образования; решение задач повышения его качества.

Развитие системы дополнительного образования осуществляется по следующим направлениям:

- сохранение позитивного потенциала внешкольной, внеурочной, внеклассной клубно-кружковой, культурно-просветительной, досугово-игровой, творчески-познавательной, практико-ориентированной деятельности;
- разработка концептуальных основ дополнительного образования детей с учетом своеобразия этого процесса в различных образовательных учреждениях и специфики различных категорий детей;
- соединение (временное и субъективное) процессов разработки теории дополнительного образования и построения новой практики;
- упорядочение и укрепление программно-методической, кадровой и экономической базы дополнительного образования;
- обоснование и принятие управленческих решений, обеспечивающих сбалансированное и устойчивое развитие сферы дополнительного образования;
- создание условий для работы образовательных учреждений одновременно в режиме функционирования и в режиме развития;
- одномоментность моделирования организационных форм дополнительного образования и экспериментальной проверки их жизнеспособности;
- научное обоснование выдвигаемых практикой показателей эффективности дополнительного образования и проверка их значимости для развития личности каждого ребенка;
- разработка базисной основы содержания дополнительного образования;
- осмысление и развитие традиций культурно-образовательных учреждений, их взаимодействия, расширение числа субъектов дополнительного образования, персонификация их ответственности, определение полномочий, представление необходимых льгот;

Основное внимание в системе дополнительного образования детей уделяется созданию условий для свободного выбора каждым ребенком образовательной области, профиля программы и времени их освоения; развития видов деятельности, удовлетворяющих самые разнообразные интересы; совершенствованию личностно-деятельностного характера образовательного процесса, способствующего развитию стремления личности к познанию и творчеству, профессиональному самоопределению и самореализации.

Одним из ключевых вопросов периода становления системы дополнительного образования детей является обеспечение образовательного процесса учебными планами и программами. Их связь и преемственность составляют ядро системы дополнительного образования детей, определяют его содержание, уровень и направленность. Дополнительное образование индивидуализирует образовательный путь ребенка в рамках единого социо-культурного и образовательного пространства страны. Отсюда вытекают, как считает Калиш И.В., требования к ориентации программ дополнительного образования детей на:

- динамичность образовательного процесса как социального явления;
- стимулирование творческой активности ребенка, развитие его способностей к самостоятельному решению возникающих проблем и постоянному самообразованию;
- активное и деятельностное усвоение содержания образования, прогнозирование его применения в различных ситуациях;
- обобщение жизненного опыта ребенка, соотнесение этого опыта с исторически сложившейся системой ценностей;
- самостоятельную оценку ребенком тех или иных действий, событий, ситуаций и соответственное построение своего поведения;
- новое восприятие научного знания с его ярко выраженной тенденцией к многообразию и овладению специализированными языками наук в группах юных исследователей [9].

Дополнительное образование – процесс непрерывный. Педагогический процесс в сфере дополнительного образования строится в форме поиска решения как отдельных, так и извечных общечеловеческих проблем. Этот поиск позволяет каждому ребенку накапливать творческую энергию, осознавать возможности ее расходования на достижение жизненно важных целей [2].

Учреждения дополнительного образования являются частью образовательной среды, которая формирует личность ребенка в условиях его обучения в общеобразовательной школе с одной стороны, и дает возможность построить сетевую модель профильного обучения – с другой. Ясвин В.А. [10] понимает под образовательной средой (или средой образования) систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении.

Принципиальное отличие дополнительного образования от общего заключается в том, что, благодаря отсутствию жестких образовательных стандартов, работающие в его системе педагоги имеют возможность трансформировать передаваемые учащимся способы деятельности (знания-умения-навыки) из цели обучения в средство развития способностей учащихся: телесных, познавательных, личностных, духовно-нравственных [11]. Целью в этом случае становится создание развивающей образовательной среды, которая обеспечила бы каждому учащемуся возможность проявить заложенное в нем от

Такой подход требует от учреждения дополнительного образования (УДО) осознания целей обучения и развития учащихся, а также саморазвития. На современном этапе развития образования проектирование образовательной среды в УДО невозможно без обращения к парадигме развивающего образования, что, в свою очередь, требует предварительного уточнения функций дополнительного образования [9].

Социальная функция направлена на удовлетворение: а) социального спроса (требования социума, формирующиеся на стыке культуры, образования и здоровья населения); б) родительского спроса (представления о том, что необходимо или что недостает их ребенку: занятость по времени, предпрофильная подготовка и профильное образование, образование по дополнительным предметам, решение проблем неполной семьи, престижность занятий, здоровье); в) детского спроса: удовлетворение потребности познавательного и личностного развития, общение, досуг и времяпрепровождение. Детский спрос динамичен, поскольку он меняется в ходе развития ребенка, а также в зависимости от возраста и соответствующего ему типа ведущей деятельности; г) экономического спроса: возможность заработка (основного, дополнительного, с неполным рабочим днем и т.д.) для взрослых и допрофессиональная подготовка для детей; д) правоохранительного спроса: профилактика девиантного и асоциального, в том числе противоправного, поведения детей.

Психологическая функция: а) развивающая: создание образовательной среды, обеспечивающей условия для физического и психического развития детей (реализация детских интересов, приобретение умений и навыков). Ребенок, не имея возможности проявить себя в семейной и в школьной среде, может проявить себя в УДО и в плане развития, и в плане самоутверждения, и в плане самоактуализации; б) компенсаторная: психологическая компенсация неудач в семье, в школе, в) релаксационная: возможность отдохнуть от жесткой регламентации поведения в семье и в школе; г) консультационная: для педагогов, родителей и детей.

Образовательная функция: а) образование по дополнительным предметам, т.е. предметам, входящим в вариативную профильную часть базисного учебного плана. Например, судо- и авиамоделирование, спортивные секции, хореография и т.д. Это могут быть также и школьные профильные учебные предметы, если по каким-либо причинам в рядом расположенных школах отсутствуют учителя по этим предметам; б) пропедевтика последующего профессионального образования (например, дизайн-студия или детская телестудия); в) профессиональное самоопределение; г) обучение, которое удовлетворяет познавательный интерес данного ребенка; д) социализирующая: общение со сверстниками, самоутверждение, самоопределение, в том числе и возможность попробовать найти себя в разных видах деятельности, обогащение общественным опытом, становление ребенка как личности, приобретение возможности и способности быть не только объектом, но и субъектом социальных воздействий и взаимодействий.

Укажем на важнейшее различие школьного и дополнительного образования, поскольку важно осознать различия этих равноправных партнеров сетевого взаимодействия в системе профильного образования и предпрофильной подготовки. Обучение в школе удовлетворяет государственный (социальный) заказ на определенный уровень знаний и определенный тип личности своих граждан, поэтому школьное образование обязано ориентироваться на достижение образовательных стандартов обученности. По этой причине познавательный интерес, присущий детям от природы, достаточно часто снижается и даже уничтожается именно в силу обязательности и

критериев обучения. В условиях же дополнительного образования дети обучаются главным образом «по интересам», что является особенно важным для определения оптимального профиля. Отсутствие обязательного образовательного стандарта в учреждениях дополнительного образования (УДО) дает возможность преподавателю не акцентировать на результативной стороне учебного процесса, а строить обучение по принципу «процесс ради процесса», «учение ради учения», т.е. следовать природе познавательного развития ребенка. Поэтому акцент в обучении естественно смещается в сторону удовлетворения и активизации познавательного интереса у учащихся.

В школьном обучении используются чаще всего стандартные учебные программы, адаптированные учителем. Для дополнительного же образования характерно преимущественное использование авторских учебных программ. В школе индивидуализация обучения осуществляется со стороны учителя, а в УДО – со стороны самого учащегося. Реализуется свободный выбор учащимся вида занятий и педагога, что может рассматриваться как важнейший этап его самоактуализации. В УДО процесс обучения носит более неформальный характер, чем в школьной традиции, и потому он ближе к природным основаниям развития детей, когда акцент ставится не на информационном способе обучения, а на общении, на передаче опыта от старшего к младшему. Кроме того, более сильное, чем в школе, имеет личностное влияние педагога на учащихся.

В итоге, мы приходим к выводу, что по самой образовательной специфике УДО, учебно-воспитательный процесс в нем должен строиться в парадигме развивающего и личностно ориентированного образования. При этом нетрудно заметить, что объектом развития в этом случае выступают:

1) образовательные программы: они становятся программами нового типа (психодидактического, рефлексивного), т.к., в отличие от традиционных программ дополнительного образования, их разработка и практическое воплощение требуют от педагога рефлексии (выявления для себя и осознания) дидактических и психологических целей и исходных оснований их построения;

2) обучающиеся, т.е. в этом случае происходит раскрытие (проявление, пробуждение) творческой природы как исходной психологической основы для развития физических, познавательных, личностных и духовно-нравственных способностей детей;

3) педагоги дополнительного образования, которые должны научиться вставать в рефлексивную позицию по отношению к тому, кого они обучают, чему они обучают, как обучают и зачем обучают;

4) руководители («управленцы»), которые должны определять и создавать условия для практической реализации учебных программ нового типа;

5) родители, в смысле изменения их социальных установок и отношения к функциям дополнительного образования и ценностным ориентациям в обучении их детей;

6) образовательная среда (социальный, пространственно- предметный и психодидактический компоненты);

7) социальная макросреда (район, окружающий социум);

8) само учреждение дополнительного образования как объект саморазвития (и в этом смысле он становится субъектом своего развития и системы образования, частью которой он является).

другие стороны индивидуального развития. Это предъявляет к организации учебно-воспитательного процесса в УДО особые требования. Учебные программы и методы педагогической работы, за небольшим исключением, уже не могут быть ориентированы строго на определенный вид и уровень развития способностей учащихся. Напротив, они должны создавать условия и для развития детей, как с проявившимися и достаточно развитыми способностями, так и для проявления способностей у детей, которые еще «не нашли себя», не проявили своих интересов. Последний факт является важным для нас в контексте проблемы нашего исследования, поскольку определение учебно-познавательных интересов в среде УДО позволяет четко определиться и с профилем обучения в старших классах.

В зависимости от кадровых, материально-технических, финансовых и т.п. возможностей каждое УДО определяет свой спектр предлагаемого им предметного содержания дополнительного образования. Однако с психолого-педагогической точки зрения не все так просто, потому что в психологическом отношении целью любого образования, в том числе и дополнительного, является передача культурно-исторических или социокультурных способов человеческой деятельности от одного поколения (или индивида) к другому [3]. Способы человеческой деятельности представлены в культуре и обществе в таких видах, как знания, умения, навыки, характерные для того или иного вида деятельности; способы познания от подражания и непрерывного самообразования до самостоятельной научно-исследовательской и культурной деятельности; способы социальных (коммуникативных) взаимоотношений и взаимодействий от межличностных взаимоотношений в семье и в классе до взаимоотношений в трудовых, этнических, конфессиональных и т.п. социокультурных общностях людей. Соответственно, передача и усвоение способов человеческой деятельности, например, способов умственной деятельности, предполагает учет разных уровней и аспектов соответствующего психического процесса и/или способности. Как считает Лейтес Н.С., содержание дополнительного образования может быть представлено как:

а) предметное содержание, представленное в соответствующем наборе знаний-умений-навыков, дающих учащемуся возможность быть субъектом знаний-умений-навыков, характерных для данной социокультурной области человеческой деятельности (художественное и техническое творчество, спортивная и досуговая деятельность);

б) способы учения и представленная в них способность учиться, т.е. быть субъектом умственной и вообще учебной деятельности, когда учащийся овладевает навыками произвольной регуляции своей учебной деятельности, в какой бы предметной области она не проходила. Тогда знания-умения-навыки превращаются из цели обучения в средство развития этой способности;

в) способы социализации, которые выражаются в способности учащегося к социальному взаимодействию, столь необходимому для успешного вхождения в современное общество. Это означает, по сути, формирование у учащегося способности быть субъектом своего развития в целом (включая физическое и психологическое здоровье, познавательные, личностные и коммуникативные способности, а также присвоение общечеловеческих и духовно-нравственных ценностей). Тогда и знания-умения-навыки, и способность учиться превращаются из цели обучения в средство раскрытия творческого потенциала учащегося как его «природной» способности к саморазвитию и самоактуализации своего творческого потенциала [4].

С какой целью создаются модели сетевого взаимодействия с включением в них учреждений дополнительного образования? Ответ на этот вопрос предполагает определение стратегических и тактических целей учебно-воспитательного процесса (соответственно, учебных программ и педагогического взаимодействия) и образовательной среды в целом. Учитывая социальную динамику функционала дополнительного образования от досугового к образовательному и от образовательного к социализирующему, мы полагаем целесообразным различать социальные и психолого-дидактические цели обучения. С социальной точки зрения, такими целями могут быть обучение по дополнительным (к общему образованию) учебным предметам, допрофессиональная подготовка, культурный досуг, укрепление здоровья, участие в конкурсах и фестивалях и т.п., а также развитие детского творчества, воспитание и социализация подрастающего поколения. В настоящее время можно видеть эволюцию функционала дополнительного образования: на первом этапе от досугового к образовательному, на втором – от образовательного к социализирующему. С дидактической точки зрения, мы полагаем, что дополнительное образование может преследовать следующие цели:

- развитие знаний-умений-навыков, необходимых для овладения тем или иным видом деятельности и тем самым для вхождения в профессию. Знания-умения-навыки представляют результативную (продуктную) сторону развития музыкальных, художественных, интеллектуальных и иных способностей учащихся. Организация учебно-воспитательного процесса в этом случае не предполагает целенаправленного воздействия на процессуальную сторону развития способностей. Здесь важен результат, а не его психологическая основа, поэтому при подобной целевой установке развитие способностей происходит стихийно, вслед за достижением заданного уровня знаний-умений-навыков;

- развитие специальных способностей учащегося (творческих, художественных, музыкальных, интеллектуальных, технических, спортивных и т.д.). В этом случае акцент ставится на такой организации учебно-воспитательного процесса, когда целью обучения становится развитие способностей именно данного вида посредством обучения знаниям-умениям-навыкам соответствующего вида деятельности (музыкальной, интеллектуальной, технической, спортивной и т.п.) Знания-умения-навыки соответствующего вида по-прежнему остаются целью обучения, но не только как стандартный уровень обученности, но и как педагогическое средство развития способностей этого вида. Это имеет важное значение для проблемы нашего исследования, поскольку формирование указанных знаний-умений-навыков способствует оптимальному выбору профиля и последующему выбору профессиональной деятельности.

Учреждения дополнительного образования выполняют важную социализирующую функцию, поскольку при развитии социальных способностей целью образования является присвоение учащимися способов социального и межличностного взаимодействия, необходимых для успешного вхождения и функционирования в современной социальной среде. Это особая задача, учитывая социальную, экономическую и социокультурную неоднородность современного российского общества, а также многополюсность духовно-нравственных ориентиров и жизненных ценностей. Решение такой задачи требует создания условий для формирования у учащегося способности быть субъектом процесса своего социального развития, что

Учитывая это, мы должны определить комплекс требований к педагогу дополнительного образования. Прежде всего, нужно отметить, что специфика педагогического контингента в УДО отражает как разнообразие, так и отсутствие во многих случаях специального педагогического образования у многих педагогов УДО, а также специфический характер функционирования УДО (как правило, приуроченное ко второй половине дня, свободной от школьных уроков). Таким образом, переход к профильной модели обучения требует от педагогов осознанного понимания того, на какие психолого-педагогические закономерности и особенности развития школьника они опираются при проектировании своей учебно-воспитательной работы и при создании авторских учебных программ. В данном случае речь идет о создании таких авторских программ, которые построены на осознанном использовании педагогических оснований обучения и развития учащегося. В свою очередь, помимо дидактической, это предполагает наличие у педагогов соответствующей профессиональной грамотности и компетентности [12]. Следовательно, кроме предметной, подготовка педагога дополнительного образования должна включать в себя, как минимум:

- понимание того, что представляет собой развивающее образование, в чем его отличие от традиционных форм обучения и воспитания и даже от того, что такое развивающее обучение;

- знание психологических закономерностей и особенностей возрастного и личностного развития детей в условиях различной образовательной среды;

- знание того, что такое образовательная среда профильной системы образования и ее субъекты, типы образовательной среды (догматическая, творческая и др.) и типы взаимодействия между ее субъектами (авторитарный, демократический, гуманистический и т.д.);

- знание методов дидактического проектирования учебного процесса, а для этого необходимо обладать умением выделить дидактические цели, выбрать адекватную дидактическую форму учебно-методического материала для достижения как педагогических, так и дидактических целей учебно-воспитательного процесса;

- умение реализовывать различные способы педагогического взаимодействия между различными субъектами образовательной среды (с учащимися по отдельности и в группе, с родителями, с коллегами-учителями, со своим руководством, с другими участниками сетевого взаимодействия);

- умение встать в рефлексивную (самоосознающую) позицию по отношению к тому: кого учить, чему учить, как учить и зачем учить. «Чему учить»: тем знаниям, которые в результате прогресса информационных технологий через несколько лет станут никому не нужными, или же способам освоения новых видов деятельности, умению работать с мощными информационными потоками? «Как учить»: традиционными методами передачи знаний по принципу «делай, как я» или по принципу «давай делать вместе», в сотрудничестве. «Зачем учить»: чтобы вырастить высокопрофессионального, но «узкого» специалиста или же специалиста широкого профиля, способного гибко перестроить свою деятельность при изменении социально-экономических условий и собственных жизненных установок, личность с общечеловеческими жизненными ценностями или же личность, ограниченную профессиональными, конфессиональными, этническими и т.п. стереотипами [13, 14].

Таким образом, принципиальное отличие дополнительного образования от общего заключается в том, что, благодаря отсутствию жестких образовательных стандартов,

ботающие в его системе педагоги имеют возможность трансформировать передаваемые учащимся способы деятельности (знания-умения-навыки) из цели обучения в средство развития способностей учащихся – телесных, познавательных, личностных, духовно-нравственных. Целью в этом случае становится создание развивающей образовательной среды, которая обеспечила бы каждому учащемуся возможность проявить заложенное в нем от природы творческое начало, т.е. обрести способность быть творческим субъектом своего развития. При этом учреждение дополнительного образования становится полноправным партнером сетевого взаимодействия в системе профильного образования и предпрофильной подготовки. Такой подход требует от учреждения дополнительного образования рефлексии своих целей в обучении и развитии учащихся и развития самого себя как субъекта сетевой модели профильного образования.

Примечания

1. Щетинская А.И. Педагогическое управление учреждением дополнительного образования: автореф.дисс. ... докт. пед. наук. – М.,1993. – 35 с.
2. Фомина А.Б. Учреждения дополнительного образования: инновационная социально-педагогическая модель. – М.: Просвещение, 1996. – 465 с.
3. Семенова В.И. Профессиональная подготовка подростков в учреждениях дополнительного образования: дисс. ... канд. пед. наук. – Чебоксары, 2001. – 127 с.
4. Сальцев С.В. Профессиональное самоопределение школьников в учреждениях дополнительного образования: автореф.дисс. ... докт. пед.наук. – М., 1995. – 32 с.
5. Организация методической работы учреждений дополнительного образования / Сост. З.А. Каргина. – М.: Просвещение, 1999. – 94 с.
6. Добрецова Н.В. Педагогическое проектирование в дополнительном экологическом образовании // Экологическое образование в школе. – 1999. – № 1. – С. 57-61.
7. Борисенко А.Ю. Воспитание личностной позиции старшекласников в отношении к проблемам окружающей среды. (В условиях взаимодействия учреждений общего и дополнительного образования): дисс. канд.пед.наук. – Волгоград, 1996. – 149 с.
8. Асмолов А.Г. Дополнительное образование как зона ближайшего развития образования в России: от традиционной педагогики к педагогике развития // Внешкольник. –1997. – №9. – С. 6-8.
9. Калиш И.В. От внешкольной работы – к дополнительному образованию детей: Сборник нормативных и методических материалов для дополнительного образования детей / Под ред. А.К. Бруднова. – М.: Владос, 2000. – С. 11.
10. Ясвин В.А. Тренинг педагогического взаимодействия в творческой образовательной среде / Под ред. В.И. Панова. – М., 1997. – С. 11-15.
11. Типовое положение об образовательном учреждении дополнительного образования детей // Пост. №233 Правительства РФ, март 1995 год. – 18 с.
12. Борисова Л.А. Воспитание в детских и молодежных общественных организациях. – Чебоксары, 1998. – 148 с.
13. Бруднов А.К. Управление деятельностью учреждений дополнительного образования: опыт, проблемы, перспективы // Воспитание юного москвича в системе дополнительного образования. – М.: ИРОС, 1997. – 151 с.
14. Евладова Е.Б. Дополнительное образование детей. – М., Владос, 2005. – 204 с.

Д.В. Кирилук

**ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА В 1960-1980-Х ГГ.**

Общеизвестно, что традиционными жителями Ханты-Мансийского автономного округа являются народы ханты, манси, ненцы, со своей историей, культурой и родными языками. Весь их образ жизни неразрывно связан с природой, и до установления советской власти коренные народы считали себя «хозяевами» тех мест, где они жили. Русское старожильческое население края не нарушало этого уклада. Однако с началом нефтегазового освоения Среднего Приобья ситуация изменилась. Ханты, манси и ненцы оказались вынуждены приспосабливаться к постепенному сокращению мест традиционного проживания, возникновению больших городов и транспортных коммуникаций в регионе. Само их существование оказалось под угрозой, что породило многочисленные дискуссии в общественно-политических и научных кругах о путях решения данной проблемы. Одной из наиболее дискутируемых стала проблема образования, распространения грамотности среди населения.

Следует отметить, что исходной ступенью на пути к организации образовательной системы коренных народов Севера служила этнопедагогика, т.е. практика воспитания и обучения, исторически сложившаяся у различных этносов, основанная на вековых традициях жизни, труда и быта. Местные аборигены, заботясь о подрастающем поколении, вырабатывали и совершенствовали наиболее целесообразные формы и методы обучения и воспитания детей, гарантирующие их активную жизнедеятельность. Дети, подражая родителям, перенимали от них знания об окружающем мире, хозяйственный опыт, коллективистскую психологию, морально-этические и правовые нормы поведения. Этнопедагогика способствовала постепенному приобщению местного населения и к началам письменной грамоты [1].

В исследуемый период шло сокращение малочисленных этносов, их ассимиляция, что в определенной мере связано с изменением ландшафта исконных земель, утратой традиционных отраслей хозяйства, национальных ремесел, бытовых, семейных, духовных традиций. Поскольку с началом промышленного освоения, количество прибывающих в округ мигрантов постоянно увеличивалось, доля народов Севера в общей численности населения здесь постоянно уменьшалась. Так, удельный вес ханты среди всего населения ХМАО составлял в 1959 г. 9,2%, в 1970 – 4,5%, в 1979 – 2,0% и в 1989 – 0,9%. То есть каждое десятилетие на протяжении 30 лет удельный вес народа ханты в округе уменьшался вдвое и за 30 лет сократился в 10 раз. Доля манси в общей численности населения округа сокращалась в тех же пропорциях. В 1959 г. удельный вес манси среди всего населения округа составлял 4,6%, в 1970 – 2,5%, в 1979 – 1,1% и в 1989 – 0,51%. За 30 лет доля манси в общей численности населения округа уменьшилась в 9 раз [2] (табл.).

С началом нефтегазового освоения Тюменского Севера коренные народы Ханты-Мансийского автономного округа, проживавшие в местах активной геологоразведки, постепенно стали вытесняться промышленными компаниями и уезжать с мест своего традиционного проживания. Потенциальными мигрантами, как правило, являлись наиболее молодые и образованные представители населения, при этом чаще уезжали женщины.

Таблица

**Изменение доли народов Севера в общей численности населения ХМАО,
% к общей численности населения округа.**

Народ	Все население			Городское			Сельское		
	1970	1979	1989	1970	1979	1989	1970	1979	1989
Ханты	4,5	1,9	0,9	1,1	0,5	0,3	10,4	7,2	7,0
Манси	2,5	1,1	0,5	0,8	0,4	0,2	5,2	3,4	3,3
Ненцы	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	0,03	0,8	0,6	0,7
Всего	7,3	3,2	1,6	2,0	1,0	0,53	16,4	11,2	11,1

Но большинство жителей национальных и национально-смешанных поселений не меняли местожительства. Небольшая часть сменила место проживания для того, чтобы дать своим детям полноценное образование. Доля русских, руководствующихся этим мотивом, была вдвое больше, чем доля коренных народов Севера [3].

Несомненно, сохранение национальной культуры, традиционных способов взаимодействия этноса и природы невозможны без участия самих северных народов. Определенная роль и значение в этом отводилась национальной школе. Именно она должна была не только учить родному языку, работать на родном языке, но и формировать этнически ориентированную личность с развитым национальным самосознанием, способную к творческому саморазвитию и самореализации в поликультурном мире.

В адаптации коренных народов Севера к жизни в промышленно развитом округе ключевое значение должна была играть общеобразовательная школа. В советский период все национальные школы округа были включены в единую государственную сеть. Эти общеобразовательные учреждения в большинстве своем имели интернаты, которые играли важную роль для обучения детей ханты, манси и ненцев в силу отдаленности и места жительства семей коренных жителей. С началом кампании по внедрению всеобщего среднего образования создавались депутатские посты по всеобучу. Вместе с учителями национальных школ и воспитателями интернатов депутаты выезжали в оленеводческие бригады, проводили разъяснительную работу о необходимости среднего образования, вели учет детей и подготовку к сбору их в интернаты.

Часть коренных жителей продолжала заниматься своими традиционными занятиями – пушным и рыбным промыслами и селилась небольшими группами по две-три семьи на большом расстоянии друг от друга. На 1985 г. по округу было зафиксировано 1072 представителя кочующего населения, составляющих в общей сложности 293 хозяйства [4]. С разработкой нефтяных и газовых месторождений и связанной с этим кампанией по укрупнению селений многие населенные пункты, где ханты и манси вели традиционный образ жизни, стирались с лица земли, а вместе с этими поселками исчезали и малокомплектные школы, в которых учились хантыйские и мансийские дети, постоянно оставаясь рядом с родителями.

В связи с этим приобретает особое значение сбор детей в школу и отправка их к родителям. В ряде районов этот процесс был достаточно хорошо организован, так как появились быстроходные суда на подводных крыльях, вертолеты и самолеты. На 1966/67 уч. г. в общей структуре школ, которых насчитывалось на тот момент 237, действовало 40 национальных, 38 смешанных школ. При национальных школах работало 54 нацио-

нальных и 28 массовых интернатов, в которых воспитывалось 4162 учащихся. Из них на государственном обеспечении находилось 3160 детей коренных национальностей [5]. В 1968 г. в округе функционировало 24 национальных детских сада и 12 ясли-садов с общим количеством детей 1401 чел [6].

Следует остановиться также на том, что представляли собой национальные школы и интернаты региона в рассматриваемое время. В первую очередь, необходимо констатировать, что материально-техническая и инвентарная база этих учреждений была крайне бедной. Ярким примером тому может быть ситуация вокруг национальных школ Сургутского района. Так, в 1967 г. при проверке Каюковской начальной школы-интерната инспектора района указывали на то, что она «...не имеет своего помещения, классные комнаты расположены в помещении Красного чума, интернаты в частных хантыйских домах, столовая в здании электростанции» [7].

Наиболее сложным в этом смысле было положение Лемпинской восьмилетней школы, где не было «...ни одного кабинета, ни спортзала» [8]. Аналогичная ситуация складывалась даже в таких крупных населенных пунктах округа, как Сургут. В результате этого дети и учителя школ часто болели [9]. Неудивительно, что родители школьников ханты, манси и ненцев неохотно отдавали своих детей в такие школы.

Кроме того, сохранялась проблема большой текучести педагогических кадров, неудовлетворительного бытового устройства, обеспечения жильем. Многие молодые специалисты, приезжая, не выдерживали довольно сурового климата. Действительным выходом из этой проблемы обеспечение национальных школ специалистами, подготовленными из числа местных жителей.

В основном эта функция подготовки специалистов возлагалась на Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище, Тюменский институт усовершенствования учителей и Ленинградский институт им. А.И. Герцена. Представители коренных национальностей осваивали и другие специальности в высших учебных заведениях страны, пользуясь правом внеконкурсного приема на основании Приказа Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР [10]. Тем не менее, в 1985 г. представителей национальностей Севера с высшим образованием было 214 чел., из которых 99 – работники сферы образования; со средним специальным образованием – 1014 чел., в области образования из них было занято 168 чел. [11].

Промышленное освоение Севера создало совершенно новые условия для всей хозяйственной деятельности традиционно проживающего здесь населения. Рост промышленного производства сопровождался сокращением традиционных отраслей хозяйства. В результате изменилась структура хозяйственной деятельности и занятости коренных народов Севера, которая в значительной степени зависит от географических и природно-климатических условий. В Нижневартовском и Кондинском районах основное развитие получили сельское и промысловое хозяйство, которые включали как традиционные для северных этносов отрасли – рыболовство, охоту, сбор дикоросов, оленеводство, прикладные промыслы, так и новые – звероводство, мясное и молочное животноводство, птицеводство, выращивание овощей и картофеля. Традиционные виды хозяйственной деятельности по-прежнему являлись основой всей жизнедеятельности северных народов. От того, будут ли сохранены традиционные виды труда, зависело будущее этих народов, их этническая самобытность.

Как справедливо отмечают В.В. Мархинин и И.В. Удалова [12], сравнительная характеристика коренных народов Севера и русского населения Нижневартовского и Кон-

динского районов ХМАО показывает, что русское население имело больше возможностей в выборе работы. Выбор сфер приложения труда у народов Севера более ограничен как личными наклонностями, так и характером и уровнем профессиональной подготовки. У представителей народов Севера в целом преобладало стремление быть занятыми в промышленном и сельском хозяйстве, у русских – в промышленных отраслях. Тем не менее, русское население составляло конкуренцию коренным народам.

Меньше возможностей для трудоустройства у народов Севера наблюдалось еще и потому, что уровень образования и профессиональной подготовки был у них заметно ниже. Это проявлялось, прежде всего, в том, что национальные школы в 1960-1980-е гг. постоянно не справлялись с государственной задачей всеобщего обучения детей. Дети ханты, манси и ненцев часто либо вовсе не попадали в школу, либо отсеивались в течение учебного года. В конечном итоге, даже в 1980-е гг. в национально-смешанных поселениях Нижневартовского и Кондинского районов средняя продолжительность обучения в школе у учащегося коренной национальности составляла 8,4 года, у русского школьника этот показатель составлял 9,7 лет. То есть большая часть коренного населения довольствовалась лишь восьмилетним образованием.

Положение усугублялось тем, что среди представителей народов Севера практически не было специалистов для работы в традиционных отраслях, среди русских же такие были [13]. Коренные жители почти не принимали участия в формировании кадров новых предприятий по добыче нефти, газа, бурению, лесозаготовке, поскольку не имели необходимых трудовых навыков. В то же время они составляли около 1/4 работников предприятий рыбной промышленности, кроме того, большое число коренных жителей занималось добычей рыбы.

Для всех малочисленных народов Севера, населяющих Ханты-Мансийский округ, особенно острой оказалась и проблема преподавания родных языков, так как большинство ханты, манси, ненцев, коми-зырян либо слабо владели, либо совсем не владели родным языком. Более того, в 1980-е гг. не все представители коренных национальностей считали национальные языки своими родными [14]. Менее, чем в половине действующих национальных школ изучались родные языки, не говоря уже о том, чтобы велось преподавание на национальных языках.

В 1974 г. по окружному отделу народного образования был издан Приказ «О введении преподавания родного языка в национальных школах округа». Было решено, что все обучение и воспитание в национальных школах должно вестись на русском языке, а для подготовки детей коренной национальности к обучению на русском языке будет создана сеть подготовительных классов в национальных детских садах. Преподавание родного языка как предмета должно осуществляться с "0" по "3" класс, а в старших классах – на факультативных занятиях [15].

Национальная школа, хотя и была предусмотрена для обучения детей коренных национальностей, тем не менее, не предполагала селекцию по национальному признаку. Она была своеобразным центром общения представителей различных национальных культур. В этих школах учились не только дети ханты, манси, ненцев, но и других национальностей, поскольку национальные школы располагались в сельской местности, а количество жителей в округе было невелико, чтобы создавать другие школы. Кроме школ для северных народов существовали и татарские школы, положение в которых было несколько лучше: они были почти полностью укомплектованы педагогическими кадрами и преподавание в них велось на татарском языке.

Одной из главных предпосылок существования этноса выступает формирование этнического самосознания. Значительная роль в этом принадлежит национальной школе, которая, с одной стороны, выступает как условие реализации этнического самосознания на личностном уровне, а с другой – как место, где идет процесс его становления и развития.

Вся работа советской власти по вовлечению детей коренного населения в школу, по организации культурно-просветительной работы была направлена на коренную перестройку многовекового уклада жизни, культуры, традиций малых народностей Севера, и она не дала ожидаемых результатов. Первые шаги в деле развития школьного строительства способствовали не столько внедрению «цивилизации» среди коренного населения, сколько отчуждению его от школы, от просвещения.

В период интенсивного промышленного освоения Западной Сибири образовательный процесс коренных народов был полностью подчинен стереотипным идеологическим установкам. Несмотря на интенсивную ассимиляцию, на национальную политику, главной целью которой являлось вовлечение аборигенов в социальную жизнь, сущность которой противоречила традиционному стилю жизни, обско-угорские народы сумели сохранить свое мировоззрение. В исторической литературе и публицистике существуют различные оценки развития национальной школы в округе: от признания ее заслуг в формировании из числа коренных народов интеллигенции до утверждения, что все это время северная национальная школа «влачила жалкое существование» [16]. На сегодня широко распространена и точка зрения, что в 1960-80-е гг. имела место колоссальная деградация национальных традиций, во многом было утрачено складывавшееся веками народное миропонимание. Культурное бытие народов Севера, их национально-творческая практика оказались сведенными лишь к воспроизведению стереотипа в мышлении, поведении и производственной деятельности людей. Деградацию национального самосознания во многом связывают с разрушением среды обитания, с духовно-нравственным оскудением в отношении людей к природе, к обществу, к самим себе.

Многочисленные утверждения авторов современных публикаций о том, что за годы советской власти не удалось создать для малочисленных народов Севера эффективной системы образования, явно не отражают целостной картины социально-психологических и хозяйственно-экономических последствий деятельности по ее созданию. Как и в 1920-30-е гг., когда в северных районах развертывалась кампания по ликвидации безграмотности, так и в 1980-е годы аборигены не получили для себя ответа на вопрос: зачем жителям тундры грамота?

Таким образом, в политике партии в отношении коренных народов Севера в 1960-1980-е гг. выявились серьезные противоречия: с одной стороны, признавалась господствующей концепция интернационализма, основанная на преодолении национально-характерных особенностей, т.е. постулировалось создание новой интернациональной общности – советского народа; с другой стороны, функционировали школы, куда детей предполагалось определять по национальному признаку. В то же время в национальных школах, несмотря на статью 121 Конституции СССР об обучении на родном языке, преподавание велось на русском языке. Власти стремились привлечь коренное население к образованию, но методики и программы в национальных школах осуществлялись так, что с самого начала обучения дети получали меньшую базу знаний, чем в общих школах, и это затрудняло их дальнейшее обучение.

Изменившийся экономический статус ХМАО повлек изменения и в жизненном укладе коренного населения. Наиболее мобильная группа ханты и манси, которая прини-

мают новые условия жизни, продолжает стремиться к переселению в город. Большинство же остается на месте, приспособляясь по мере сил к существующей ситуации, и часть их продолжает ориентироваться на традиционный образ жизни. Система советского школьного образования в 1960-1980-е гг. не сумела в этом смысле ни дать коренным национальностям в полной мере нужное для жизни в обществе образование, ни создать необходимые условия для сохранения традиционной культуры ханты, манси и ненцев.

Примечания

1. См.: Просвещение на Крайнем Севере: Сб. в помощь учителю шк. Крайнего Севера, №25 / Сост. А.Л. Бугаева, Е.Н. Самойлова. – СПб: Просвещение, 1992.
2. Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного и русского старожильского населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск: Наука, 1996. – С. 94.
3. Там же. – С. 98.
4. ГАХМАО Ф. 6. Оп. 1. Д. 315. Л. 12.
5. Школа Тюменской области: Сб.ст./ Отв. ред. В.А. Слостенин. – Тюмень, 1968. – №41. – Вып. 8. – С. 139.
6. ГАХМАО Ф. 6. Оп. 1. Д. 486. Л. 45.
7. АОАГС. Ф.12. Оп.1. Д. 132. Л. 12
8. АОАГС. Ф.12. Оп.1. Д.182. Л. 43, 78
9. АОАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 2. Л. 14
10. Приказ Министерства высшего и среднего специального образования от 15 мая 1972 г. №148 // Народное образование в СССР: Сборник нормативных актов. – М., 1987. – С. 161.
11. ГАХМАО Ф. 6. Оп. 1. Д. 584. Л. 1.
12. Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур... С 36-38.
13. Там же. – С. 40.
14. Куриков В.М. Ханты-мансийский автономный округ с верой и надеждой в третье тысячелетие. Екатеринбург, 2000. – 192 с. С. 97.
15. Липнягов В. Развитие среднего образования в национальных школах // Ленинская правда. – 1976. – 31 августа. – С. 2.
16. Коновалова Ф.Т. Тюменский север: историографические аспекты становления и развития малочисленных народов // Народное образование тюменского края: историография, источниковедение. Мат-лы науч. конф. Тюмень, 1993. – С. 85.

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

А.И. Делицой

О МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ ИЗ КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА В ПОСЕЛКЕ СОЛНЕЧНЫЙ СУРГУТСКОГО РАЙОНА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В последнее время исследователи стали уделять больше внимания изучению жизни этнических мигрантов на постсоветском пространстве.

В конце 2007 г. лабораторией «Современные миграционные процессы и диаспоры» СурГУ было проведено анкетирование среди школьников 4-11 классов поселка Солнечный Сургутского района. Опрос охватывал только детей этнических мигрантов из кавказского региона. Учащиеся младших классов не опрашивались ввиду того, что некоторые вопросы анкеты представлялись для них чрезмерно сложными.

Национальный состав учащихся СОШ №1 поселка Солнечный был весьма подходящим для данного исследования (его предполагалось сделать пилотным). Так, в 2005-2006 учебном году из 1240 учащихся азербайджанцы составляли 149 человек (около 12%), дагестанцы – 77 человек (более 6%, в т.ч. – лезгины – 4%, даргинцы – 1%), армяне – 2,4%, чеченцы – 1,3%, дети этнических мигрантов из кавказского региона в целом – 23%.

Анкета была составлена работниками лаборатории «СМПиД»: д.и.н., профессором В.А. Теном, к.и.н, старшим преподавателем Д.Н. Шкаревским и аспирантом К.О. Токтоновой. При составлении анкеты использовались материалы сектора этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН. Опрос школьников был проведен учителем истории и обществознания СОШ №1, аспирантом СурГУ В.Г. Посоховым.

Были опрошены практически все учащиеся среднего и старшего звена, которых можно отнести к детям этнических мигрантов. В то же время сразу необходимо отметить два факта, удививших организаторов анкетирования. В опросе не стали участвовать все представители чеченской национальности: очевидно, сказался опыт общения с работниками ФСБ, которые в последние годы часто проводили надомные собеседования с этими подростками. По не совсем понятным причинам на анкетирование явилось всего 7 школьников армянской национальности. По остальным этническим группам число поступивших анкет вполне коррелировало с официальными цифровыми показателями. Так, азербайджанцев было опрошено 57 человек, лезгин – 23, даргинцев – 5, кумыков – 2 и т. д.

В ходе исследования задавались вопросы, позволяющие выявить уровень материального достатка семей этнических мигрантов. В массовом сознании живуч миф о том, что «все кавказцы деньги гребут лопатой». Любопытно, что определенную роль в культивировании таких представлений играют сами кавказские мигранты, оценивающие достигнутый ими во время проживания в сургутском регионе материальный уровень (иногда достаточно скромный по меркам значительной части старожильческого населения Югры) неизменно достаточно высоко.

Так, в ходе социологического опроса, проведенного в г. Сургуте в мае 2005 г., оценивая собственное материальное положение, 42,1% респондентов, принадлежащих к на-

родам Кавказа, ответили, что «живут в полном достатке», 47,1% – что «живут вполне сносно», вариант «не хватает на необходимое» не выбрал никто (в то время как среди русских соответствующие показатели 5,2%, 63,9% и 20,6%), однако при этом авторы исследования резонно отмечают, что ответы кавказцев «возможно, в какой-то степени являлись бравадой «гордых горцев», то есть демонстрацией мнимой успешности» [1].

То, что в реальности все обстоит гораздо сложнее, подтверждает следующий факт. Осенью 2006 г., наряду с опросом школьников, лаборатория «СМПид» СурГУ организовала также параллельный выборочный опрос учителей СОШ № 1. Респонденты в свободной форме высказывали свои впечатления об учениках-детях этнических мигрантов. В ответах учителей были отмечены, например, такие варианты: «родители работают на рынке, возвращаются домой поздно, получают мало».

Интересны данные опроса в поселке Солнечный по наличию автомобилей в семьях респондентов. Без машин оказались 32,6% семей школьников, наличие одной машины в семье отметили 55,1%, наличие двух машин (один из признаков достатка выше среднего) – 12,2%. Очевидно, эти цифры мало отличаются от средних по Сургуту показателей в целом.

Среди набора престижных вещей в семьях этнических мигрантов, как и ожидалось, лидирует цветной телевизор – его наличие отметили 93,9% школьников, видеомагнитофоны имеются у 70,4%, музыкальные центры – у 57,1%, компьютеры – у 46,9%, пианино – у 5,1%.

Эти данные говорят скорее о преобладании семей среднего достатка (а не богатства) среди кавказских мигрантов. В то же время 15 респондентов (15,3%) отметили наличие в семье только одного предмета из числа входящих в набор из 8 престижных вещей, что может служить косвенным признаком бедности данной категории семей. При этом прослойка семей, находящихся на уровне ниже среднего, в среде кавказских переселенцев, очевидно, составляет меньший, в сравнении со старожильческим населением поселка, процент.

Большой интерес представляют ответы респондентов на вопрос о жилищных условиях их семьи. При анализе ответов для выявления исторического аспекта дети этнических мигрантов были разбиты на четыре категории. Результаты ответов на данный вопрос представлены в таблице.

Таблица 1

Жилищные условия этнических мигрантов из кавказского региона

Группы респондентов	Варианты ответов (цифра – число ответов, в скобках – % от числа респондентов в группе)		
	Семья владеет домом (квартирой)	Семья снимает дом (квартиру)	Семья живет у родственников
Группа А (приехавшие из кавказского региона менее 5 лет назад)	4 (40%)	6 (60%)	- (0%)
Группа В (приехавшие из кавказского региона 5-8 лет назад)	17 (81%)	4 (19%)	- (0%)
Группа С (приехавшие из кавказского региона более 8 лет назад)	20 (64,5%)	11 (35,5%)	- (0%)
Группа D (родившиеся в Сургуте и за пределами кавказского региона вообще)	33 (94,3%)	2 (5,7%)	- (0%)
Всего	74 (76,3%)	23 (23,7%)	- (0%)

Как мы видим, в целом более трех четвертей семей этнических мигрантов из кавказского региона поселка владеет собственным жильем, снимает жилье около четверти семей. Любопытным выглядит абсолютное отсутствие среди семей респондентов такого варианта решения жилищной проблемы, как проживание у родственников (несмотря на прочные традиции семейно-клановых отношений в кавказском регионе).

Можно отметить достаточно четкую (хотя и нелинейную) тенденцию значительного увеличения в более «старых» мигрантских группах процентной доли семей выходцев из кавказского региона, обзаводящихся собственным жильем – 40% в группе А, 81% – в группе В, 64,5% – в С, 94,3% – в группе D. Таким образом, можно сделать вывод, что в целом по мере увеличения продолжительности пребывания в сургутском районе семьи респондентов успешно решали жилищную проблему.

Некоторое снижение процентной доли владеющих собственным жильем в группе С, по сравнению с группой В (81% и 64,5% соответственно), очевидно, вызывается, прежде всего, более тяжелыми экономическими условиями, которые сопровождали данную волну миграции (нетрудно просчитать, что в основном она пришлась на период с начала 90-гг. до 1998-99 гг.).

Подводя итоги, можно сказать, что как известно, мигранты из кавказского региона принадлежат к так называемым «торговым диаспорам» (исключения применительно к данному исследованию могут относиться только к определенной части группы D). В последнее время феномен торговых диаспор внимательно изучается представителями самых различных наук. Наше исследование выявило целый ряд типичных для «торговых диаспор» отличительных признаков материально-бытового положения семей кавказских мигрантов поселка Солнечный: относительно высокий уровень жизни, гораздо меньшая, нежели среди старожильческого населения, прослойка бедных семей, в целом успешное решение основных материальных и жилищных проблем. В то же время, в силу значительно более высокого (по отношению к общероссийскому) уровня жизни в нефтегазовом регионе, данные отличия носят во многом только количественный, но не качественный характер.

Примечания

1. Этноты и конфессии Сургута: десять лет спустя. Материалы сравнительного социологического исследования проблем гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Сургуте / Под общ. ред. Лопаткина Р.А. и Гуленковой Т.Д.; Администрация г. Сургута, Исследовательский комитет социологии религии российского общества социологов. . – М.- Сургут, 2007. . – С. 16-17.

2. Барзилов С. Торгово-этнические меньшинства в общественно-политической жизни провинциального города. – М.: Мир, 2004. – 126 с.; Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). . – М.: Наталис, 2000. – 190 с.; Палютина Е.В. Торговые меньшинства: Некоторые вопросы теории, восприятие в общественном мнении // Социально-экономические проблемы современного периода преобразований в России. – М.: Московский общественный научный фонд, 1996. – С. 56-61 и др.

М.С. Клепиков

ПРОБЛЕМА РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ ЧЕТВЕРТОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА

Национализм постоянно привлекает к себе внимание исследователей. Интерес к этой проблеме велик как в странах Запада, так и на постсоветском пространстве. Национализму посвящены многочисленные работы политологов, антропологов, политических и социальных психологов, что связано с антиколониальным движением, ростом этнического самосознания в развитых индустриальных странах, с национальными движениями, в том числе на постсоветском пространстве [1].

Сегодня достаточно изучены такие аспекты национализма, как типология национализма, соотношение патриотизма и национализма, особенности национализма в разных странах и др.[2].

Проблема русского национализма особенно важна с точки зрения развития парламентаризма в России. То есть подразумевается, что партии создаются для выражения политической позиции значительных групп людей, для легальной защиты их прав и интересов [3]. Поэтому целесообразно рассмотреть русский национализм с точки зрения политической платформы, а также с точки зрения позиций субъекта, так как позиция субъекта при изучении данного явления очень часто бывает ярко выражена и сразу дает представление о его отношении к русскому национализму. Стоит учесть, что трактовка этого понятия изменялась в разных исторических эпохах, с нашей же точки зрения кажется целесообразным рассмотреть национализм в условиях современной России. В данной работе будет рассмотрен четвертый электоральный цикл (2004-2008 гг.) [4]. Нам интересно выяснить отношение современных политических партий и общественно-политических объединений России к русскому национализму, для чего был использован метод контент-анализа текстов (программ партий).

Предварительно назовем действующие политические силы этого периода. До 2009 года существовало 13 политических партий [5]. Не прекратили свое существование, но утратили регистрацию в качестве политической партии 16 общественно-политических объединений [6]. Существуют, но не имеют либо не получили регистрацию 10 партий и общественно политических объединений [7]. Остальные политические партии прекратили свое существование, либо их члены полностью или частично вошли в другие политические партии и блоки [8].

Рассмотрим политические партии и общественно политические объединения, которые не прекратили существования, и те, что существуют без регистрации. Сначала из этих партий и общественно-политических объединений необходимо выделить те, в партийных документах которых в той или иной форме существует упоминание о национализме.

Методом поиска в документах ключевых слов и выделения контекста их употребления найдено определенное количество положительного и отрицательного их упоминания. После вычитания из количества положительных упоминаний количества отрицательных упоминаний было выявлено реальное отношение партий к националистической

риторике. Были выбраны следующие слова: «русский» в отношении национальности (положительный или отрицательный контекст), «национализм», «националист» (положительный или отрицательный контекст), «националистический» (положительный или отрицательный контекст), «интернациональный», «многонациональный» (отрицательный контекст по отношению к национализму).

Для контроля результатов проведен анализ средствами программы TextAnalyst версии 2.01 для определения в сети наиболее значимых понятий термина «русский» [9].

В ходе анализа программных документов партий и общественно политических объединений было выявлено 9 партий из 29 проанализированных, участвующих в националистическом дискурсе, набравших в первичном контент-анализе более одного положительного упоминания ключевых слов и получивших в программе TextAnalyst в сети наиболее значимых понятий термин «русский». После был определен удельный вес в процентном отношении положительного упоминания ключевых слов программных документах этих партий по отношению к остальным партиям.

Из проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Ряд политических партий используют в политической борьбе национальную риторику. В наибольшей степени использует в политической лексике национальную риторику в период четвертого электорального цикла НДПР – 70,30%, следом идут: партия Народный союз – 8,86%, РНЕ – 7,38%, Партия Свободы – 4,80%, ЛДПР – 3,51%, РОИС – 2,40%, НСД СС – 1,48%, НКПР – 1,11%, партия Великая Россия – 0,18%. Из трех партий, использующих национальную риторику в большей степени, только партия Народный союз получила регистрацию [10].

Далее следует рассмотреть ситуацию в обществе по интересующей нас теме. Согласно результатам опроса, проводимого Аналитическим Центром Юрия Левады, в котором участвовало 1600 жителей России, «Как вы относитесь к идее «Россия для русских?»» можно сказать, что поддержкой данный лозунг пользуется у 53% населения (1998-2007гг. – с 48% в 1998г. до 55 в 2007г.) [11]. Аналогичные данные были в исследованиях проводимых ВЦИОМ [12]. Для более полного отражения сложившейся картины необходимо указать данные о термине «национализм». По данным ВЦИОМ, 15,5% населения относятся положительно к этому термину [13]. Сопоставив эти данные, можно сделать предварительный вывод, что от 15% до 53% населения России позитивно относятся к национальной риторике. Тем не менее, в реальном политическом поведении не фиксируются устойчивые националистические установки у большинства населения.

Таблица 1

**Опрос Аналитического Центра Юрия Левады
«Как вы относитесь к идее "Россия для русских"?»**

Дата	Поддерживаю, ее давно пора осуществить, %	Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах, %	Отрицательно, это настоящий фашизм, %	Меня это не интересует %	Не задумывался над этим / затруднились ответить, %	Поддержка, %
август 1998	15	31	32	10	12	46
декабрь 1998	13	30	30	14	13	43
февраль 2000	15	34	27	12	12	49

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Дата	Поддерживаю, ее давно пора осуществить, %	Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах, %	Отрицательно, это настоящий фашизм, %	Меня это не интересует %	Не задумывался над этим / затруднились ответить, %	Поддержка, %
октябрь 2001	16	42	20	11	10	58
июль 2002	17	38	28	10	12	55
декабрь 2002	16	38	26	9	11	54
декабрь 2003	16	37	24	11	12	53
август 2004	22	37	25	12	5	59
декабрь 2004	16	37	25	12	9	53
июнь 2005	19	39	23	9	10	58
ноябрь 2005	16	37	23	12	12	53
апрель 2006	12	40	24	12	11	52
август 2006	17	37	28	11	7	54
ноябрь 2006	15	35	26	12	12	50
апрель 2007	15	35	26	12	13	50
август 2007	14	41	27	11	7	55
Среднее	16	37	26	11	11	53

Что же является причиной того, что при наличии партий, активно использующих в политической борьбе национальную риторику (НДПР – 70,30% незарегистрированная партия, Народный союз – 8,86% и ЛДПР – 3,51% зарегистрированные партии), и населения, от 15% до 53%, которого позитивно относятся к национальной риторике, из всех партий во власти действует только ЛДПР, о которой можно сделать определенные выводы. Так, национализм и империализм сторонников В.В. Жириновского носит симулятивный характер. Резолюция XIX съезда ЛДПР: «ЛДПР прямо заявляет: русский народ – первый и основной народ России. Это вытекает не только из абсолютной численности и доли русского народа в населении страны, но и из его вклада в историю, культуру, экономику России», «В основе государственной политики должен лежать принцип «Что хорошо для русских – то хорошо для всей России, что плохо для русских – то плохо для всей России». В следующих пунктах резолюции XIX съезда ЛДПР скрыто отрицается всё предыдущее [14]. Показателен тот факт, что, используя подобную политическую риторику, партия приобрела достаточно большой электорат.

Здесь так же стоит упомянуть КПРФ. В программе КПРФ ничего не говорится о национализме, кроме заявления «...являясь партией патриотизма, интернационализма и дружбы народов, КПРФ будет добиваться: ... искоренения межнациональных конфликтов, всех форм сепаратизма, национализма и шовинизма». Необходимо учесть, что идеологии партии определяют не только официальная программа и устав, но и официальные документы центральных органов, официальные заявления руководителей партии и др., в том числе доклад Г.А. Зюганова «О задачах партии по защите русской культуры как основы духовного единства многонациональной России», в котором говорится: «...задача состоит не только в том, чтобы понять и поднять на щит интересы русского народа. Проблема и в утрате многими русскими национального самосознания...» [15]. Да, уже к началу XXI столетия Компартия в глазах общества смогла зарекомендовать себя главной прорусской политической силой. Но для решения политических задач, особенно национально-освободительного характера, такой «русский плацдарм» был КПРФ явно недостаточен. Хотя сделано партией и в партии немало. Исследования настроений партийных и околопартийных масс после VIII съезда (2002 г.) показали, что подавляющее большинство (80-90%) членов Компартии, её активных помощников и избирателей поддерживали решение съезда о том, что КПРФ осуждает геноцид против русского и других народов, что она является «партией национальных интересов» и должна сочетать в себе «лучшее из марксизма с русской идеей».

Обусловливающими данную ситуацию могут быть названы следующие причины: русское национальное движение не смогло создать достаточно четкую доктрину «что делать?»; отсутствует достаточная поддержка населения, причем всех социальных страт, а не только маргинальных слоев; фальсификация выборов; ужесточение законодательства о деятельности политических партий, в частности, если партия создается по признакам национальной или религиозной принадлежности и если партия не имеет 50 тысяч членов, необходимость иметь в половине субъектов РФ первичные организации на 500 членов, а в остальных не менее 250 сторонников; нежелание населения увеличивать конфликтность в обществе.

Примечания

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 1998.; Дробижина Л.М. Влияние этноконтактной среды на межнациональные отношения. Социальная психология и общественная практика. – М.: Наука, 1985.; Арутюнян Ю.В.; Дробижина Л.М.; Сусколов А.А. Этносоциология. – М.: Алгоритм, 1998.

2. Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции – М.: Логос, 2003.

3. Парламентаризм – система государственного устройства, при которой парламент играет преобладающую роль не только в качестве законодательного органа, но и в качестве органа верховного контроля над властью исполнительной... При господстве парламентаризма центр тяжести государственной жизни лежит в парламенте, в котором идет постоянная борьба за власть между двумя или несколькими партиями... (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона).

4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономич. книги «Начала», 1997.

5. Пояснения к изменению списка партий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minjust.lgg.ru/ru/activity/nko/partii>.

6. НКПР (Национально-консервативная партия России), партия Развития предпринимательства, КПЕ (Концептуальная партия «Единение»), РКРП-РПК (Российская коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов), Республиканская партия России, Российская партия пенсионеров (с октября 2006 Общероссийская общественная организация Российские Пенсионеры).

7. ВКПБ (Всероссийская коммунистическая партия большевиков), НБП (Национал-большевистская партия), АКМ (Авангард красной молодёжи), НДПР (Национально-державная партия России), РНЕ (Русское народное единство), РОНС (Российский общенациональный союз), Партия Свободы, Партия Великая Россия, ДПНИ (Движение против нелегальной иммиграции), НСД СС (Национал-социалистическое движение «Славянский Союз»).

8. Данное уменьшение количества партий связано со вступлением в силу Федерального закона о политических партиях. Принят Государственной Думой 21 июня 2001 года. Одобрен Советом Федерации 29 июня 2001 года (в ред. Федеральных законов от 21.03.2002 N 31-ФЗ, от 25.07.2002 N 112-ФЗ, от 23.06.2003 N 85-ФЗ).

9. TextAnalyst версии 2.01. Программа для автоматического анализа неструктурированной текстовой информации, реализованная с использованием нейросетевых технологий. Нелингвистическая, не зависящая от предметной области программа для автоматического анализа неструктурированной текстовой информации, извлекающая из текста индекс в виде семантической сети, формирующая реферат и тематический реферат текста. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.analyst.ru>

10. 2 января 2009 г. в Единый государственный реестр юридических лиц внесена запись о прекращении деятельности Политической партии.

11. Национализм и ксенофобия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.analyst.ru> <http://www.levada.ru/press/2007082901.html> – 29.08.2007.

12. Как вы относитесь к идее «Россия для русских»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=274&q_id=22131&date=26.08.2007.

13. Какое значение – положительное или отрицательное для вас имеет слово «национализм»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=513&q_id=37187&date=28.02.2005 – 28.02.2005.

14. См. резолюцию XIX съезда ЛДПР. «Хорошо русским, хорошо всем» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ldpr.ru/press/analitics/384>.

15. См. Доклад Г.А. Зюганова «О задачах партии по защите русской культуры как основы духовного единства многонациональной России» // Правда [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cprf.tomsk.ru/2007/03/25/doklad_predsdatelya_ck_kprf_g_a_zyuganova_na_1h_plenum_ck_kprf_.html, «Русский вопрос и коммунисты России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cipkr.ru/research/ind/23032006ruvocomros.htm>

Т.А. Сироткина

ЭТНОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Как известно, в рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах.

Стереотип есть коммуникативная единица данного этноса, «способная посредством актуальной презентации социально санкционированных потребностей оказывать побуждающее типизированное воздействие на сознание личности – социализируемого индивида, формируя в нем соответствующую мотивацию» [1].

С точки зрения Ю.С. Крючковой, «одной из актуальных задач современной этнолингвистики является изучение этностереотипа» [2]. В настоящее время в данной области исследований лидируют польские лингвисты, в частности, Люблинская лингвистическая школа. В России данная область исследований обратила на себя внимание представителей Уральской лингвистической школы, которые пытаются выстроить ономаσιологический портрет «человека этнического» [3]. Интересны также разработки Л.П. Крысина, касающиеся способов представления этнооценки [4].

Вслед за Л.П. Крысиным можно определить этностереотип как «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос» [5]. В языке это обычно «стереотипная формула, в которой выражаются представления о своем и о других народах» [6].

Существуют автостереотипы, выражающие представление о «своем» этносе, и гетеростереотипы, относящиеся к «чужому» этносу, которые обычно более критичны.

Из всего многообразия этнических стереотипов этнология выделяет группу стереотипов восприятия, под которыми обычно понимается «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, распространяемый на всех ее представителей» [7].

В настоящей статье на материале этнонимии (названий народов) Пермского края рассмотрим, как вербализуется категория этничности в языке русских жителей региона.

Историки и этнографы, исследуя традиционную культуру народов Прикамья, сталкиваются с очень интересными с точки зрения стереотипов восприятия характеристиками: каждая русская женщина, с которой беседеешь о костюме, в первую очередь скажет: «Вот ведь, мы штанов-то не носили – грех, а оне (татарские жеңицины) все в штанах». Татарка тоже добавит с удивлением: «Русские всю зиму в одной юбке, без штанов, колени красные...» [8].

Наряду с термином «стереотип» в этнологии используется термин «этнический образ» – форма краткого описания, «в котором выделяется какое-то одно типическое свойство в восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление об облике представителей того или иного этноса в целом» [9].

В языковой картине мира русских жителей Пермского края отражаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Язык того или иного народа: «Были марийцы у нас. У них-то разговор свой» [10]. Именно особенности языка чаще всего отмечаются в различных приговорках и песенках: «Тру-та-та, тру-та-та, вышла кошка за кота. Ладила за барина, вышла за татарина. Стал татарин лопотать, стала кошка хохотать» [11].

Немногочисленный этнос *коми-язьвинцы*, населяющий север Прикамья, до настоящего времени сохранил свою культуру благодаря бережному отношению к своему языку. Противопоставляя свой язык близкому коми-пермяцкому, представители коми-язьвинцев без труда отличают «своих»: «Наш язык с коми-пермяками не сходится, слова есть разные. У них ударение другое, какое-то большое, нам его трудно понять»; «У нас заяц нил, а у коми-пермяков кэч, у нас прялка коба, а у них печкан» [12].

2. Типичные черты характера и поведения: «Он придет, так его не выгонишь. Больно навяшшывые. Своя нация – цыганы»; «Шапку не снимат даже. Ты что, по-татарски?» [13].

3. Занятия представителей определенной национальности: «Приезжали раньше-то гадали цыганки»; «Манси раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые»; «Третное ткали только пермянки, оне в шесть ниченков, а мы – в три-четыре» [14].

4. Манера одеваться: «Штаны, как у татарки, выпушшэны наверх» [15].

5. Особенности вероисповедания.

Опознание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе языковых различий, но и на основе различий религиозных. Старообрядцы в народном сознании – это отдельный народ, «как нациё». Слово *кержаки*, как и многие этнонимы, имеет переносное значение – «упрямый, замкнутый человек, а также скупой».

Отсутствие твердой христианской веры получает у русских отрицательную оценку. Недаром жителей д. Коми-Березовка, предки которых на рубеже XIX-XX вв. переселились из коми-зырянского с. Усть-Нем (бассейн Вычегды), соседнее русское население называло *лопарями некрещеными* за то, что подобного населения, к тому же и не посещавшего храмы, не было.

Все эти образы складываются в стереотипные представления о том или ином народе, с которым русское население проживает в тесном контакте.

Однако основой гетеростереотипов, по наблюдениям этнологов, является все же «антропостереотипичность, т.е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида» [16]: «Личность такая мариец. Глаза узкие» [17].

Стереотипные представления о типичных чертах характера или поведения позволяют использовать этнические имена в качестве нарицательных обозначений. Например, *тунгусом* в пермских говорах называют молчаливого человека: «Спросишь – он молчит. Тонгус называют. Он-де какой тонгус, нельзя-де слова докупиться».

Средствами языкового выражения этностереотипов являются:

1. Слова, содержащие оценку свойств типичного представителя другого этноса:

а) существительные: «Это которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и *вотяк*»;

б) глаголы: «Ходит и всех *обцыганиват*, обманывает всех окаянный»;

в) наречия, например, *по-татарски*, отражают в основном особенности поведения и речи: «Шапку не снимат даже. Ты што, по-татарски?»; «Господь с тобой! – изумился Федька, по-татарски сидевший у костра на своем армяке»; «Все старухи уж переладилась на городской лад и не хочет по-чалдонски говорить» [18];

2. Слово сочетания, обозначающие характерные предметы быта, одежды и т.д. *Татарские платки, русская баня, русский сарафан* – все эти и многие другие сочетания терминологического характера являются устойчивыми и отражают реалии национального быта: «Платок у тебя каки-то татарской»; «В русской бане бывал?»; «Сарафан у тебя чисто русский» [19]. Как мы видим, данный способ репрезентации характерен более для отражения специфики материальной культуры.

3. «Предложения-формулы», которые эксплицитно, при помощи специальных показателей (предикатов, предикатных сочетаний, союзов) выражают данные стереотипы, например:

а) X как (похож, словно, будто) Y. Данный тип высказывания довольно часто формирует устойчивые сочетания, отражающие стереотипические представления: «Где-ко издят. Как *цыгана*, с места на место»; «Живем, как *вогулы*, ругамся, грешим, переговаривам, вот дождя и нет» [20]; «Раньше чё, книжки не читали, радио не слышали, как *чучмеки* жили» (д. Мусонькино Карагайского района); «Дикие, как *чучкари*, раньше жили» (д. Уролка Усольского района);

б) X – настоящий (форменный) Y. Предикат отражает соответствие определенным требованиям, некоему образцу: «Чуть повыше Усть-Улс, там и есь форменные вогулы» [21].

Способствуют выражению определенных оценочных смыслов различные частицы, местоимения, оценочные прилагательные.

Усилительная частица *даже*, употребляемая в контексте, служит наиболее четкому противопоставлению «свой – чужой»: «За нашими ребятами даже немцы и татары есть» [22].

Местоимения *этой, эти, какой-то*, выражая определенность или неопределенность, способствуют выражению «чужести», «далекости» в каких-то отношениях другой нации: «Он удмур был какой-то»; «У нас отец колды-ко лошадь им, этим вогулам, продавал» [23].

Ключом к открытию стереотипов национальных характеров, по мнению И.М. Кобозевой, могут служить лексические коннотации, которые понимаются как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, вопрошающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта» [24].

К числу объективных проявлений коннотаций следует отнести, по наблюдениям И.М. Кобозевой, и те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватом. В этом плане интересно, что отмеченное в словаре В.И. Даля толкование лексемы *цыган* как «обманщик, плут» актуализируется в высказываниях носителей пермских говоров: «Цыган проклятой! (о петухе)», а этноним *татары* имеет коннотацию «хитрый, жадный»: «татара, наверно, съели ево с кобылой вместе».

Итак, главным условием существования этничности является наличие дихотомического отношения «мы – они». «Если такового отношения не существует, тогда нет смысла говорить об этничности, поскольку она предполагает такие отношения между группами, члены которых рассматривают друг друга как различающиеся по каким-либо культурным характеристикам» [25].

В высказываниях носителей пермских говоров часто актуализируется именно эта сторона этничности: «Украинцы – национальность у *них* такая. *Их же* называют хохлами. Это у *них* прозвишко. Сами себя называют. Не серчают»; «Чиганьё-то – *своя* нация у *их*» [26].

И, наоборот, «свои» говорят одинаково: «Вот мы-то люди русские, у нас по Вишере разговор однакой» [27].

В языковом сознании личности могут происходить разные процессы, отражающие восприятие этничности, например:

1) расширение этнического пространства «чужого» этноса: «Вогула живут в юртах, а зыряна-то тоже вогула» [28];

2) перенесение свойств и качеств «чужого» этноса на представителей своего: «Сосед-то у меня шибко *тунгусливой*, слова от него не дожدهшься» (д. Усть-Гаревая Добрянского района);

3) именование «своих» с оттенком иронии. Бытует в русских говорах Прикамья фразеологизм «обуть в русские лапти» – «обмануть, перехитрить»: «Я говорю Наталье: обуёт она Татьяну в русские лапти» [29].

Исследованием этнических стереотипов русских и коми-пермяков занимаются пермские психологи. Как отмечает Т.А. Попова, «этническая психика насыщена стереотипами о себе, о других этносах, а также представлениями данного этноса о том, какие представления имеют данные этносы о нем» [30].

Объектом исследования Т.А. Поповой стали студенты 4-го и 5-го курсов филологического факультета ПГПУ (русского и коми-пермяцкого отделения) – русские и коми-пермяки. В процессе исследования были получены следующие результаты:

1. Автостереотип русских включает такие качества, как общительность, любознательность, веселость, остроумие, находчивость, смелость, непринужденность, осторожность. Респонденты считают также, что типичному русскому присущи излишнее упрямство, вспыльчивость, легкомысленность, беззаботность, безрассудство и желание лезть в чужие дела.

2. Автостереотип коми-пермяков включает такие качества, как сдержанность, чувствительность, любознательность, веселость, трусливость, излишнюю покладистость, бесхарактерность. Вместе с тем, респонденты считают, что коми-пермякам менее всех других национальностей присущи лезть, жадность и лицемерие.

3. Автостереотип русских совпадает с гетеростереотипом о них коми-пермяков. Так, и русские, и коми-пермяки считают самыми общительными, любознательными, остроумными русских. Те, в свою очередь, приписывают коми-пермякам такое качество, как бесхарактерность, что совпадает с мнением о себе коми-пермяков.

Таким образом, качественный анализ результатов исследования показал, что автостереотипы русских и коми-пермяков отличаются по характеру приписываемых своему этносу качеств, что объясняется различием в менталитетах.

Не менее интересным представляется исследование категории этничности как важного компонента структуры сознания региональной языковой личности. Для выявления того, какие концепты образуют данную категорию, была проведена анкета, на вопросы которой в сентябре 2007 года отвечали студенты 2 курса филологического факультета ПГПУ. Данная анкета содержала следующие задания: «Задание 1. Заполните пропуски в данных фразах, добавляя в них те слова, которые отражали бы, на ваш взгляд, какие-то характерные черты представителей данных национальностей: 1. Он по русски ____, он по-татарски ____, он по коми-пермяцки ____. 2. Как истинный русский, он ____, как истинный татарин, он ____, как истинный коми-пермяк, он ____. 3. Он русский, но он ____, он татарин, но он ____, он коми-пермяк, но он ____. Задание 2. Вы услышали данные фразы. Что, по-вашему, они могли бы означать? Русский есть русский. _____. Татарин есть татарин. _____. Коми-пермяк есть коми-пермяк. _____».

Данная методика уже была использована лингвистами. В частности, И.М. Кобозева, исследуя ассоциации, возникающие в результате использования этнонимов *немец, англичанин, француз и русский*, пишет: «Представляется, что к числу объективных проявлений коннотаций следует отнести... те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватами. Одно из таких явлений... – это относительное единообразие в интерпретации псевдотавтологий типа X есть X, которые информативны именно в силу того, что в них объекту X имплицитно предидируется свойство, устойчиво ассоциируемое в сознании говорящих с объектами данного типа» [31].

Для нашей анкеты были взяты вопросы о *татарах* и *коми-пермяках* как народах, с которыми русские проживают на территории Прикамья в наиболее тесном контакте. Так, «коми-пермяки и русские на протяжении многих веков жили в соседстве и тесном взаимодействии. Историческое дружеское взаимодействие народов проявляется в положительном отношении русских к коми-пермякам»; «Взаимодействие русских с татарами начинается в XVI-XVII веках, когда татары перемещаются с районов Волжской Булгарии на южные земли Пермского края, в бассейн реки Сылвы, Ирени, Бабки и других» [32].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что категория этничности складывается из нескольких базовых концептов: «язык», «внешний вид», «вера», «особенности характера и поведения», «материальная культура», «духовная культура».

Автостереотип русских основан, во многом, на представлениях о характере и особенностях поведения представителей своего этноса. Фраза «по-русски...» была продолжена словами *щедр* (3 раза), *гостеприимен* (2 раза), *душевен, великодушен, свобододолюбив, храбр, отважен, горяч*. Концепт «язык» актуализируется в высказываниях *говорит и ругается матом*.

Тот же концепт лежит в основе представлений русских о соседнем татарском населении. Фраза «по-татарски...» была продолжена лексемами *трудолюбив, хитер, вспыльчив, чистоплотен, щедр, гостеприимен, доброжелателен, общителен*. Концепт же «язык» представлен словами *говорлив* и *балакает*.

При характеристике коми-пермяков актуализируется концепт «внешний вид», вербализующийся с помощью характеристики *низкого роста*. Отмечена реализация концепта «язык»: *немногословен*. Но и здесь концепт «особенности характера и поведения» является ведущим: *необщительный* (2 раза), *замкнутый* (2 раза), *наивен, непонятен, гостеприимен, простодушен, скромн, глуповат, тих, далек*. Отметим, что на данном курсе в отдельной группе обучаются студенты коми-пермяцкого отделения, которые не принимали участия в анкетировании, но многие ассоциации русских студентов связаны именно с теми, кто учится с ними рядом. Отсюда одна их характеристик: *чавкает семечками на лекциях по русской литературе*.

Концепт «материальная культура», образующий категорию этничности, начинает актуализироваться при ответе на вопрос «как истинный...».

Истинный русский, по мнению студентов, *пьет водку и закусывает солеными огурцами; любит вкусно поесть, попариться в бане; любит русскую баню, пельмени, водку, соленые огурцы и философию Канта* (последняя фраза имеет отношение уже к концепту «духовная культура»).

Каждый татарин, как отмечают испытуемые, *умеет готовить свое национальное блюдо; умеет готовить азу и всегда напоит вас чаем; любит плов и холодное оружие; умеет делать чак-чак; умеет великолепно готовить и знает толк в винах*. При ответе на этот вопрос актуализируется также концепт «вера»: истинный татарин *верующий (2 раза), набожен*.

При характеристике коми-пермяков задействован также концепт «язык»: истинный коми-пермяк *говорит с сильным акцентом и ценит свой язык*. Данный концепт реализуется также в ответах, отражающих не характерные для русских качества: *он русский, но он не знает правил русского языка*, а также качества, присущие татарам: *он татарин, но он знает русский язык, понимает по-русски*, и коми-пермякам: *он коми-пермяк, но говорит по-русски без акцента*.

Особенно интересны ответы на последний вопрос анкеты, отражающие ассоциации, присутствующие в сознании региональной языковой личности, которые связаны с представителями разных культур.

В ряде случаев данные ассоциации получали репрезентацию в виде прецедентных текстов. Например, с русскими связываются устойчивые выражения *один за всех и все за одного, вместе мы – сила; душа нараспашку; рубаха-парень, каждый день – праздник и т.д.* О татарине думают: *упертый как баран; с татаринком дружи, но камень за пазухой держи*.

В других случаях ассоциации носят индивидуальный характер, связаны с личным восприятием отдельных представителей этноса: коми-пермяки *не проявляют уважения к институту и студентам*.

Итак, принадлежность к конкретной культуре определяется наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе. Этнонимы – это средство вербализации категории этничности, существующей в сознании народа и его языке.

Примечания

1. Рыжков В.А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. – Куйбышев, 1985. – С. 15-21. – С. 15.

2. Крючкова Ю.С. Классификация лексико-семантических комплексов «со значением качественной оценки этнообраза» // Национально-культурный компонент в тексте и языке. – Минск, 2005. – Ч. 2. – С. 115-116.

3. Березович Е.Л. Ономаσιологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Е.Л. Березович, Д.П. Гулик. Встречи этнических культур в зеркале языка. – М., 2002.

4. Крысин Л.П. Лингвистический аспект изучения этностереотипов // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М., 2002.

5. Крысин Л.П. О русских этностереотипах в их языковом выражении // Лексикология и лексикография. – М., 2006. – Вып. 17. – С. 103-108.

6. Подюков И.А. Этнические стереотипы в народной фразеологии // Этническая культура и современная школа. – Кудымкар, 2003. – С. 84-90.

7. Садохин А.П. Грушевицкая Т.Г. Этнология: Учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: Академия, 2003. – С. 215.

8. Черных А.В. Русские и татары Прикамья: межэтническое взаимодействие // Живая старина. – 2001. – № 2. – С. 35.

9. Садохин А.П. Грушевицкая Т.Г. Этнология...
10. Акчим – записи диалектной речи из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета, содержащей материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района.
11. Там же.
12. Чагин Г.Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. – Пермь, 2002. – С. 113.
13. Акчим...
14. Там же.
15. Там же.
16. Чагин Г.Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии...
17. Акчим...
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 1995. – № 3. – С. 102-116.
25. Садохин А.П. Грушевицкая Т.Г. Этнология...
26. Акчим...
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Попова Т.А. Особенности этнических стереотипов русских и коми-пермяков // Язык, культура, образование в современном мире: материалы Международной научно-практич. конф. – Ч. II. – Пермь, 2006. – С. 26-27.
31. Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский...
32. Этнокультурные процессы русского населения Пермского края на современном этапе: Материалы этносоциального исследования. – Пермь, 2006. – С. 29.

*М.Ю. Мартынов, Е.В. Дорогонько, В.А. Снисаренко,
Д.С. Дубовец, В.В. Садриева*

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ТРУДА
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА**

Вопрос о реформировании системы охраны труда назрел достаточно давно, так как, по сути, с 70-х годов XX века система управления охраной труда (СУОТ) не претерпела особых качественных изменений. Сегодня очевидна необходимость создания новой системы управления охраной труда, адекватной новым рыночным отношениям и соответствующим изменениям в социально-трудовых отношениях. В 2007 г. Министерством здравоохранения и социального развития была разработана концепция программы по улучшению условий и охраны труда «Безопасный труд» до 2025 г. Эта программа призвана сменить действующую с советских времен систему охраны труда.

Дело в том, что, как показывает анализ причин заболеваемости в России, до 40% заболеваний прямо или косвенно связано с неудовлетворительными условиями труда. Более 20% среди всех впервые признанных инвалидами утратили трудоспособность в возрасте 45-50 лет [1]. Смертность трудоспособного населения превышает аналогичный показатель по Евросоюзу в 4,5 раза и в 2,5 раза – средний показатель смертности по России [2]. Общая обстановка с охраной и условиями труда в Российской Федерации остается напряженной. Если снижение затрат, рост эффективности и производительности труда, особенно в условиях мирового экономического кризиса, становятся приоритетной задачей предприятий, то вопросы охраны и безопасности труда с точки зрения некоторых руководителей остаются второстепенными. Результатом такой расстановки приоритетов становится рост чрезвычайных ситуаций, аварий и травм на производстве и, как следствие, рост экономических потерь, текучести персонала, снижение престижа и конкурентоспособности предприятий. Совершенствование системы управления охраной труда на региональном уровне предполагает постоянное отслеживание (мониторинг) ситуации на предприятиях, анализ показателей, характеризующих фактическое состояние условий труда, уровень производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, деятельность в области надзора и контроля за соблюдением требований охраны труда, законодательное и нормативно-правовое обеспечение работы по охране труда.

В 2007 г. Департаментом труда и социальной защиты ХМАО-Югры совместно с лабораторией социологических исследований Сургутского государственного университета организовано социологическое исследование состояния системы управления охраной труда на предприятиях округа, были собраны и проанализированы данные за шестилетний период – с 2001 по 2006 гг. Цель исследования состояла в том, чтобы получить всесторонний и комплексный анализ проблем организации условий и охраны труда на предприятиях ХМАО. В качестве основных задач исследования предполагалось получить информацию о работе служб охраны труда (СОТ) по обеспечению требований безопасности условий труда на предприятиях, выявить уровень производственного травматизма по степени тяжести несчастных случаев, их динамике по годам, причинам несчастных слу-

чаев, оценить степень социально-экономического ущерба, который несут предприятия от несчастных случаев. Кроме того, необходимо было оценить степень и эффективность организации системы управления охраной труда (СУОТ) на предприятиях, в том числе в идентификации производственных рисков, в применении мер по регулированию и контролю рисков, в нормативно-правовом обеспечении СУОТ, в организации внутренних и внешних проверок (аудитов) состояния условия и охраны труда, по выявлению и своевременному устранению нарушений норм охраны труда.

В социологическом исследовании приняли участие 869 предприятий округа, принадлежащих 16 основным отраслям и сферам экономики. Опрос проводился в общей сложности в 18 муниципальных образованиях ХМАО – 10 городах и 8 районных поселениях округа. Для обеспечения репрезентативности выборки исследования были обследованы 4 типа предприятий по численности работников, в выборку были включены малые и средние предприятия (с численностью работников до 50 чел. и от 50 до 300 чел. соответственно), относящиеся в основном к сферам образования, здравоохранения и культуры, крупные и сверхкрупные предприятия (от 300 до 3000 чел. и свыше 3000 чел. соответственно) нефтегазодобывающей и автотранспортной отрасли и гражданской авиации.

Организация охраны труда на обследуемых предприятиях. В целом, как показало исследование, состояние организации непосредственной работы по охране труда на предприятиях ХМАО можно признать удовлетворительным. Более 80% предприятий имеют службы охраны труда или специалистов основных должностей по охране труда (инженеров по ОТ), на остальных предприятиях имеются совместители, исполняющие обязанности специалистов по ОТ. Количество сотрудников отделов по охране труда в среднем составляет 2-3 штатных единицы, на некоторых крупных предприятиях доходит до 19 штатных единиц. Образовательный уровень специалистов по ОТ в целом достаточно высок: 59,1% из них имеют высшее образование (техническое или гуманитарное), 23,7% – среднее специальное техническое. Большинство из них прошло специальные курсы по охране труда, как того требует нормативное законодательство. Результаты социологического исследования показали, что организация служб охраны труда на большинстве предприятий отвечает требованиям действующего законодательства, в частности, Трудовому кодексу РФ (ст. 217), постановлению Министерства труда и социального развития РФ от 22 января 2001 г. №10.

Анализ данных по несчастным случаям на обследуемых предприятиях.

По данным Государственной инспекции труда в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре за период с 2000 по 2008 годы наблюдается значительное снижение количества пострадавших на производстве с тяжелым, смертельным исходом и в групповых случаях.

За 2008 год произошло 220 (в 2000 году – 430) несчастных случаев с тяжёлым, смертельным исходом и в групповых случаях, в которых пострадало в общей сложности 256 работающих, тогда как за 2000 год пострадало 437 работающих. Таким образом, наблюдается снижение количества пострадавших на 50 % (см. диаграмму 1).

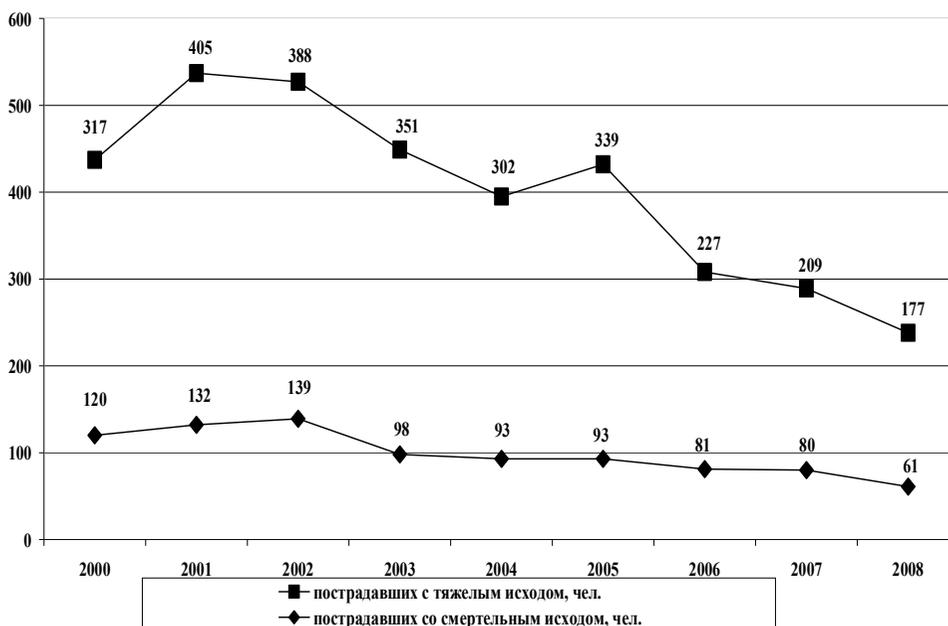
На 50 % снизилось число пострадавших со смертельным исходом. Для сравнения: в 2008г. пострадал 61 работающий, в 2000 г. – 120. На 34 % снизилось количество пострадавших с тяжёлым исходом: в 2008г. – 209 человек, в 2000 г. – 317.

Тем не менее, как показало социологическое исследование, на многих предприятиях ХМАО ситуация с обеспечением безопасных условий труда еще далека от совершенства. Высокие показатели частоты и тяжести несчастных случаев, ежегодно происходя-

щих с работниками предприятий, свидетельствуют о серьезных проблемах в системе управления охраной труда. По обобщенным результатам за 6 лет (с 2001 по 2006 гг.) почти на половине обследуемых предприятий (45,1%) происходили несчастные случаи, из них на 19,1% предприятий фиксировались несчастные случаи с тяжелыми или смертельными исходами. На обследованных предприятиях происходило в среднем за год около 508 несчастных случаев, в том числе легких.

Диаграмма 1.

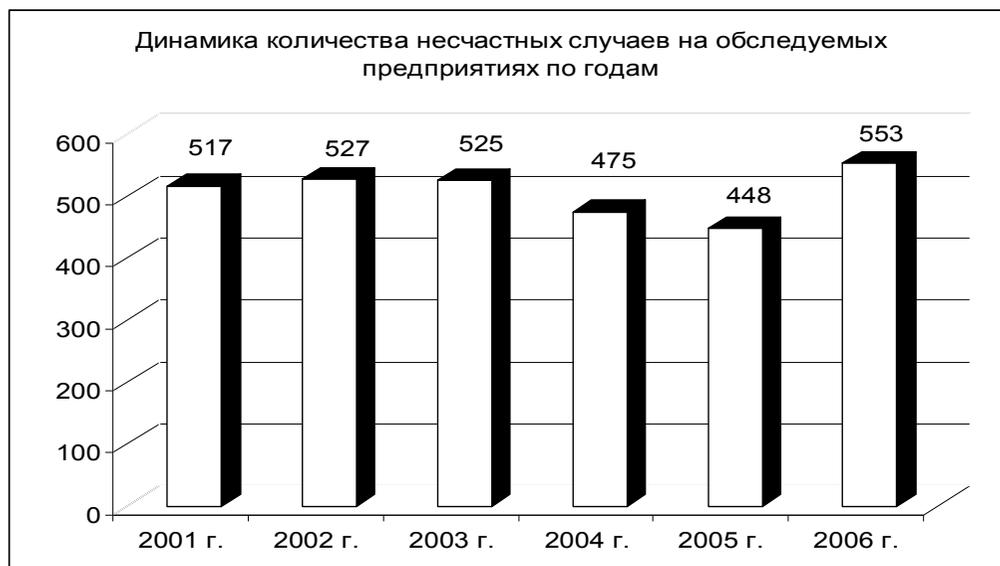
Динамика количества пострадавших с тяжелым и смертельным исходом в 2000-2008 годах на территории Ханты-Мансийского автономного округа (по данным Государственной инспекции труда в автономном округе)

Если в 2001 г. несчастные случаи наблюдались в среднем на 17% предприятий, то к 2006г. процент таких предприятий увеличился до 23%. Динамика количества единичных несчастных случаев указывает на рост их числа. Одиночные несчастные случаи на предприятиях наблюдаются значительно чаще, чем групповые. Они встречаются на 43,7% от всех обследуемых предприятий (см. диаграмму 2).

В 2006 году в автономном округе, как и в целом по Российской Федерации продолжилась наметившаяся в последние годы тенденция снижения коэффициента частоты (количество пострадавших на 1 рабочий день и более со смертельным исходом на 1000 рабочих). По сравнению с 2001 годом он снизился с 2,9 до 2,0. В целом по Российской Федерации коэффициент частоты (Кч) снизился за аналогичный период с 5,0 до 2,9. В сравнении с другими субъектами Российской Федерации, входящими в Уральский федеральный округ, показатель Кч в ХМАО был одним из самых низких наряду с Ямало-ненецким автономным округом и составил в 2006 году 2,0 по данным госстатистики, тогда как в среднем по УРФО Кч составил 3,0.

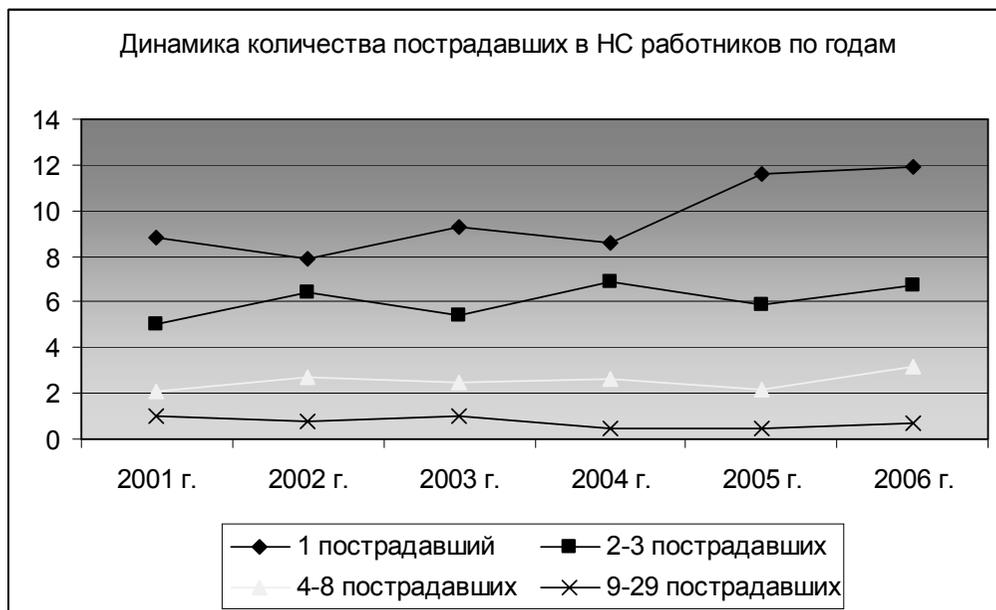
Диаграмма 2.

Экономика округа характеризуется высоким удельным весом работающих в добывающих отраслях и видах экономической деятельности, связанных с переработкой сырья, что предопределяет повышенные показатели производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, так как именно эти отрасли традиционно характеризуются неблагоприятными условиями труда. Как показывают данные исследования, лидерами по абсолютному количеству несчастных случаев на производстве являются предприятия нефтегазодобывающей отрасли, энергетики, геологии, авиации, строительной и автотранспортной сферы. Вместе с тем, относительный показатель коэффициента частоты (Кч) по данным государственной статистики свидетельствует, что наибольшие показатели в отраслях экономики округа были зафиксированы: в лесной промышленности, на протяжении 2001-2005 года превышая средний показатель по округу более чем в 4 раза; в промышленности строительных материалов и геологии превышение составляло 2 и более раз; в строительстве и сельском хозяйстве превышение составляло 1,5 и более раз. Следует отметить, что показатель Кч в топливной промышленности на протяжении 2001 – 2006 годов оставался на уровне либо находился ниже среднеокружных показателей.

Результаты социологического исследования по динамике количества пострадавших в несчастных случаях на обследованных предприятиях свидетельствуют об отсутствии единой тенденции по годам. Вместе с тем в 2006 году наблюдается рост показателей травматизма по сравнению с предыдущими годами за рассматриваемый период (см. диаграмму 3).

Результаты исследования показали, что на 2,2% предприятий есть работники, имеющие профессиональные заболевания. Наибольший коэффициент профзаболеваний наблюдается на предприятиях нефтедобывающей и автотранспортной отраслей, энергетики, в также гражданской авиации, лесной промышленности.

Необходимо отметить, что данные о количестве несчастных случаев на предприятиях ХМАО не превышают общероссийских показателей.

Анализ причин несчастных случаев, произошедших на предприятиях, и их последствий.

К основным причинам производственного травматизма на предприятиях относятся:

- *организационно-технические причины*, в том числе недостатки в организации рабочих мест, несоблюдение техники безопасности при оборудовании рабочих мест, выполнение работ без соответствующих средств защиты (индивидуальных и коллективных), нарушения работниками технологических процессов;

- *организационные причины*, такие, например, как недостатки в обучении и инструктаже работников, нарушения трудовой дисциплины и правил техники безопасности работниками;

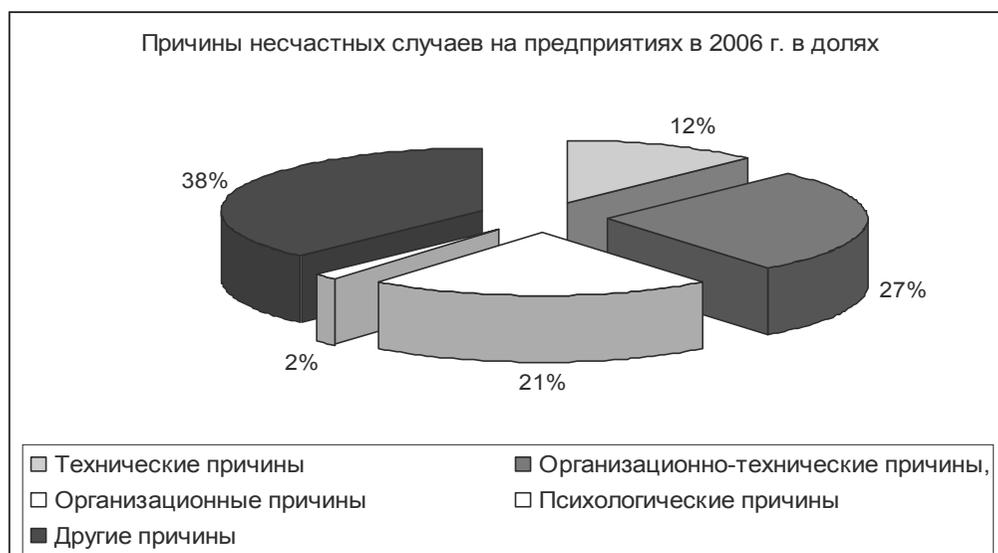
- *технические причины*, связанные с техническим несовершенством машин, оборудования и других механизмов, их конструктивными недостатками и несовершенством технологического процесса;

- *психологические причины*, такие, как переутомление, ответственность, монотонность операций.

По данным исследования, наиболее вероятными причинами возникновения несчастных случаев являются организационно-технические и организационные. Низкий уровень организации рабочих мест, неудовлетворительная организация производства работ, проведение работ без спецодежды (27% несчастных случаев), а также привлечение к работе лиц, не прошедших соответствующий инструктаж или низкая трудовая дисциплина, нарушение функциональных обязанностей (21%) – эти причины, по данным исследования, достаточно распространены на предприятиях. Конструктивные недостатки машин,

механизмов, эксплуатация технически неисправного оборудования, несовершенство технологического процесса и другие технические причины составили 12%. Кроме того, достаточно высок процент *других* причин, названных предприятиями – 38%. Из всех *других* причин в самостоятельные категории можно выделить три: несчастные случаи, связанные с ДТП; неосторожность самих пострадавших; падения.

Диаграмма 4.

Кроме непосредственной оценки рисков возникновения производственного травматизма применяется экономическая оценка материального ущерба, наносимого предприятиям несчастными случаями, потерями рабочего времени, порчей оборудования, материалов, зданий, гибелью и травматизмом людей. Суммарная оценка материального ущерба состоит из:

- прямых потерь от несчастного случая, т. е. стоимости испорченного оборудования, материалов, зданий, сооружений и т. д.;
- затрат на локализацию или ликвидацию и расследование несчастного случая;
- социально-экономических потерь (затрат, понесенных вследствие гибели и травматизма людей);
- косвенного ущерба, т. е. недополученной организацией прибыли;
- потерь от выбытия трудовых ресурсов в результате гибели людей или потери ими трудоспособности.

Высокий уровень производственного травматизма наносит предприятиям значительный материальный ущерб. В 2006 г. в два раза (по сравнению с 2001 г.) увеличился процент предприятий, на которых суммарный материальный годовой ущерб от несчастных случаев составил свыше 300 тыс.руб. Следует заметить, что помимо прямого материального ущерба от уровня производственного травматизма и организации безопасных условий и уровня охраны труда на предприятиях напрямую зависят показатели текучести кадров, а, значит, и показатели производительности труда, прибыльности и социально-экономической ответственности предприятия за состояние окружающей среды.

Анализ состояния и организации системы управления охраной труда на предприятиях. Очевидна необходимость системного, комплексного подхода в решении всех негативных проблем, накопившихся в области охраны труда на предприятиях ХМАО. Опрос показал, что на предприятиях продолжается работа по созданию целевых систем управления охраной труда (СУОТ). Однако этот процесс пока идет довольно медленно. В условиях реформирования экономики предприятия должны самостоятельно разрабатывать основные направления СУОТ, и, как показало исследование, в этой работе они испытывают целый ряд трудностей. Прежде всего, в создании нормативно-правовой базы, обеспечивающей СУОТ: на 17,2% предприятий вообще нет утвержденных нормативных документов (Положений о СУОТ), регламентирующих деятельность по обеспечению безопасных условий и охране труда, только 20,1% предприятий показали полную обеспеченность пакетом нормативно-правовых документов по охране труда.

У 12,5% предприятий нет программы или утвержденных мероприятий по улучшению условий и охраны труда, при этом предприятиями игнорируются «Рекомендации по планированию мероприятий по охране труда» утвержденные постановлением Министерства труда Российской Федерации от 27 февраля 1995 г. № 11. Зачастую на таких предприятиях не выделяются финансовые средства на мероприятия по улучшению условий и охраны труда в нарушение норм, закрепленных Трудовым кодексом.

Сегодня недостаточно сформирован и задействован экономический механизм, заинтересовывающий работодателей вкладывать средства не просто в обновление производственных фондов, а в их качественное совершенствование, оснащение производства наиболее современными и безопасными станками, машинами и другим оборудованием, внедрение таких технологических процессов, которые позволяют существенно снизить или совсем устранить риски для жизни и здоровья работников. В промышленно развитых странах давно уже осознали, что травматизм на производстве, профессиональные заболевания и общая заболеваемость работников не могут быть спутниками успешного бизнеса, экономического и социального развития государства, и это доказанная практикой реальность. Каждый доллар, вложенный в улучшение условий труда, например, по программе Citibank, позволяет сберечь 4,56 доллара. [4]

Тем не менее, положительным моментом является то, что более, чем на 90% обследованных предприятий ХМАО организован административно-общественный контроль за состоянием условий и охраны труда, выполнением мероприятий по улучшению условий труда, с привлечением к этой работе ответственных лиц по охране труда, руководства, постоянно действующих комиссий по охране труда.

С другой стороны, сложилась тенденция на выявление нарушений в области безопасности труда по факту возникновения несчастных случаев. Сложившееся положение требует реформирования системы управления и организации работы по охране труда на принципиально новых началах, предусматривающих постепенный, но уверенный переход от реагирования на страховые случаи к управлению процессами снижения рисков вреда здоровью работников.

Анализ профилактической работы по организации безопасного труда на предприятиях. Если контроль за состоянием условий и охраны труда на предприятиях достаточно четко регламентирован и проводится регулярно, то организация профилактической работы по предупреждению производственного травматизма в плане обучения работников безопасности труда, проведению аттестации рабочих мест, разработки мер по предот-

вращению возможных производственных рисков остается неудовлетворительной. Тогда как в этом заключаются потенциальные возможности для снижения высокого уровня несчастных случаев на производстве.

Исследование показало, что ситуация с обучением работников безопасности труда на предприятиях округа достаточно сложная. Так, около четверти предприятий в 2006 г. (24,1%) не указали число работников, прошедших обучение, в 2001-2002 гг. таких предприятий было вдвое больше. На 18,3% предприятий вообще не определяется потребность обучения персонала основам охраны труда.

В новой программе Минздравсоцразвития РФ «Безопасный труд» делается ставка на переход от реагирования на страховые случаи *post factum* к управлению рисками. Для этого, согласно концепции, необходима регулярная *аттестация рабочих мест* (оценка условий труда и профессиональных рисков), в результате которой на каждом предприятии должен быть принят план мероприятий по улучшению условий труда [5].

Согласно Постановлению Министерства труда и социального развития РФ от 14 марта 1997 г. №12, сроки проведения аттестации устанавливаются организациями исходя из изменений условий и характера труда, но не реже одного раза в 5 лет с момента проведения последних измерений. Однако, по данным исследования, в течение 6 лет исследуемого периода у 44,7% предприятий не была проведена аттестация рабочих мест. Одной из основных причин, по которой аттестация рабочих мест не проводится, является отсутствие необходимых денежных средств у организаций. Если крупные коммерческие организации из года в год активно занимаются аттестацией рабочих мест, то для большинства некоммерческих, бюджетных предприятий такие затраты часто являются непосильными.

На сегодня еще сложнее ситуация с внедрением на предприятиях *системы управления рисками*. Результаты исследования позволяют утверждать, что на предприятиях округа такая система управления рисками распространена довольно слабо. Лишь 24,7% предприятий проводят оценку рисков, только 19% из них используют стандартизованные методы анализа рисков, с ведением карт рисков производственных процессов – это, прежде всего, крупные предприятия нефтегазодобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, связи, строительства, энергетики. Вызывает тревогу и тот факт, что 12% предприятий не имеют утвержденного плана мероприятий и действий персонала в возможных аварийных ситуациях, их предотвращения и ликвидации последствий. Достаточно большой процент таких предприятий имеется в ремонтно-механической, дорожно-ремонтной отраслях, строительстве, торговле и ЖКХ.

Внутренний аудит предприятий и внешние проверки органов по надзору (государственного, регионального и районного уровней) уровня производственной безопасности и поведения персонала на рабочих местах внедрен лишь на 65% предприятий. Результаты опроса выявили, что значительное число предприятий такие проверки не проводит (около 35% по данным 2006 г.).

Учитывая вышесказанное, можно отметить, что система управления охраной труда на многих предприятиях Ханты-Мансийского автономного округа находится в стадии становления. В целом, ситуация в системе охраны труда характеризуется целым рядом проблем. Главная из этих проблем состоит в том, что предприятия вынуждены самостоятельно строить систему управления охраной труда, вырабатывать свою собственную политику улучшения условий труда. Часто минусы такой самостоятельности состоят в том, что деятельность предприятий в этой области достаточно разрознена, система внешнего контроля за предприятиями упрощена, поэтому часто средства и ресурсы на охрану труда

направляются по остаточному принципу. Особенно это относится к предприятиям автотранспортной отрасли, строительства, геологии. В то же время, положительный опыт организации системы охраны труда на предприятиях округа имеется. Прежде всего, это опыт крупных акционерных обществ нефтегазовой и энергетической промышленности по внедрению СУОТ с применением международных стандартов охраны труда.

Поэтому сегодня многие предприятия округа нуждаются в нормативно-методологической поддержке со стороны государственных органов управления, в эффективных методах профилактической работы в области охраны труда, в получении передового опыта от тех организаций, где внедрение СУОТ дает практические положительные результаты в плане улучшения условий труда.

Кроме этого, необходимо будет совершенствовать информационное обеспечение; систему непрерывного образования и обучения основам охраны труда; социально-трудовые отношения между работниками и работодателями при принятии коллективных и трудовых договоров с учетом действующего законодательства.

Охрана труда и здоровья работающего населения должна по праву занять важное место в экономической и национальной безопасности страны. Эффективный и безопасный труд возможен только на рабочем месте, условия которого отвечают всем конституционным требованиям, положениям и государственным нормативам.

Примечания

1. Елин А.М. О взаимосвязи условий труда и его производительности. «Безопасность и охрана труда» 2008. №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biota.ru/publish/magazine/296>.

2. Программа «Безопасный труд» Концепция Программы действий по улучшению условий и охраны труда, включая проведение аттестации рабочих мест по условиям труда. Минздравсоцразвития России. Департамент трудовых отношений и государственной гражданской службы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ohranatruda.ru/arhgostevoi/st12.htm>.

3. Доклад Министерства здравоохранения и социального развития «Состояние условий и охраны труда в Российской Федерации в 2004 году и меры по их улучшению» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ohranatruda.ru/stat/doclad2004.pdf>.

4. Пашин Н.П. Снижение производственных рисков и улучшение охраны труда — основа повышения его производительности «Безопасность и охрана труда» 2008. №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biota.ru/publish/magazine/article/298>

5. Щербаков В.И. Проблемы управления профессиональными рисками «Безопасность и охрана труда» 2008. №2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biota.ru/publish/magazine/article/344>.

Н.П. Бомба

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМ МАЛОГО БИЗНЕСА ГОРОДА СУРГУТА В ОБЛАСТИ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ

В странах с развитой экономикой малый бизнес составляет фундамент экономических отношений и дает возможность успешно развиваться более крупным предприятиям. В России малые предприятия сегодня развиваются слабо, особенно на региональном уровне. Одна из причин тому – отсутствие развитой сферы обслуживания малого бизнеса, в частности, консалтинга.

В Сургуте малое предпринимательство является одним из основных резервов развития экономики города. По данным информационно-аналитического ежегодника «Малый бизнес Югры-2007», в городе отмечается позитивная динамика основных показателей, характеризующих деятельность малого бизнеса: наблюдается прирост объема производства продукции, растет количество жителей города, занятых в сфере малого предпринимательства, увеличиваются поступления в бюджет.

Основными сферами предпринимательской деятельности на территории города являются оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, операции с недвижимым имуществом, строительство, предоставление услуг. В последние годы малое предпринимательство активно работает в сфере общественного питания. Только за 2007 год открылось 45 новых объектов, и обеспеченность предприятиями общественного питания в городе достигла нормативной [1, с.3].

С ростом предпринимательской активности у субъектов малого бизнеса города Сургута увеличивается и потребность в информационно-консультационных услугах. Часто на практике предприятие не в силах самостоятельно справиться с различного рода проблемами, и для успешного выхода из сложившейся ситуации требуется привлечение квалифицированных специалистов в области управленческого консультирования. Для малого бизнеса основная ставка делается на поиск инструмента, с помощью которого можно эффективно внедрять на сургутском рынке общепризнанные технологии ведения дел. В этом случае консалтинг как сумма знаний о практическом ведении бизнеса подходит как нельзя лучше. Дело остается за малым: разъяснить и наглядно доказать предпринимателям пользу от использования научно обоснованных методов. Это совсем непросто, учитывая, что российские руководители и, в частности, сургутские ожидают немедленной отдачи от производимых действий, несмотря на то, что положительный и стабильный результат от каких-либо изменений может быть достигнут в долгосрочной перспективе.

По проблемам малого бизнеса в области консалтинговых услуг в 2008 году было проведено социологическое исследование. В нем приняли участие руководители предприятий города Сургута, занимающиеся торговлей, предоставлением услуг населению, а также производством. На первом этапе исследования была поставлена задача выяснить у сургутских предпринимателей, что послужило для них главной причиной открытия собственного дела. В результате обработки анкет были получены следующие выводы: ведение собственного бизнеса у большинства субъектов малого бизнеса (58,9%) ассоциируется с независимостью и свободой; 20,7% опрошенных до того как заняться предпринима-

тельством, уже были руководителями предприятий; бизнес как семейную традицию рассматривают 11,7% респондентов (следует заметить, что из предпринимателей, продолжающих семейную традицию как бизнес, все заняты в торговле); 5,8% занялись бизнесом с целью реализовать интересную идею; по причине безработицы – 2,9% опрошенных руководителей малых предприятий.

В анкете по исследованию малого бизнеса Сургута был задан вопрос о сроке существования этих предприятий на рынке города. Среди опрошенных предпринимателей менее года на рынке г. Сургута находится 5,8% малых фирм; 2-3 года занимаются собственным бизнесом 35,2% респондентов; половина опрошенных, т.е. 50%, ведут бизнес уже около пяти лет – это очень хороший показатель, так как многие авторы бизнес-литературы критическим возрастом малого предприятия считают первые три года. Другими словами, если предприятие после первых трех лет существования на рынке продолжает развиваться, то в дальнейшем его ждет весьма перспективное будущее. Более шести лет в сфере малого бизнеса находится 9% предприятий, все они задействованы в производстве.

На вопрос об оценке положения собственного предприятия на сегодняшний день предприниматели отвечали с точки зрения доходности своей фирмы. 11,7% респондентов оценивает свой бизнес на стадии подъема, большая часть из них находится на сургутском рынке менее года. Стабильное положение отмечают 47,1% предпринимателей, эту группу составляют руководители сферы торговли и производства. 29,5% опрошенных видят свой бизнес в стадии развития, и 11,7% респондентов затрудняются оценить положение собственного предприятия, в их число входят субъекты предпринимательства, которые занимаются бизнесом уже более шести лет. Следует заметить, что также к последней категории преимущественно относятся руководители сферы обслуживания.

Несмотря на все убеждения российского правительства о стабильном развитии экономики государства, мало кто из предпринимателей, ведя бизнес, не учитывает различного рода риски. Поэтому по-прежнему для любого предпринимателя остается актуальным вопрос, связанный с вероятностью потери собственного бизнеса. Руководители малых предприятий оценивали риск потери собственного бизнеса или нахождения его на грани закрытия в ближайшие годы. 9% предпринимателей г. Сургута оценивают риск потери бизнеса как «очень вероятно», 23,5% опрошенных допускают, что существует такая вероятность. 11,7% руководителей малых предприятий находят риск маловероятным, а большая часть респондентов (55,8%) затрудняется делать прогнозы развития собственного бизнеса в связи с изменениями экономических факторов. Современная экономическая ситуация в России плохо предсказуема, и поэтому предпринимателю часто приходится принимать ответственные решения в условиях неполной информации, при недостаточной ясности обстановки. Такие решения сопряжены с неизбежным риском.

Для любого проекта или уже действующей фирмы риски означают вероятность наступления неблагоприятного события, которое приводит к потере части ресурсов, недополучению доходов или появлению дополнительных, незапланированных расходов. Не менее важным для характеристики малого бизнеса является степень доходности бизнес-предприятия. В экономической теории термин «доход» трактуется как денежные средства, полученные в результате хозяйственной деятельности за определенный промежуток времени. По результатам нашего исследования оптимальный доход своего предприятия отмечают всего 11,7% руководителей, 47,1% опрошенных видят доходность собственного бизнеса на удовлетворительном уровне и 29,5% считают, что доходность их

предприятия недостаточная. Определить уровень доходности своего предприятия затрудняется 11,7% опрошенных.

В 2007 году властями г. Сургута был проведен мониторинг малого предпринимательства. По его итогам была отмечена позитивная динамика основных показателей, в том числе высокий уровень доходности малых предприятий, увеличение за последние два года численности работников в сфере малого бизнеса на 64%, а также высокий уровень заработной платы [2].

Следующим этапом исследования была задача выяснить основные проблемы (правового и экономического характера), с которыми чаще всего приходится сталкиваться бизнесменам. Уровень значимости правовых проблем для всех типов предприятий малого бизнеса практически совпадает. Таким образом, малое предпринимательство, независимо от сферы деятельности предпринимателя, существует в едином правовом поле, которое содержит в себе множество факторов, негативно влияющих на успешное развитие малого бизнеса, о чем свидетельствует высокий рейтинг правовых проблем. Именно несовершенство правовой базы для малого бизнеса, прежде всего в сфере налогообложения предприятий, рассматривается руководителями независимо от вида деятельности их предприятия как особо важная проблема. Респондентам были предложены варианты проблем правового характера, с которыми им в своей бизнес-деятельности приходится сталкиваться чаще всего. По результатам полученных ответов был составлен рейтинг этих проблем. К числу важных правовых проблем, с которыми обычно сталкиваются малые предприятия, предприниматели отнесли следующие: 33,5% – налогообложение (схемы налогообложения, сложность налоговых постановлений, сложность в получении оперативной, достоверной информации по законодательству и налогообложению в сфере малого бизнеса, частота изменений в структуре налогов и законодательной базе); 28,4% – взаимоотношения с инспекциями города (налоговая, СЭС, пожарная охрана и др.); 21,5% – неисполнение законов, действие которых связано с малым бизнесом; 7,9% – разработка и составление договоров; 5,8% – составление исковых заявлений, жалоб; 2,9% – урегулирование взаимоотношений между партнерами через арбитражные суды.

Значимость экономических проблем для всех предприятий малого бизнеса с разным сроком существования на рынке в целом совпадает. Уровень значимости экономических проблем измеряется показателем рейтинга, который мы составили на основе полученных ответов от руководителей малых предприятий в результате проводимого нами исследования. Допустимо провести параллель между рейтингом проблем правового и экономического характера, так как в обоих случаях на первом месте стоят проблемы в области налогообложения – 33,5%. Так же в рейтинге высокий уровень занимает проблема, связанная с арендой помещений – 31,3%. Субъекты малого предпринимательства очень часто сталкиваются с проблемой аренды нежилых помещений, которые в основном, являются частной и муниципальной собственностью. Далее в рейтинге по значимости экономических проблем отмечен уровень инфляции – 17,6%. После него в рейтинге следует сложность в получении кредита – 12,7%, что объясняется недостаточным уровнем развития институтов микрофинансирования малого бизнеса. Условия, выставаемые коммерческими банками, нередко оказываются непосильными для предпринимателей. Так, к примеру, предприниматель сегодня не имеет возможности взять кредит в банке под строящееся нежилое помещение, где он в порядке долевого участия вступил бы в строительство. А найти такую сумму без привлечения кредитных ресурсов начинающему предпринимателю сложно. В свою очередь, программы микрофинансирования могут

осуществляться через государственные и муниципальные фонды поддержки малого предпринимательства, которые в соответствии с действующими уставами этих организаций представляют субъектам малого предпринимательства кредиты без получения банковской лицензии. Самым низким уровнем в рейтинге экономических проблем предприниматели отметили неудовлетворительный спрос на производимые ими товары и услуги (4,9%). На спрос влияет много факторов, но руководители малых предприятий в большей степени выделяют такие, как недостаточный уровень информированности населения о предоставляемых ими услугах или производимых товарах, также остаются острой проблемой дорогостоящие услуги в области проведения рекламных кампаний.

В ходе проводимого исследования на основе ответов руководителей малых предприятий был составлен рейтинг факторов, влияющих в большей степени на доходность предприятий. Предприниматели г. Сургута отметили, что первоочередной проблемой в рейтинге факторов, влияющих на доходность предприятий, является проведение эффективной рекламной кампании – 33,5%, такого мнения придерживаются субъекты малого бизнеса занятые в сфере торговли и услуг. Высокий уровень в рейтинге по факторам, влияющим на доходность предприятия, занимают консалтинговые фирмы, ориентированные на малый бизнес (30,3%). На втором месте общественная организация по поддержке малого бизнеса (27,4%). Завершает рейтинг такой фактор, как квалифицированные специалисты (8,8%). Следует заметить, что сегодня малый бизнес как никогда заинтересован в квалифицированных кадрах. Несмотря на наличие в городе нескольких вузов, проблема подбора специалистов в торговлю, сферу оказания услуг и производства стоит очень остро. По прогнозам уже через 10 лет, главной проблемой бизнеса станет нехватка специалистов. Известно, что при выборе любого управленческого решения приходится сталкиваться с множеством его вариантов. При этом очень сложно быстро реагировать и выбирать единственно правильный в конкретном случае вариант [1, с. 49].

Искусство рационального бизнес-управления дается далеко не каждому. Владение профессиональным мастерством руководства с помощью эффективных методов управления, сочетающееся с чутким и бережным отношением к людям наряду с использованием новейших менеджерских приемов является основной предпосылкой успеха в любом бизнесе. Умение добиваться поставленных целей, используя труд, интеллект, мотивы поведения подчиненных, необходимость современного принятия оптимальных в каждом конкретном случае решений пронизывает все, что делает управляющий. А поскольку не все руководители имеют необходимую квалификацию и, учитывая, что круг необходимых им познаний растет в геометрической прогрессии, обращение к специалистам-консультантам давно стало нормой предпринимательской деятельности. По результатам исследования можно сделать вывод, что на сегодняшний день не все руководители малых предприятий обращаются за помощью к сторонним экспертам (консультантам), они составляют 14,7% из числа опрошенных. Следовательно, за последние два года к помощи консультантов прибегли 85,3%, причем среди них все имеют высшее образование.

Действующему предпринимателю в условиях быстро меняющейся внешней экономической среды сложно обойтись без консультирования. Как показало исследование, предприниматели г. Сургута преимущественно обращаются к субъектам неформального канала консультационных услуг: другим предпринимателям – 20,0%, друзьям, родственникам, не занимающимся бизнесом – 20,0%. Это можно объяснить доступностью, оперативностью и степенью доверия к объекту консультации. Далее в рейтинге консультантов, востребованных руководителями малых предприятий за последние два года, находятся:

юрист – 16,5%, консультант в области налогообложения – 12,4%, бухгалтер-консультант – 12,4%, а также экономист-консультант по повышению доходности – 11,7%, что объясняется сложностью и изменчивостью правовой базы малого бизнеса. Следует отметить, что также руководители малых фирм за прошедший период обращались к консультантам по управлению персоналом – 2,8%, к маркетологу-специалисту по изучению рынка, специалисту в области рекламы – 2,1% и к психологу-специалисту по использованию психологических приемов в бизнесе – 2,1%.

Также по результатам проводимого опроса был составлен рейтинг специалистов, к которым собираются обратиться субъекты малого бизнеса в ближайшие полгода: другие предприниматели – 20,0%; друзья, родственники, не являющиеся предпринимателями – 20,0%; юрист – 15,4%; консультант в области налогообложения – 11,8%; бухгалтер-консультант – 11,8%; специалист по рекламе – 5,8%; экономист-консультант по повышению доходности – 5,8%; консультант по управлению персоналом – 3,6%; маркетолог-специалист по изучению рынка – 2,9%; психолог-специалист по использованию психологических приемов в бизнесе – 2,9%. Далее в ходе изучения потребностей малых предприятий в области консалтинговых услуг была выявлена следующая проблема: руководители сургутских фирм услугами внешних консультантов пользуются не первый год и планируют обращаться в будущем, но полностью потребность в профессиональных консультациях остается невосполненной. Причиной тому являются сомнения со стороны предпринимателей в профессионализме и компетентности консультантов. При анализе анкет респондентов был составлен рейтинг специалистов, к чьим советам руководители малых фирм хотели бы прибегнуть, но сомневаются в их компетентности и профессионализме. Из рейтинга видно, что предприниматели г. Сургута хотели бы обратиться в первую очередь к следующим специалистам: маркетолог-специалист по изучению рынка – 17,1% и психолог-специалист по использованию психологических приемов в бизнесе – 17,1%. Далее в рейтинге названных специалистов стоят консультант по управлению персоналом – 16,6%, специалист по рекламе – 14,2%, экономист-консультант по повышению доходности – 14,2%, консультант в области налогообложения – 8,3%, бухгалтер-консультант – 8,3%, юрист – 4,2%.

Следует отметить, что потребность в этих специалистах не удовлетворена не только по причине отсутствия компетентности и профессионализма перечисленных консультантов, но и по причине нехватки этих специалистов на рынке консалтинга в г. Сургуте. Например, такие специалисты, как маркетолог-специалист по изучению рынка и психолог-специалист по использованию психологических приемов в бизнесе, работают в штате на крупных предприятиях, в свою очередь, малые предприятия себе этого позволить не могут.

Рынок рекламных услуг в г. Сургуте достаточно развит, но по результатам нашего исследования видно, что не удовлетворенными качеством предоставляемых услуг этих агентств остаются более 14% опрошенных. Причиной является то, что бюджет в малых фирмах на проведение рекламных мероприятий весьма ограничен и, обращаясь в рекламные агентства, предприниматель часто не получает эффективную рекламу, то есть денежные средства потрачены впустую. Возвращаясь к вопросу исследования об индивидуальной оценке предпринимателя доходности собственного бизнеса, отметим, что всего 11,7 опрошенных находят доход фирмы оптимальным. Поэтому понятно, что, отвечая на вопрос о сумме ежемесячной оплаты консалтинговых услуг, более 79% руководителей малых предприятий готовы отдавать за них всего 5-10% от своего дохода. 10-15% ежемесячно

го дохода за работу консультанта способны платить 14,7% предпринимателей, а сумму в размере 15-20% – всего 5,9% респондентов, принявших участие в исследовании.

Образование является неотъемлемой частью жизни современного общества, значительную роль оно играет и в предпринимательстве. Несмотря на высокий уровень образования руководителей малых предприятий г. Сургута, они испытывают недостаток знаний в следующих областях науки: юриспруденция – 28,5% в рейтинге; экономика (бухгалтерский учет) – 22,5%; психология – 21,6%; маркетинг – 14,7%; менеджмент (управление персоналом) – 12,7%. Уровень доходности малого бизнеса обусловлен деловыми и личностными качествами предпринимателя, его знаниями и умениями в области предпринимательской деятельности. Именно этот внутренний фактор, связанный с личностью предпринимателя, наиболее серьезно влияет на жизнеспособность фирмы, на формирование, в том числе и благоприятных, условий внутри фирмы, активизацию внутренних ресурсов предприятия для повышения его доходности. В этом отношении предприниматель должен владеть специальными знаниями, умениями и навыками, необходимыми для эффективной предпринимательской деятельности.

По результатам проведенного исследования, в г. Сургуте отмечен высокий уровень (70,7%) людей с высшим образованием или неоконченным высшим, занимающихся собственным бизнесом. Более того, 2,9% опрошенных в анкетировании имеют ученую степень. Предпринимательской деятельностью со среднеспециальным образованием (окончили техникум) занимаются 20,5%, а 5,9% субъектов малого бизнеса имеет среднее образование.

Таблица 1.

Рейтинг уровня востребованности внешних консультантов

	Внешние консультанты, к которым предприниматели обращались чаще всего за последние два (%)	Специалисты, к которым собираются обратиться субъекты малого бизнеса в ближайшие полгода (%)	Специалисты, к чьим советам руководители малых фирм хотели бы прибегнуть, но сомневаются в их компетентности и профессионализме (%)
Другие предприниматели	20,0	20,0	-
Друзья и родственники, не занимающиеся бизнесом	20,0	20,0	-
Юрист	16,5	15,4	4,2
Консультант в области налогообложения	12,4	11,8	8,3
Бухгалтер-консультант	12,4	11,8	8,3

	Внешние консультанты, к которым предприниматели обращались чаще всего за последние два (%)	Специалисты, к которым собираются обратиться субъекты малого бизнеса в ближайшие полгода (%)	Специалисты, к чьим советам руководители малых фирм хотели бы прибегнуть, но сомневаются в их компетентности и профессионализме (%)
Экономист-консультант по повышению доходности	11,7	5,8	14,2
Консультант по управлению персоналом	2,8	3,6	16,6
Маркетолог-специалист по изучению рынка	2,1	2,9	17,1
Специалист в области рекламы	-	5,8	14,2
Психолог-специалист по использованию психологических приемов в бизнесе	2,1	2,9	17,1

Подводя итоги исследования, хотелось бы выделить в большей мере проблемы консультационного характера, с которыми приходится сталкиваться руководителям малых фирм. Рейтинг уровня востребованности внешних консультантов позволяет сделать выводы, что более 40% предпринимателей обращаются к субъектам неформального канала консультационных услуг (другим предпринимателям, друзьям, родственникам, не занимающимся бизнесом). Это объясняется доступностью, оперативностью и степенью доверия к объекту консультации. Среди специалистов наиболее востребованными являются юрист, консультант в области налогообложения, бухгалтер-консультант, а также экономист-консультант по повышению доходности, что объясняется сложностью и изменчивостью правовой базы малого бизнеса. У руководителей малого бизнеса существует также потребность в маркетологе, специалисте по изучению рынка, специалисте в области рекламы (17,1%), консультанте по персоналу (16,6%) и психологе-специалисте по использованию психологических приемов в бизнесе (17,1%). Пока эта потребность остается не удовлетворенной в полном объеме, так как предприниматели сомневаются в компетентности и профессионализме этих специалистов. Сегодня в городе практически не существует консалтинговых фирм, ориентированных на оказание услуг малому бизнесу. Эти услуги оказывает сургутская торгово-промышленная палата, рекламные и полиграфические агентства, аудиторские и юридические конторы, местные теле- и радиокomпании.

Существует необходимость интегрировать все эти услуги в единое целое – в ассоциацию. Если первой задачей ассоциации является объединение услуг, то второй – снижение стоимости консалтинга для малых предприятий. Например, в Москве первое специализированное консалтинговое агентство для малого бизнеса было создано более десяти лет назад, по образцу тех, что существуют в Европе. Его задачей было обеспечить доступ субъектов малого бизнеса к недорогим и качественным услугам по бухгалтерскому учету и аудиту. Сейчас в Москве и других крупных городах России существует «горячая линия» для руководителей и бухгалтеров малых предприятий. Образовались ассоциации консалтинговых фирм, работающих с малым бизнесом. Проблему низкой информированности предпринимателей о возможностях, которые дает система поддержки малого бизнеса, в том числе и консультационной поддержки, ассоциации решают через публикации в специализированных газетах, а также через выступления директоров консультационных фирм на местных телеканалах. На сегодня консалтинговые фирмы в крупных городах предлагают широкий выбор консультационных услуг малому бизнесу, в том числе и те, на которые есть спрос у сургутских предпринимателей. Поэтому сегодня на региональном уровне существует проблема становления рынка консалтинговых услуг малых предприятий. Темпы развития малого бизнеса влияют на темпы развития экономики региона и определяют качество валового национального продукта.

Примечания

1. Малый бизнес Югры-2007: Информационно-аналитический ежегодник. – Ханты-Мансийск: ПЦ «ЛайнАрт», 2007. – 92 с.
2. Бизнес в регионах России – поддержка предпринимательства [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.allbusiness.ru>.

А.А. Долгушева

О РОЛИ ИНФОРМАЦИИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СУБЪЕКТОВ

Человечество осуществило переход к новому цивилизационному этапу – информационному обществу. Информационное общество (постиндустриальное общество), по классификации Тоффлера, новый тип общества, следующий за индустриальным, в котором основная масса экономически активного населения занята производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно в высшей форме знаний [1]. В этих условиях требуются новые подходы к управлению предприятиями, основанные на эффективном использовании информационного ресурса.

Понятие информации является одним из фундаментальных в теории и практике управления. Понятие «информация» (от лат. *informatio* – ознакомление, разъяснение) вполне справедливо относится большинством ученых к числу таких общепhilософских категорий, как «пространство», «время», «движение» и пр. Данное обстоятельство обуславливает многообразие толкований информации в зависимости от метода конкретной науки, цели исследования, авторской позиции.

В настоящее время «информация» (в предельно широкой трактовке) – общенаучное понятие, означающее сведения, передаваемые людьми друг другу устным, письменным или иным способом. Процесс передачи осуществляется не только в комплексах «человек-машина», «машина-машина», но и в живой природе (передача признаков от клетке к клетке, от организма к организму) [2].

Уточнение научного смысла термина «информация» происходило в разных направлениях с начала 1920-х гг. Поначалу его пытались включить в качестве составной части в структуры других общих понятий. Так, Р. Фишер в 1921 г. предложил раскрывать его смысл через понятие «вероятность». Л. Сциллард пытался связать друг с другом понятия «информации», «энтропии» и «разнообразия» (1929 г.). У.Р. Эшби предложил трактовать «информацию» как *снятую неразличимость*. По мнению автора концепции, информация может существовать только в среде разнообразия и неоднородности: чем больше в определенном объекте отличающих его признаков, тем больше в нем информации. Но в 1963 г. Р.Г. Ингарден и К. Урбано была доказана несостоятельность этих и других аналогичный попыток.

Развитие технических средств массовой коммуникации (телефон, радио, телевидение и др.) обусловило рост объемов передаваемых сообщений, что привело к появлению количественного подхода в трактовке «информации». Первый шаг к конструктивному уточнению рассматриваемого термина был сделан в Р. Хартли, который предложил логарифмическую меру количества информации. Прогресс в области вычислительной техники, телекоммуникаций, кибернетики, вычислительной механики и др. способствовал появлению математической теории информации (К. Шеннон и У. Уивер), в основу которой были положены вероятностные представления о природе информации, была разработана абстрактная схема системы связи, состоящая из шести элементов: источника информации, передатчика, линии связи, приемника, адресата и источника помех. В рамках данного подхода информация рассматривается, как *снятая неопределенность*. Неопределен-

ность, по К. Шеннону, существует тогда, когда получатель имеет несколько равновероятных вариантов выбора.

Как попытки преодолеть ограниченность шенноновской математической теории появлялись все новые толкования информации. Согласно семантическому подходу, который нашел отражение в работах Р. Карнапа, И. Бар-Хиллела и других исследователей, информация обладает свойством «неидентифицированности»: являясь информацией в одной системе, она может не быть таковой в другой. К первоначальному значению прибавились также следующие: 1) процесс содержательного отражения разнообразия объектов живой и неживой природы и передачи соответствующих сведений приемнику (Р.И. Полоников, В.Н. Татаренко); 2) сведения, циркулирующие в процессах управления и воспринимаемые в единстве своих синтаксических, семантических и прагматических характеристик (А.А. Харкевич); 3) то, что изменяет нас (Г. Бэйтсон), 4) суть предоставления факта для получателя (У. Хорнунг).

Таким образом, в результате развития представлений о таком явлении, как «информация», произошло проникновение этой категории в соответствующие научные направления, благодаря чему «информация» приобрела статус общенаучного понятия, а спектр его значений расширился.

В наши дни широко распространены следующие толкования термина «информация»:

- информация – это совокупность сведений, необходимых для активного воздействия на управляемую систему с целью ее оптимизации [3];
- информация – это набор узкоспециализированных данных, продуцируемых в огромных количествах во всех сферах деятельности общества [4];
- информация – это необходимый резерв и ресурс социально-экономического развития общества, подобный другим ресурсам, таким, как трудовой, энергетический, материальный [5];
- информация – это ценнейший интеллектуальный ресурс в системе жизнеобеспечения общества, важная часть его интеллектуальной собственности, доля которой все более растет в современном мире [6].

Часто термин «информация» отождествляют с понятием «данные». Для профессионалов, работающих в области информационного менеджмента, неправильное употребление этих понятий, может привести к серьезным последствиям. *Данные* становятся *информацией*, когда выполняются условия 1. *правильности отражения действительности* (в противном случае мы имеем дело с «дезинформацией»); 2. *удовлетворения информационных потребностей адресата (адресатов)*; 3. *своевременности получения в момент наступления информационных потребностей*; 4. *доступности формы для адресата, иметь необходимый уровень детализации*. Таким образом, информация – это преобразованные в определенном контексте данные, представляющиеся содержательными и полезными для конкретного пользователя (пользователей), соответствующие действительности и материализованные в форме, удобной для использования, передачи, хранения и/или обработки (преобразования) человеком и автоматизированными средствами.

Понятие «информация» предполагает наличие материального носителя, источника, получателя, а также канала связи между источником и получателем информации. Характерная отличительная особенность информации – дуализм: на свойства информации влияют как свойства исходных данных, составляющих ее содержательную часть, так и свойства методов, фиксирующих эту информацию. Человек воспринимает информацию

субъективно, через некоторый набор ее качественных свойств: объективность, достоверность, полнота, точность, актуальность, полезность, ценность, понятность, доступность, краткость и пр.

В современных условиях информация приобретает еще одно очень важное свойство – становится экономической категорией, получает рыночную оценку. На основе информации функционирует труд и капитал. Возникает информационный рынок, где информация продается и покупается, а операции с информацией могут приносить как прибыль, так и убытки. Информация становится товаром, получает рыночную стоимость (цена, по которой информацию можно приобрести) и экономическую стоимость (определяется прибылью, которая будет упущена при отсутствии информации). Современные тенденции свидетельствуют о том, что с целью получения новой информации и создания инноваций для извлечения дополнительной прибыли расширяются инвестиции в информацию. Благодаря информации осуществляются целенаправленные изменения в экономическом и общественном потенциале компании – инновации, в результате использования которых компании получают инновационную сверхприбыль, которая, в свою очередь, исчезает по мере того, как инновации становятся всеобщим достоянием и теряют свою уникальность. Для ее сохранения одну инновацию заменяют другой, образуются инновационные потоки, которые приводят к изменению типичных способов поведения предприятий, фирм и экономических субъектов, влияют на характер конкуренции [7]. Таким образом, в управленческой деятельности информация выступает как один из важнейших ресурсов, наряду с энергетическими, материальными, трудовыми, финансовыми.

Сегодня не найдется, пожалуй, ни одного руководителя, который отрицал бы важность информационного фактора и ключевую роль информации в процессе осуществления предприятием своей повседневной деятельности. Предприятие есть информационно зависимая сущность. Известный американский исследователь Дж. Дибольд подчеркивает, что потребность в информации присутствует в каждом действии менеджера [8]. С ним соглашается П. Друкер, который утверждает, что работа в офисе делится на шесть основных частей: а) вход (сбор необработанных данных); б) коммуникация (перемещение информации от одного источника к другому); в) обработка (преобразование информации из одной формы в другую); г) хранение (сохранение обработанной информации); д) поиск (процесс доступа к сохраненным данным); е) выход (формирование информации в требуемом виде) [9].

Информация, которая обслуживает процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и обеспечивает решение задач организационно-экономического управления и его звеньями, носит название *управленческой* [10]. Следующая классификация отражает содержание находящейся в распоряжении предприятия (управленческой) информации, её происхождение и роль в процессах управления:

- **Организационная информация.** Сведения о структуре предприятия и процессах управления, а также сведения о лицах, занимающих связанные с принятием решений должности в органах управления. Организационная информация должна включать данные о структуре и персоналиях структурных единиц предприятия и управления в объёме, достаточном для идентификации лиц, ответственных за принятие управленческих решений.

- **Нормативная информация.** Сведения о нормативных правовых актах, определяющих взаимодействие представителей предприятия (и предприятия в целом) с государственными институтами, представителями целевых аудиторий и принятие решений в организации. Нормативная информация включает нормативные акты всех уровней, от

федерального законодательства до должностных инструкций. В нормативную базу также входят программные приложения, определяющие работу информационно-коммуникационных систем, поддерживающие ведение учёта предприятия, принятие решений и иные виды использования информационных технологий.

- **Учётная информация.** Находящиеся в распоряжении государственных органов данные о лицах и/или объектах различной природы, систематически собираемые для целей использования в процессе деятельности организации. Учётная информация не включает информацию, порождаемую в процессе принятия управленческих решений.

- **Административная информация.** Сведения об управленческих решениях, принятых органами власти и управления в сферах их ведения, включая сведения о событиях в учётных системах организации, связанных с подготовкой этих решений. Административная информация сходна с учётной информацией, но состоит не из данных о внешних лицах или объектах, а из информации о принятых органами управления предприятия решениях. Сбор и хранение административной информации должны подчиняться жёстким правилам и процедурам, аналогичным процедурам сбора и хранения учётной информации.

- **Производственная (экономическая) информация.** Сведения о процессах производства, материальных ресурсах, процессах управления производством, финансовых процессах и пр. Включает в себя такие виды, как биржевая и финансовая информация (информация о котировках ценных бумаг, инвестициях), статистическая информация (числовая экономическая, демографическая и социальная информация), коммерческая информация (адресно-реквизитные данные о предприятии, ассортименте выпускаемой продукции, ценах).

Таким образом, управленческая информация имеет сложную структуру. Можно выделить два ее класса: 1) информация как сознательно организованная, так и существующая априори, предназначенная для оперативного существования конкретного предприятия и 2) информация, представляющая собой результат деятельности предприятия, созданная в процессе его функционирования. Управленческая деятельность на различных уровнях требует использования различных видов информации: внутренней, функционирующей в рамках предприятия, и внешней (входной и выходной) [11]. Содержание каждой конкретной информации определяется потребностями управленческих звеньев и выработываемых управленческих решений.

Таблица 1

Типы информации, используемой на различных уровнях управления

Стратегический менеджмент	Внешняя информация для планирования будущего организации
Менеджмент подразделений	Внутренняя и внешняя информация, необходимая для руководства и контроля над деятельностью подчиненных единиц внутри организации
Операционный менеджмент	Внутренняя информация для планирования, осуществления контроля текущей деятельности
Совершение сделок и их регистрация	Сбор данных о множестве индивидуальных действий, совершающихся в повседневной деятельности организации

Как отмечает О.Н. Шуть, с точки зрения интересов экономики наиболее значимыми свойствами информации являются непотребляемость в процессе использования, само-

возрастание в процессе потребления, особая неопределенность ее полезности, отсутствие зависимости между исходным объемом знаний и объемом нового созданного знания, высокая мобильность как в пространстве, так и в плане перетекания из одних наук в другие без потери актуальности [12]. Информация содержит в себе резервы повышения производительности, оптимизации использования прочих ресурсов.

Являясь связующим звеном между разными видами интеллектуальной и материальной деятельности коллективов людей, между управлением и производством, информация, в отличие от других видов ресурсов, в частности, природных, не убывает со временем, а наоборот, ее объем постоянно увеличивается, создавая условия для накопления опыта, способствуя выработке обоснованных управленческих решений.

Структура пользователей корпоративной информации следующая: внутренние пользователи (руководители структурных подразделений и функциональных служб, собственники) и внешние (контрагенты по сделкам, поставщики и покупатели, кредиторы, акционеры, налоговые органы и др.). У каждого из них свои интересы при работе с информацией.

Информация может выступать не только объектом потребления различных групп, но и инструментом воздействия на эти группы. Как справедливо заметил С.Э. Зуев, важной задачей в управлении информационным потенциалом любого хозяйственного субъекта является контроль за распределением потока информации с тем, чтобы определенная информация достигла намеченной целевой группы и возымела заранее запланированный эффект [13]. При этом объектом деятельности становится сама целевая группа, а информация — инструментом воздействия. Здесь важным является распределение объемов внимания к каждой группе и оценка эффективности применяемых методов воздействия.

Совокупность компонентов (управленческая информация, процедуры, потребители информации, технологии и ресурсы), объединенных регулируемыими взаимоотношениями для формирования организации как единого целого и обеспечения ее целенаправленной деятельности, представляет собой информационное пространство (информационную сферу) предприятия, неразрывно связанное с его деятельностью, «пронизывающее» его вдоль и поперек. Структура информационного пространства предприятия, помимо указанных элементов, включает также информационные ресурсы и потоки (массивы, данные, файлы), которые образуют рабочий контур информационных технологий. Информационные технологии состоят из элементарных процессов и в комплексе формируют информационную систему предприятия (совокупность компьютерных и технологических систем). Одним из самых мощных факторов, стимулирующих создание все более мощных и эффективных информационных систем, является конкуренция в основной деятельности компаний, поскольку именно оперативная и полная информация дает преимущество перед конкурентами.

Новые информационные технологии создали новые источники информации, новые методы доставки и обмена информации, новые способы манипуляции информацией. Информационные системы изменили характер сделок и других операций в бизнесе, предоставили возможность связи через электронную торговлю, способствуют сотрудничеству, созданию альянсов.

Информационная сфера внешне, в своем структурном представлении, ничем не отличается от совокупной деятельностной сферы предприятия. Различие заключается в способе ее рассмотрения и в нашей способности воспринимать ее как «параллельную реальность», неразрывно связанную с реальностью «объективной», имеющую информационную природу и существующую в рамках информационных законов [14].

Джонас Ридестрейл и Кель Нордстром из Института международного бизнеса Стокгольмской школы экономики отмечают: «Организацию, имеющую плохую информационную структуру, можно сравнить с 65-летним стариком, принимающим участие в Олимпийских играх и пришедшего на эти соревнования на высоких каблуках и в пижаме» [15].

Информационная сфера предприятия становится одним из важнейших объектов управления, а ее регулирование – приоритетной задачей предприятий. Основным инструментом управления информационной сферой на предприятии, определяющий смысл и содержание такого управления – информационная политика.

Примечания

1. Toffler A. The third wave. – N.-Y.: Morrow, 1980.
2. Социологическая энциклопедия. – М.: Мысль, 2003. – Т.1. – С.390.
3. Воробьев Ю. Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом. – М., 2004. – С.19.
4. Головкин Б.Н. Информационный менеджмент массовой коммуникации: Учебное пособие. – М., 2005. – С.15.
5. Шагинян Г.А. Антитеррористическая информационная политика Российского государства: автореферат дисс. ...канд. полит. наук. – Краснодар, 2006. – С.21.
6. Халипова Е.В. Право и информатика: коэволюция и интеграция. – М., 1998. – С.7.
7. Информатизация менеджмента: Учебник / Под ред. М.С. Клыкова и Э.С. Спиридонова. – М.: ЛКИ, 2008. – С.11-52.
8. Diebold J. Managing Information: The Challenge and The Opportunity. – N.-Y.: AMACOM, 1985.
9. Drucker P. The Effective Executive. – L.: Heinemann, 1967.
10. Ивасенко А.Г. Информационные технологии в экономике и управлении: Учеб. пособие. – М.: КНОРУС, 2007. – С.11.
11. Иванова Е.И. Информационные проблемы управления региональной экономикой // Региональная экономика: теория и практика. 2007. – №5. – С.3.
12. Шуть О.Н. Информация как экономический ресурс.[Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn02/08.shtml>.
13. Зуев С.Э. Измерения информационного пространства (политики, технологии, возможности) // Музей будущего: Информационный менеджмент / Сост. А.В. Лебедев. – М.: «ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ», 2001.
14. Татаренко В.Н. Информационная политика предприятия в системе конкурентных маркетинговых взаимодействий: Дисс. ...докт. экон. наук: 08.00.05. – СПб.: РГБ, 2006. – С. 51.
15. Дафт Р. Менеджмент. 6-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2004. – С.771.

*URBI ET ORBI**Е.В. Комлева***«ЯДЕРНАЯ ОПЕК»: ДУХОВНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБРАМЛЕНИЕ ИДЕИ**

*Человек есть мера всех вещей.
Протагор*

Осмысление феномена ядерной энергии и управление ядерной сферой – непростые задачи. Открытия в ядерной физике, первое применение их практических результатов произошли в кратчайшие сроки. Эти исторические мгновения обозначили переход человечества в новую эру, необходимость нового миропонимания, новых схем принятия решений и их реализации. Какими должны быть новации в сочетании с долгосрочностью ядерной реальности и ее глобальным значением для цивилизации? Ранее были рассмотрены примеры религиозной и светской составляющих формирования смыслов применительно к ядерному существу. Возникла мысль о необходимости интегрального взгляда.

Основа интеграции – «человеческое измерение» ядерной энергии. Под этим понимается социогуманитарное осмысление явления на основе постулата о связи человечества и ядерной энергии, на базе знаний о человеке и обществе, с позиций культуры, истории и религии, в ракурсе гуманности. Возможно использование различных форм – рациональных и иррациональных – восприятия действительности в рамках современного информационно-коммуникационного пространства, с учетом национальных и интернациональных традиций. Эти действия будут неэффективными, если не удастся сопоставлять негатив и позитив ядерной сферы с разнообразными взглядами гуманитариев на человека и общество, в частности, компетентных и уважаемых философских школ и религиозных конфессий; если степень вовлечённости гуманитарного сообщества в процесс принятия решений будет низка; если мы будем игнорировать при смыслении культурные традиции в их полноте; если не будут задействованы механизмы включения ценностных ориентаций в научно-техническое знание. «Человеческое измерение» предусматривает активность и по отношению к нам. Неоднократно высказывалась мысль о том, что человечество в нынешнем виде вряд ли имеет право владеть ядерной энергией. Оно должно в контексте наличия ядерного феномена переосмысливать себя, а затем и самоусовершенствоваться. Именно в связи с ядерной эрой люди поймут, что индивидуальный и социальный эгоизм, который во многом определял развитие человечества, с определенного этапа является силой, влекущей в пропасть. Гуманизация и гуманитаризация, Human Dimension социоядерной сферы создадут интеллектуально-прагматические предпосылки гармонизации отношений между людьми, государствами, обществом и природой. Такой подход позволит обеспечить условия для постепенного смещения центра тяжести спектра возможных мнений и решений применительно к ядерной энергии в более благоприятную для человечества область.

Гуманизация, гуманитаризация или Human Dimension социоядерной сферы. Эти концепты продуктивно сопрягаются с одним из базовых и непротиворечивых для естест-

веннонаучного, философского и религиозного мировоззрений фактом и идеологемой – *антропным принципом*. Этот широко известный принцип отражает удивительную «подобранность», гармоничность фундаментальных констант мироздания, в том числе ядерных, для принципиальной возможности возникновения жизни. Даже небольшие их отклонения от существующих численных значений привели бы к возникновению иной вселенной, не пригодной для живых существ в привычной нам биологической форме. По формулировке американского физика Дж. Уилера, «не только человек приспособлен к вселенной, но и вселенная приспособлена к человеку». Кроме того, антропный принцип (слабый и сильный) может сделать видимым то, что поставлено «на карту»: ценности и ответственность человека.

В сфере природно-материальной ядерные константы, биология человека и предпосылки социальности согласованы. Но если это так, то почему бы не принять эту мощную смыслообразующую посылку нам «на вооружение»? Почему не устремить мысль дальше: от бытия биологического более активно к бытию социальному? В контексте симбиоза социальной выгоды и социальной ответственности. Почему бы не сопрягать «обоюдоостро» общечеловеческие ценности – базовые константы общества и аксиологию ядерной энергии по как бы антропному принципу в социоядерном контексте, по своеобразному социоядерному антропному принципу? Как должны сочетаться ядерная энергия, ее «окрестности» и человечество? Было бы хорошо, если бы, по аналогии с классическим *антропным принципом*, социальная компонента феномена ядерной энергии была бы соразмерной человеку и лишь благоприятствовала бы жизни. Для этого она должна формироваться в «поле» лучшего духовно-гуманитарного наследия человечества, быть адекватной ему и позитивно участвовать в генерировании новых пластов культуры. А «ядерный человек» должен быть гуманным и позитивно «культурогенным». Социоядерный антропный принцип, в отличие от прототипа, нам не дан извне как неизбежность. Нужны усилия, чтобы он претворился в жизнь.

Социоядерный антропный принцип прагматически ориентирован и интегрирует для со-рефлексии и облагораживания ядерного феномена разум, веру и творчество человека, чтобы человек и ядерный феномен в его социальной части были взаимно адекватны; чтобы наиболее полно реализовалась функция ядерной энергии по расширенному сдерживанию негативных тенденций в политике (идеи о применении оружия массового поражения) и экономике (дефицит энергии); чтобы в ядерном мире можно было жить – долго, безопасно и комфортно. Ждать быстрой практической отдачи от «внедрения» такого социокультурного базиса не следует. Но, судя по нынешним, комплексно неустойчивым, условиям «жития человечества», нужно торопиться с началом процесса, как на уровне общечеловеческой ментальности, так и на уровне духовно-гуманитарного сопроживания конкретных ядерных проектов.

Следует отметить важное обстоятельство. Изложенные здесь соображения относительно социоядерного антропного принципа – продукт самостоятельных размышлений. Однако после их появления мне удалось познакомиться с идеей Г. Гивишвили о «сверхсильном» антропном принципе. У этого автора обозначена мысль не только о присутствии в этой идеологеме социокультурного фактора (что с разными смыслами следует уже из естественнонаучной концепции слабого и религиозной концепции сильного антропного принципа), но и мысль о важности этого фактора из-за антропогенной/антропной активности для всей вселенной. Эти более общего, чем непосредственно феномен ядерной энергии, уровня рефлексии материалы подтверждают главное в контексте

моей работы. Поиск новых граней методологии классического *антропного* принципа, особенно в контексте социальных аспектов, в частности, вопроса о месте человека в мире, привлекателен и, будем надеяться, плодотворен.

Своеобразной и весьма эффективной формой гуманизации социально-ядерной сферы явилось создание Международного научно-технического центра (ISTC) для территории бывшего СССР. Благодаря этому, работники ядерного военно-промышленного комплекса были обеспечены средствами для достойного существования за счет международных проектов и во благо общечеловеческих интересов. Одновременно устранены опасные процессы поиска работы бывшими сотрудниками советского ядерного ВПК в развивающихся странах. Была обеспечена управляемость и безопасность ядерной отрасли на огромной евразийской территории и предотвращена несанкционированная передача ядерных секретов странам и организациям, которые хотели бы вне контроля МАГАТЭ развивать ядерные технологии военной ориентации. В 2009 г. МНТЦ исполняется 15 лет. В его активе – сотрудничество с Газпромом. На повестке дня – трансформация организации, расширение ее спектра общечеловеческих задач, верстка новых планов, коммерциализация научных результатов и сопряжение «военных» проектов с «гражданскими».

Наилучшим местом и средством развития и реализации идеи гуманизации и гуманитаризации ядерной сферы, имея в виду, прежде всего, науку и политику для генерирования и продвижения знаний, может стать Организация Объединенных Наций. В частности, Университет Объединенных Наций (UNU). Партнером Университета в системе ООН является МАГАТЭ. Состоявшийся в 2005 г. под эгидой UNU форум «Наука и технология в обществе», как историческое объединение наций, констатировал, что для устойчивого будущего необходимо развитие технологий ядерного синтеза.

В планах – крупные и «на века», так называемые геологические, международные ядерные хранилища. Изоляция ядерных материалов – приоритет их нераспространения. Именно в хранилищах сосредоточено сырье для классического и радиологического ядерного оружия. Стоимость прототипа – подземного хранилища Yucca Mountain – 60 миллиардов долларов. Создание в России на западные инвестиции таких «гигантов» обсуждалось в Москве на конференциях МАГАТЭ «Обращение с облученным ядерным топливом: новые инициативы России – 2002» и «Многосторонние технические и организационные подходы к ядерному топливному циклу для укрепления режима нераспространения – 2005», а также в ходе визитов в Россию генерального директора МАГАТЭ (2005 г.) и президента США (2006 г.). Создание подобных сооружений в масштабах всего мира обсуждалось на симпозиуме Waste Management – 2007 в г. Tucson (США), в Европе – на апрельской (2008 г.) Европейской ядерной ассамблее. Известны и другие европейские инициативы совместной подземной изоляции ядерных материалов, без обозначенного пока места (например, ARIUS). Отмечают устремленность ядерных фирм Швеции (SKB) и Финляндии (Posiva) к кооперации и унификации при создании хранилищ отработавшего ядерного топлива, пока национальных.

Естественнонаучные, технические и гуманитарные исследования приводят к гипотезе SAMPO: Scandinavian (Slavic) Atomic (Anthropic) Mission – the Proliferation's Oikumene, а именно к гипотезе международного подземного ядерного хранилища вблизи Норвегии, Финляндии и Швеции, в Печенгском районе Мурманской области, вблизи Трифонова Печенгского мужского монастыря, в ареале угасающего влияния «Норильского никеля», вне нефтегазовой инфраструктуры региона, в пределах планируемой международной Поморской экономической зоны. Потенциально – «под присмот-

ром» международного заповедника «Пасвик» с использованием морских коммуникаций и портов Калининград, Киркенес, или Кеми.

Концепция SAMPO адекватна международным инициативам и предложениям России о системе ядерных центров по всему топливному циклу, подготовке правовой базы по импорту ядерных материалов, а также политической готовности создавать в стране крупные международные хранилища. Добавим, что адекватна она и таким тенденциям, когда энергетика на углеводородах создала свои объединения в сфере топливного цикла – своеобразную «ОПЕС SYSTEM» применительно и к нефти, и к газу., а также тенденциям возвращения в Европе интереса к ядерной генерации энергии, усилившимся после блокады по газу ее большей части зимой 2009 г. В это же время и из-за этих же событий Д. Медведев выступил с инициативой пересмотреть систему европейских документов в сфере энергетической безопасности.

Название SAMPO, в духе социоядерного антропоного принципа гуманизации и гуманитаризации или Human Dimension оценки ядерных явлений, имеет несколько ракурсов интерпретации. Оно, во-первых, задает вектор философско-политической рефлексии. Через противоположный термин Proliferation и образ территориальной локализации Oikumene обозначен ключевой термин ядерной современности Nonproliferation в контексте полного спектра опасностей (классическое ядерное оружие и «грязная бомба») и широкой номенклатуры сырья для таких «изделий». Принцип концентрирования основы всех опасностей – ядерных материалов – находится в пределах надежной, контролируемой и охраняемой международными усилиями «резервации». Говорить о распространении ядерных материалов можно в том случае, когда количество ядерных хранилищ достаточно велико. Ситуацию, когда их можно сосчитать по пальцам, можно квалифицировать как «нераспространение».

Во-вторых, идея SAMPO учитывает региональные, общеевропейские и мировые экономические тенденции. В частности, это вариант комплексной (включая углеводороды) энергетической интеграции, «точка роста» для столь необходимых сегодня объединительных тенденций, вклад устойчивых в социальном и природном смыслах Скандинавии и Севера России в будущее «разогретой» климатическими, энерготехнологическими, демографическими и другими изменениями Центральной Европы, постепенно превращающейся в Еврабию. Европейская асимметричная «точка роста» возникла, когда США в одностороннем порядке отказались ратифицировать соглашение с Россией о долгосрочном сотрудничестве в ядерной сфере (2008 г.). Начавшийся в 2008 г. глобальный кризис и возможные в качестве его последствий структурные изменения в мировой экономике вряд ли сохранят доминантной ориентацию на углеводородную генерацию энергии. Тем самым, реализация перспектив освоения месторождений в тяжелых условиях арктического шельфа (и Штокмана) вновь может стать лишь мечтой.

В-третьих, концепция SAMPO несет, дополнительно к философско-политическому и экономическому смыслам, также позитивный потенциал религиозно-мифологических и духовно-гуманитарных ассоциаций и образов, тем самым сглаживая недостатки исключительно рационального подхода к теме. Этот потенциал всегда сопряжен с некоей тайной, загадкой, размышляя над которой человечество умнеет. Плодотворным раздумьям могут поспособствовать нарождающиеся философия Севера, где весьма значим символ, и идея северной цивилизации, эвристическое значение которых, как считают Ю. Попков и Е. Тюгашев, будет возрастать по мере обострения глобальных противоречий современности. Приведу несколько примеров таких ассоциаций в контексте нашей темы.

По полярным территориям Швеции, Финляндии, Норвегии и западной России рассеян маленький и изначально единый народ – саамы (лопари). Ему обязан своим названием минерал лопарит – лучшая кольская «копилка» редких земель, титана, ниобия, тантала и тория. Это базовые элементы настоящей и будущей энергетики по схеме деления ядер. Наилучший в регионе природный поглотитель нейтронов и изолятор ядерного топлива – минерал эвдиалит (местное название «лопарская кровь»). В ареале древней культуры саамов, уже как бы приобщенных к ядерным избранникам, и будет, возможно, создано международное ядерное хранилище. Их традиционное знание, отношение к жизни и природе неплохо было бы при этом позаимствовать.

Древний эпос соседей саамов, карело-финская «Калевала», издавна чтит нечто чудодейственное, жизнеутверждающее, дающее пищу и энергию – Сампо. Оно было задумано, выковано и укоренено в «стране мрака» – Лапландии. Оно создавалось при мобилизации всех земных и небесных сил, через опасные «инженерные ошибки». Сампо так и не было осмыслено людьми полностью, хотя и превращено ими в символ благополучия. Ведь по мысли создателей «Калевалы», неизвестно и неважно конкретное его исполнение. А «известно», что питали его земля, море и медный утес, что оно красиво. И концовка у мифа о Сампо поучительная: «не тяните одеяло на себя» – разобьёте благополучие и распространите, но лишь осколки. В случае «ядерных осколков» возможно проникновение в тела и души людей такого зла, по сравнению с которым беда от осколков андерсеновского зеркала («Снежная королева») – сущий пустяк. Сампо-Лопаренок З. Топелиуса уже только благодаря имени своему был обречен на счастье и удачу.

Название SAMPO – потенциальный бренд. «Корни» находятся в работах специалистов бывшего Минатома СССР, производственных геологических организаций Мурманской области, Геологического института Кольского научного центра РАН, Кольской сверхглубокой скважины и являются неожиданным уникальным следствием комплекса геологических и горных работ в связи с Печенгской структурой, а также исследований ее социального обрамления. Думаю, бренд SAMPO не будет лишним на последующие века и для финно-угорских народов в их уникальной миссии скреплять межрегиональные и межгосударственные связи. Образ нового SAMPO – это от поиска тех самых масштабных и комплексных инновационных проектов и технопарков, способных повышения инвестиционной привлекательности России и Мурманской области, о необходимости которых так много говорят. И которые будут нуждаться в долговременном научном сопровождении. Кроме того, образ придает обоснованию крупного ядерного объекта некоторую эстетическую составляющую. Символика SAMPO вводит в рассмотрение образ гражданского, современного объекта, который должен удовлетворять международным условиям и находиться под полным международным контролем. Она может демпфировать имеющуюся одностороннюю тенденцию доминирования военной и негативной тематики при духовно-гуманитарных оценках ядерного социума.

Идеи посредничества и размещения в существующих зонах отчуждения международных ядерных хранилищ не новы после СССР: Симушир, Семипалатинск, Чернобыльская АЭС. Возможны региональные версии SAMPO(ru,kz,ua): Scandinavian (or Simushir, Semipalatinsk, Slavutich) Atomic (Anthropic) Mission – the Proliferation's Oikumene. Япония в контексте Курил и Семипалатинска, Украина и Казахстан, поэтому, могут быть особыми партнерами Европы, но, вероятно, также и конкурентами северного альянса SAMPO.

SAMPO будет способствовать взаимопроникновению, интеграции ядерных отраслей разных стран, укреплению зарубежной ориентации «мирного атома» на постсовет-

ском пространстве, что весьма актуально в силу потери Россией из-за известных событий практически всех позиций в мировой ядерной энергетике. Российское научно-техническое участие видится во всех региональных «клонках» SAMPO. И кто знает, не станет ли отношение, например, в Европе, к ядерной энергетике более позитивными, если европейцами именно в рамках концепции SAMPO, вполне легально и цивилизованно, будет предусмотрено «на стороне» решать основную и наиболее опасную часть проблемы радиоактивных отходов? И для России, и для Казахстана, и для Украины это шанс достойно залатать свои застарелые радиационно-экологические прорехи. Идею SAMPO начинают серьезно обсуждать. Одна из моих статей отражена в официальном библиографическом списке материалов к рассмотрению законопроекта республики Беларусь «Об использовании атомной энергии».

Будем надеяться, что в условиях глобальной ядерной опасности не возникнут мстечковые образы «экологического эгоизма». Возможны варианты и избирательной разгрузки Европы от ядерного балласта при нынешней беспокойной ситуации в мире. Подход SAMPO соответствует инициативе Президента Российской Федерации (2006 г.) по Глобальной ядерной инфраструктуре и мнению об отложенном решении по «судьбе» отработавшего топлива и о гибком топливном цикле. Не исключено, что в России одновременно можно будет развивать два направления: с переработкой и без переработки топлива. Причем, если система SAMPO и будет альтернативна радиохимическим производствам Челябинска, Томска и Красноярска, то лишь ее казахстанским вариантом.

Аббревиатура SAMPO в немецкой транскрипции и традиции может быть представлена выражением: Sicherheit (Symbolismus), Atom, Menschheit – «Perpetuum Ordning», что уже в простом переводе, дословно связывает важные понятия: безопасность, (символизм), атом, человечество – «вечный порядок». Кроме того, это выражение вызывает ряд ассоциаций и имеет глубокий смысл: двойственный символ атомного человечества – «вечный порядок». Только при правильном ведении «атомных дел» ядерная энергия будет безопасной. С другой стороны, прирученная ядерная энергия позволит человечеству развиваться без кризисов или существенно сгладит влияние кризисов. И, может быть, мир вновь вернется к концепции устойчивого развития, изрядно скомпрометированной начавшимся в 2008 г. мировым системным кризисом. И минует нас будущий «стратегический шок».

Образ и аббревиатура SAMPO в контексте дальнейшего расширения и углубления социального наполнения классического *антропного принципа* имеют неплохие перспективы индустриального генерирования новых, позитивных и достаточно понятных ассоциаций на более высоких уровнях обобщений. Например, Special Anthropic Mission of the Power Oikumene (специальная антропная миссия энергетической ойкумены) или Special Anthropic Mission - the Principle of Ontos (специальная антропная миссия - принцип сущего). Это подтверждает их укорененность, устойчивость в пространстве символов, образов, смыслов.

Для сравнения с образом «ядерного SAMPO». События 2001 г. в США стали символом того, что даже самая сильная страна мира, даже на своей территории, даже по отношению к важным объектам страны и «жемчужинам» западной цивилизации, даже на коротком историческом интервале времени не может в одиночку предотвратить дерзкие атаки и жестокие разрушения. Причем обстоятельства этих событий полностью не выяснены. Кроме того, предлагавшаяся на Кольском полуострове площадка для регионально-го могильника радиоактивных отходов «Дальние Зеленцы» неудачно «входит в образ».

Дополнительно к прочим ее недостаткам: вблизи нее находится место гибели «Курска» (известна трактовка названия и трагедии этой АПЛ как «Курс к опасности») и площадка строительства завода для сжижения газа Штокмана.

Благодарю за поддержку исследований Research Council of Norway, Canon Foundation in Europe, Deutscher Akademischer Austauschdienst и профессоров В. Falkenburg, N. Witoszek, A.H. Zakri, D. Macer, M. Taeb, V. Ryabev, V. Masloboev, а также моего надежного информационного партнера – коллектив «Уральского геологического журнала» во главе с профессором О. Ивановым.

Н.П. Лебедев

ФОРМА ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МУЖСКИМ И ЖЕНСКИМ НАЧАЛОМ В ЛИЧНОСТИ: ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Понятие личности есть важнейшее понятие философской антропологии. Однако в то время как о личности написано уже достаточно много, до сих пор практически в стороне оставался вопрос о понятии мужской и женской личности, при том, что всякое исследование мужской и женской природы в рамках философской антропологии, должно, на наш взгляд, в конечном счете, сводиться к исследованию мужской и женской личности. Только тогда становится возможной целостная концепция человека, сопрягающая абстрактное понятие личности и конкретное понятие пола.

Необходимыми составляющими такой концепции является последовательное рассмотрение следующих вопросов:

- что есть личность как таковая;
- как соотносятся между собой личность и пол человека;
- каково содержание мужской и женской природы;
- что представляют собой отношения между мужским и женским началом в личности.

Предлагаемая статья посвящается последнему вопросу.

Предпринимая наше исследование, мы, прежде всего, исходим из следующих принципов:

- Мужчина и женщина онтологически равны друг другу, то есть и мужчина, и женщина в равной степени являются человеком и личностью.
- Мужская и женская природа различны, самобытны и уникальны.
- Мужская и женская природа, несмотря на свои отличия, взаимопредполагают друг друга.

Интегрируя все три утверждения, мы получаем *принцип единства мужской и женской природы в их различии*. Данный тезис является основополагающим всей нашей работы. Необходимыми условиями дальнейшего разворачивания и обоснования данного тезиса являются, во-первых, содержательная интуиция, которая бы двигала нашу мысль; а во-вторых, метод философствования, который бы придавал нашим рассуждениям конкретную форму.

Содержательная интуиция – это всегда область мифологическая [1]. В данном контексте мифологией может являться некое мировоззрение, некая религиозная мифология или авторские философские интуитивные прозрения. Далее, формулируя нашу концепцию, мы намерены использовать христианскую мифологию и софиологические интуиции русских религиозных философов. Методом философствования, с помощью которого наши представления о мужском и женском начале в личности обретут единую форму и структуру и преобразуются в конкретное знание, будет служить диалектика.

На наш взгляд, христианская мифология, в своём представлении о соотношении мужской и женской природы максимально близка, если не тождественна, заявленному выше исходному принципу единства мужской и женской природы в их различии. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и жен-

щину сотворил их» [2]. В данном предложении фиксируется принципиально важная установка. Здесь в отношении к мужчине и женщине применяется как единственное число, так и множественное. Единственное число указывает на то, что человеком являются мужчина и женщина вместе, в их единстве. Т.е. союз мужчины и женщины образует одну природу («и будут двое одна плоть») [3], однако это единство природы не уничтожает различия личности мужчины и личности женщины – об этом нам говорит множественное число «сотворил их».

Данное библейское повествование, как и вся христианская мифология в целом, помогает нам обозначить основу такой структуры соотношения мужчины и женщины, которая в одинаковой степени гармонична и логична. Основа данной структуры такова: *мужчина и женщина имеют одну природу, но две личности*. По сути, данная структура есть ни что иное, как конкретизация нашего исходного принципа. Кроме того, в ней обозначено, на каком основании мужчина и женщина едины и различны, а именно – на основании природы и личности.

Развивая данный тезис, мы приходим к следующей структуре. Мужское и женское начала – как начала, имеющие единство друг с другом, – должны в самих себе иметь притяжение к своей противоположности. Иначе говоря, мужское начало не может быть исключительно мужским, как и женское начало не может быть исключительно женским. Для того чтобы мужское начало притягивалось к женскому началу, чтобы между ними был возможен синтез, необходимо, чтобы мужское начало в самом себе содержало элементы женского начала, а женское начало в себе содержало элементы мужского начала. Это философский вывод, который дополняет содержание мифологии. Понимание невозможности бытия мужского или женского в абсолютной автономности по отношению к своему Другому имеется у современных церковных писателей. Так, например, о. Владимир Шмалый пишет: «Женственность не есть нечто новое по отношению к Адаму и вместе не разделение Адама как изначального Андрогина на мужчину и женщину. Если бы женственное было чуждо мужчине, то он не был бы в состоянии понимать и ценить женщину; и наоборот, если бы мужественность была бы совершенно чужда и несообщима женщине, то она попросту и не усматривала бы ее в мужчине. Общение мужчины и женщины возможно в меру общности и в силу привлекательности «другого» в его инаковости. Привлекательность инаковости и общение в ней возможно лишь в случае хоть какого-то момента тождества этой инаковости как в мужчине, так и в женщине» [4, с. 260]. Кратко это может быть выражено так. Одна личность содержит в себе мужское как свое и женское как не-свое, как иное. Такая личность есть мужчина. Другая личность содержит в себе женское как свое, а мужское как иное. Такая личность есть женщина. Когда эти две личности приходят к единству (целостное бытие человека как синтез мужчины и женщины), то происходит синтез следующих пар:

1. Синтез одной личности с другой личностью в чисто личностном плане.
2. Синтез определяющего мужского элемента с определяющим женским элементом.
3. Синтез определяющего мужского элемента с второстепенным мужским элементом.
4. Синтез второстепенного женского элемента с второстепенным мужским элементом.
5. Синтез второстепенного женского элемента с определяющим женским элементом.

И еще два рода синтеза мы уже имели до единства человеческой природы: это синтез мужского и женского (женского и мужского) в одной и той же личности.

Пол является необходимым условием существования целостного человека. Под целостной природой человека мы будем иметь в виду единство мужской и женской лич-

ности. Пол, с одной стороны, является условием возможности самого единства между мужчиной и женщиной, которые объединяются на основе различия пола. Но с другой стороны, именно пол не допускает, чтобы в этом единстве произошло размывание границ, чтобы две личности настолько слились друг с другом, что уничтожили бы себя в качестве отдельного и индивидуального существа. Ведь личность есть лишь тогда, когда она может противопоставить себя другой личности. Пол в этом единстве и обеспечивает такой «зазор» между двумя личностями, который позволяет узнавать друг в друге одновременно и себя, и другого, т.е. Я, и не-Я.

Если мы рассматриваем мужское и женское начала как две диалектические противоположности, тогда следует признать следующие моменты: во-первых, мужское начало есть именно мужское, а женское начало есть именно женское; во-вторых, мужское и женское начало имеют синтез, в котором они неразличимы, представляют собою нечто одно. Сопряжение этих двух тезисов обеспечивается установкой, согласно которой единство и целостность человеческой природы не уничтожает наличия двух личностей, превращая их в одну личность, но является природой двух личностей. Природное начало человека обеспечивает возможность полного тождества. Личностное начало человека обеспечивает возможность абсолютного индивидуализма, неслиянности с иным и несводимости к иному. И, поскольку человек есть одновременно и природа, и личность, он имеет возможность одновременно и отождествиться с иной человеческой природой (т.е. с другим полом), и оставаться самим собой.

С одной стороны, каждый отдельный элемент предполагаемого единства, т.е. мужчина или женщина, оказывается только подчиненной составляющей, частью общего бытия. Но с другой стороны, каждый элемент данного единства, а тем более личность, есть не просто частичный элемент, но центральная субстанция, которая не растворяется в целомом всеобщем бытии, но оказывается носителем этого целостного бытия.

Представленная выше структура формы отношения мужского и женского начал не полна, поскольку остался нерешенным вопрос, какова природа самого единства мужской и женской природы, имеет ли она свой пол, или она андрогинна.

Ответить на этот вопрос, продолжить и обогатить вышеобозначенную структуру поможет софиология. В истории философии можно найти несколько софиологических концепций. Каждая из них имеет свои особенности, и каждую из них можно рассматривать как самостоятельное и оригинальное учение того или иного мыслителя. «Говоря о софиологии, как таковой, надо указать на ее многоликость: так, софиология П. Флоренского – нечто совсем другое, чем софиология Соловьева, идет ли речь о питавшем эти два учения духовном опыте мыслителей, об их представлениях о Софии, о стиле их философствования или о софийной метафизике.

Совершенно иначе выстроена софиология Д. Андреева, иная она у Новалиса, совсем другой была София в созерцаниях Я. Беме и по-иному она открывалась в умозрениях древнерусских иконописцев» [5, с.121].

В историю философской мысли софиология, главным образом, проникает через сочинения Я. Беме. Далее активно софиологические учения развивали последователи Беме, такие, как Готтфрид Арнольд, Луи-Клод де Сен-Мартен и др. Особое место софиология получила в русской религиозной философии (Вл. Соловьев, о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский). Редко отмечается, что софиологом был и А.Ф. Лосев. Данное обстоятельство обуславливается тем, что в сохранившихся сочинениях А.Ф. Лосева о софиологии говорится весьма кратко, порой трудноуловимо. Несмотря на это, мы полага-

ем, что в работах А.Ф. Лосева заложен такой подход к Софии, который раскроет нам сам смысл софиологии в качестве христианского учения. Также следует отметить, что многие софиологические концепции складывались под влиянием Библии, Каббалы, собственных философских построений, собственного мистического опыта.

Если мы будем рассматривать софиологию как учение христианское, т.е. такое, которое претендует на то, чтобы непротиворечиво вписаться в догматическую систему Церкви; как нечто, соответствующее самой сущности христианского вероучения, – тогда за всем множеством софиологических идей, порой друг другу противоречащих, можно обнаружить общую интуицию. Вся запутанность и противоречивость софиологических концепций объясняется значительной трудностью однозначной фиксации, понятийного выражения софиологической интуиции.

Интуиция эта состоит в следующем: христианство строится на вере в Бога, который воплотился в человеческое тело, принял на себя тварное бытие, т.е., второе лицо Св. Троицы – Сын Божий – ипостасно соединился с человеческой природой. При этом возникает вопрос о соотношении вечности и времени. Факт воплощения Бога в человека есть конкретное событие, происшедшее во времени. Однако христианский Бог есть Абсолют, всеполнота, а потому Он не может быть подвергнут никаким временным изменениям. Если соединение человечества и божества в одной субстанции возможно, это означает, что само божество предполагает человечество; это означает, что в божестве есть условие возможности не-божества, твари, человека. И невозможно утверждать, что такая «предрасположенность» божественной природы к человеку появилась во времени: она извечна и не имеет начала, иначе Бог подвержен изменению.

Вл. Соловьев выражает эту идею следующим образом: «Итак, София есть идеальное, совершенное человечество, вечно заключающееся в цельном божественном существе, или Христе. Раз несомненно, что Бог, для того чтобы существовать действительно и реально, должен проявлять Себя, свое существование, то есть действовать в другом, то этим самым утверждается необходимость существования этого другого, и так как, говоря о Боге, мы не можем иметь в виду форму времени, так как все высказываемое о Боге предполагает вечность, то и существование этого другого, по отношению к которому Бог проявляется, должно быть признано необходимо вечным. Это другое не есть безусловно другое для Бога (что немислимо), а есть его собственное выражение или проявление, в отношении которого Бог и называется Словом.

Но это раскрытие, или внутреннее откровение Божества (а, следовательно, и отличие Бога как Логоса от Бога как первоначальной субстанции, или Отца), уже предполагают необходимо то, в чем Божество открывается или в чем оно действует. и что в первом (в Отце) существует субстанциально, или в скрытой форме, а через второго (то есть через Логос) обнаруживается.

Следовательно, для того, чтобы Бог вечно существовал как Логос и как действующий Бог, должно предположить вечное существование реальных элементов, воспринимающих божественное действие, существование мира как подлежащего божественному действию, как дающего в себе место божественному единству. Собственное же, то есть произведенное единство этого мира, – центр мира и вместе с тем окружность Божества и есть человечество» [6, с. 144-145].

Оформление и осуществление данной интуиции не всегда было последовательным и логичным. По сути, данное оформление и осуществление должно сводиться к следующим положениям:

1. Благодаря софиологии снимаются противоречия в вопросе об основаниях соотношения Бога и человека. Христианское учение предполагает три вида отношений с Божественной природой:

а) отношение, основанное на единстве природы, недоступное для тварного мира, доступное только для самого Бога;

б) отношение, основанное на возможности тварного мира энергийно приобщаться к Божественной природе;

в) отношение, основанное на ипостасном единстве Божественной и человеческой природы. Данное отношение доступно только для человека через таинство Евхаристии.

В силу абсолютности Бога всякое бытие имеет основание в Нем. Следовательно, все вышеобозначенные три вида соотношения с Божеством должны иметь основание в самой Божественной природе. Для первого вида соотношения основанием является сама природа Бога. Для второго вида соотношения – энергия Божественной природы. Для третьего вида соотношения – ипостасное единство Божественной и человеческой природы. Но именно данное ипостасное соединение и требует обоснования в самой природе Божества. Данным основанием выступает София как субстанциально-энергийное начало в Боге. И в этом смысле ипостасное единство Бога и человека есть синтез первых двух видов соотношения с Богом.

2. Софиология позволяет четко сформулировать догмат о Пресвятой Троице.

Традиция православного богословия утверждает, что учение о Троице представляет собой ряд антиномий. Б.В. Раушенбах приводит точку зрения Е.Н. Трубецкого, который утверждал, что «... вовсе не антиномичен догмат св. Троицы, ибо никакого внутреннего противоречия в нем не заключается... в церковном догмате "единство" относится к Существо, а "троичность" — к Лицам». И далее: «Когда грубое человеческое понимание превращает трех Лиц в трех Богов, догмат действительно превращается в антиномию, ибо тезис, гласящий, что Бог един, никак не может быть согласован с антитезисом, что есть три Бога». Раушенбах справедливо замечает, что подобная точка зрения встречается и сегодня. В современном изложении основ православной веры говорится: «Лица Троицы неслиянны, но составляют единое Божество, в котором каждая Ипостась имеет одинаковое Божеское достоинство с каждой другой. Ипостаси св. Троицы не являют собою трех Богов, но одного Бога». При всей внешней убедительности последних утверждений бросается в глаза отход в них от Символа веры. Ведь в Символе четко говорится о том, что каждое из трех Лиц является Богом. Об этом же свидетельствует и практика молитвы [7, с. 64-65].

Б.В. Раушенбах показывает, что формально-логическое рассуждение Трубецкого неприменимо для взаимодействующих объектов, каковыми являются Лица Св. Троицы.

Весь вопрос заключается в соотношении Единичности и Троичности в Боге. Утверждение о том, что Бог единичен по природе, но троичен в лицах, привносит в идею Бога принцип раздельности между природой и личностью, как будто бы в Боге есть природа вне личности и личность вне природы, что противоречит учению о простоте Бога.

На самом деле, природа и ипостась в Боге даны нераздельно в любом выделяемом аспекте Божества, они есть различия чисто смысловые. Как сформулировал А.Ф. Лосев, ипостась – это принцип самотождественного различия в Боге. В логическом отношении общая природа Бога отличается от каждой ипостаси, т.е. Лица Пресв. Троицы разным соотношением Единичности и Троичности. Общая природа Бога есть Троичность на основании Единичности, а «отдельное» Лицо Пресв. Троицы есть Единичность на осно-

вании Троичности. Различение природы и ипостаси означает, что Бог может представлять как единство природы и ипостаси на основании природы, воплощая тем самым Единичность, и как единство природы и ипостаси на основании ипостасности, воплощая тем самым Троичность. При такой диалектической схеме противопоставление природы и личности в простом и нераздельном Боге преодолевается, т.к. нет уже никакой отдельно природы и никакой отдельно ипостаси и в то же время есть отдельно природа, в качестве Единичной Личности и есть отдельно ипостаси в качестве Трех Личностей.

Так что каждая отдельная ипостась есть природа Бога в целом, т.е. Бог. А сама общая природа Бога – есть не абстрактное обобщение Лиц Божества, но сама Личность. Так и общая природа Божества есть всецело Бог и Личность; и каждое Лицо Пресв. Троицы есть всецело Бог и Личность. София и есть общая природа Трех Лиц, рассматриваемая как Единая Личность. Так, антиномия христианского догмата о Пресв. Троицы, состоит в том, что Бог есть Одна Личность; и Бог есть Три Личности.

Логическое обоснование принципа софийности дано А.Ф. Лосевым [см.: 8, с. 10-34; 7, с. 219-221; 8, с. 266-291]. Для нас имеет большое значение диалектическая конструкция тетрактиды А.Ф. Лосева. Тетрактида есть единство четырех понятий: Одно, Эйдос, Становление, Ставшее. Во-первых, каждое из этих понятий есть определенного рода единство всех остальных понятий, так что каждое отдельное понятие (Одно, Эйдос, Становление или Ставшее) есть, с одной стороны, только один из элементов тетрактиды, а с другой стороны, сами они и представляют собой тетрактиду. Каждое из четырех понятий определяется друг через друга, они одно и то же, но в различных смысловых состояниях.

В силу своей специфичности и различимости каждое из понятий несет свою смысловую нагрузку. Одно – немыслимость, неразличимость. Эйдос – единичность, данная как множественность, определенность, самораздельность, различие. Становление – синтез одного и многого, т.е. синтез Одного и Эйдоса. В становлении содержится как осмысленность (со стороны Эйдоса), так и алогичность и неразличимость (со стороны Одного). Ставшее – факт, носитель всего триадного смысла, т.е. субстанциальная осуществленность тетрактиды.

При этом Эйдос есть саморазличимое Одно. Становление – это такое Одно, которое есть иное по отношению к себе, оно вмещает в себе свое иное и таким образом есть становящееся одно. Ставшее есть Одно как факт, тело, субстанция.

Тетрактида, построенная А.Ф. Лосевым, соответствует соотношениям внутри Пресвятой Троицы. Понятие «Одно» соответствует Богу Отцу, «Эйдос» – Богу Сыну, «Становление» – Богу Духу Святому, понятие «Ставшее» соответствует Софии.

Все четыре понятия можно представить в виде бинарной схемы, в которой Одно, Эйдос и Становление противоположены Ставшему. Т.е. кроме противопоставления одного элемента в тетрактиде всем иным элементам, имеет место противопоставление первых трех элементов, взятых вместе, последнему четвертому. Это уже говорит о том, что София (Ставшее) не есть четвертая Ипостась (в чем многие церковные писатели любят обвинять софиологов). У А.Ф. Лосева есть прямые указания на то, что ипостасность имеют только три начала [9, с. 219]. Также А.Ф. Лосев пишет: «... триипостасное бытие должно иметь при себе свое инобытие, от которого оно отличалось бы как от такового, но необходимо, чтобы это было таким инобытием, которое бы утверждало и полагало саму триипостасность, а не что-нибудь иное, чтобы быть именно ее, а не чьим-нибудь еще утверждением и определением, т.е. быть *тождественным* с нею. Отсюда следует, что кроме триипостасного бытия необходимы еще два момента – *софийный* и *ономатический* [9, с. 220].

Рамки данной статьи не позволяют нам более подробно представить софиологическую концепцию и ее логику, поэтому перейдем к нашей главной проблеме.

Итак, для А.Ф. Лосева София есть осуществленность Пресв. Троицы в целом, ее субстанциальность и, следовательно, реальность. Сам принцип осуществленности, присутствующий в Божестве, есть начало, объединяющее Бога с тварью. София – это принцип строго внутрибожественный, принцип осуществления, можно даже сказать – воплощения, но воплощения не в иное бытие, а внутрибожественного воплощения. Приняв этот тезис, далее можно непротиворечиво развивать учение о Софии как о душе мира. София понимается здесь как тварная София, своего рода мир в целом, она является отражением Божественной Софии. Самым конкретным выражением этой Софии является Церковь как Тело Христово.

Какое отношение к человеку как двуполому существу имеет София? Человеческая природа неотделима от Софии. Если Тело Христа есть самое существенное выражение тварной Софии, то и человек есть самое существенное выражение творения, или наложение Софийного образа на не-бытие. И тогда человек как образ Божий также есть София.

Для нас важно, что понятие Софии позволяет говорить о половой градации человека в качестве существа космического. Человек как София в отношении к Богу есть природа женского пола. С другой стороны, в христианской мифологии человек в своей целостной природе, как единство мужчины и женщины есть природа мужская. На это указывают и то, что Христос объединил в своей мужской человеческой природе все человечество, и то, что Ева была создана из Адама.

Софиологическая тематика открывает для нас следующий факт. Целостная природа мужчины и женщины как нечто единое есть природа, диалектически объединяющая в себе оба пола: мужской и женский. Человек в отношении к Богу есть София тварная и приемлющая, а потому вся природа человека в целом есть природа женская (как приемлющая). Но человек также должен быть рассмотрен в его взаимодействии с тварным миром в целом, с космосом, с тварной Софией. В этом отношении человек как венец творения наделен способностью творческой, здесь он активная сторона взаимодействия, и потому человек в целом есть природа мужская. Следовательно, если мы назовем целостную природу человека, единую природу мужчины и женщины Софией, тогда скажем, что София андрогинна.

Также следует обратить внимание на следующее. Поскольку человек как целое есть всецело и мужская (в отношении к миру), и женская природа (в отношении к Богу), значит, конкретные мужчина и женщина, составляющие единство и целостность природы человека, в космическом масштабе (т.е. за пределами самих себя) выступают и в качестве мужской, и в качестве женской природы.

В тварной Софии должна быть отражена та же самая тетрактида, о которой мы говорили применительно к нетварной Сущности. А в этой тетрактиде отражена троичность как мужской принцип, и софийность, как женский принцип. Такая же структура и у тварной Софии, в ней есть несофийный элемент и софийный. Такова же структура и человека, откуда следует вывод о его андрогинности.

Теперь мы получаем целостную картину о структуре природы человека.

Следует понимать, что каждый элемент в структуре человеческого существа является отражением тетрактиды. Природа человека одна. Но в общей человеческой природе, включающей в свою структуру Одно, Эйдос, Становление и Ставшее, различимы две природы – мужская и женская. Первые три категории – Одно, Эйдос и Становление –

- образуют мужскую природу человека, а четвертая категория Ставшее, как единство первой триады, образует женскую природу.

При этом каждый конкретный человек мужского пола есть тетрактида в целом, поскольку он человек. И в то же время каждый конкретный человек мужского пола не есть тетрактида в целом, но только триада Одного, Эйдоса и Ставшего. Каждый конкретный человек женского пола есть тетрактида в целом, поскольку он человек. И в то же время каждый конкретный человек женского пола не есть тетрактида в целом, но только Ставшее. В данном положении нет логических противоречий, так как каждый отдельный элемент тетрактиды, как говорилось выше, есть тетрактида в целом. Можно сказать, что в каждом человеке тетрактида повторяется дважды, как общечеловеческая структура и как структура полового существа.

Выше мы говорили, что мужская природа имеет своим содержанием мужское как свое и женское как иное. И женская природа имеет своим содержанием женское как свое и мужское как иное. Теперь данное положение мы конкретизируем следующим образом. Мужская природа как триада есть собственно мужская природа. Мужская природа как Ставшее есть женское в мужской природе. Женская природа как Ставшее есть собственно женская природа. Женская природа как триада есть мужское в женской природе. Таким образом, мы получили диалектическое основание для тех взаимоотношений между женской и мужской природой, которые были обозначены ранее.

Человек в целом, как единство мужчины и женщины, есть тетрактида, объединяющая в себе еще две тетрактиды. При этом носителями мужской и женской природы являются две личности соответственно. Каждый элемент трех имеющихся здесь тетрактид несет в себе отражение всей этой сложной структуры в целом, так что каждый элемент представляет собой не только элемент, но и целое.

Но и это еще не все. Тетрактида, объединяющая в себе мужскую и женскую природу, может быть представлена с одной стороны как триада – мужская природа, и как Ставшее – женская природа. Мужская природа тетрактиды целого человека есть человеческое в человеке. Женская природа тетрактиды целого человека есть Софийность человека, есть человек как образ Божий, человек как микрокосм. В данном случае носителями мужской (человеческой) и женской (софийной) природы являются не непосредственно две личности, а общая им единая природа.

Так мы обозначили самые общие основания, обуславливающие структуру человека как существа полового. Данная структура, которая опирается на лосевскую диалектическую конструкцию тетрактиды, представлена нами в самом общем виде, предполагая обширные возможности для конкретизации и обогащения содержанием.

Данная структура человека в качестве полового существа, хотя и опирается на христианскую мифологию, вполне может быть из нее выделена. Воспринимать данную структуру именно в христианском смысле или нет – дело личной веры. Мы хотели бы обратить внимание на ценность самой обозначенной здесь структуры человеческого существа, вынесенной за скобки мифологии. Так, например, социальная философия, исследуя отношения личности и общества, может использовать предлагаемую нами гендерную теорию личности. Общество и личность определяют друг друга в том плане, что когда человек выступает в качестве субъекта, формирующего общество, он (как целое) есть мужская природа, когда же человек испытывает влияние общества, он есть (как целое) женская природа. Данная концепция может быть применена и к характеристике отношений человек/природа. Тогда станет возможным придать взаимодействию человека с окружающим его миром личностный характер.

Универсальный смысл и значение предложенной структуры состоит в том, что она представляет человека в качестве андрогина, не размывая границ и не уничтожая специфику мужской и женской природы, а сохраняя их и рассматривая в диалектическом единстве.

Примечания

1. Слово «миф» нами используется в том смысле, который ему придается А.Ф. Лосевым.
2. Библия. Книга Бытия, 1, 27.
3. Библия. Книга Бытия, 2, 24.
4. Владимир Шмалый, иерей. Проблематика пола в свете христианской антропологии // Православное учение о человеке. Избранные статьи. – Москва-Клин: Синодальная Богословская комиссия: Изд-во «Христианская жизнь», 2004. – С. 251-290.
5. Бонецкая Н.К. Софиолог-монах // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 116-124.
6. Соловьев. В.С. Чтения о богочеловечестве // Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров...»: Краткая повесть об Антихристе / Сост. и прим. А.Б. Муратов. – СПб.: ХудЛит, 1994. – С. 32-202.
7. Раушенбах Б.В. Логика троичности // Вопросы философии. – 1994. – №3. – С. 63-70.
8. Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Форма-Стиль-Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1995. – С. 5-296.
9. Лосев А.Ф. Миф – развернутое магическое имя // Миф-Число-Сущность / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1994. – С. 217-232.
10. Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология // Миф-Число-Сущность / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1994. – С. 263-298.

Т.Ю. Денисова

ОДИНОЧЕСТВО КАК УСЛОВИЕ СОПРИЧАСТНОСТИ ЦЕЛОМУ

Проблема одиночества, будучи одной из самых «человеческих» проблем, во все времена была в фокусе внимания, находя специфическое отражение в конструктах обыденного сознания, в исследованиях социальных и гуманитарных наук, получая художественное осмысление в произведениях искусства. Сам факт неослабного внимания к феномену одиночества позволяет характеризовать его как константу мироощущения человека и важнейшую характеристику человеческого бытия, как специфический способ существования человека.

Однако преимущественно негативный оттенок большинства трактовок одиночества (как «проклятия человечества») имеет следствием то, что сама проблема одиночества формулируется как проблема (задача) его преодоления. Обострение интереса к проблеме одиночества, отчетливо проявившееся и в течение всего XX, и в начавшемся XXI веке, звучащие почти аксиоматически тезисы о неустрашимости одиночества и синдроме «тотально одинокого» индивида заставляют задуматься о действительной остроте проблемы и принципиальной возможности ее решения. Вместе с тем, первое, что вызывает вопрос, – это противоречие между признанием одиночества в качестве объективно существующего модуса человеческого бытия и задачей его преодоления, т.е. поисками выхода оттуда, откуда его «по определению» нет. Разрешимо ли оно?

Одиночество как отдельность и единственность действительно непреодолимо. Однако герметичность человеческого существования и онтологическая чуждость миру не абсолютны. Помимо замкнутости в своем единичном, отдельном, однократном, конечном существовании, человеческая субъективность обладает и такой характеристикой как изначальная трансцендентность, т.е. открытость иному – Другому, бесконечному, бытию в целом. Являясь модусом человеческого бытия, одиночество не определяет его полностью. В одиночестве человек осознает не только свою ценность, но и недостаточность; в одиночестве не только кристаллизуется его самость, но и устанавливаются пределы его самоконструирования, *возможное* человека ограничивается *наличным*. Однако существует и иная человеческая истина, иной модус человеческого существования, противоположный неизбежной отъединенности – единение, сопричастность, со-бытие, – который не преодолевает и не «отменяет» одиночество, но уравнивает его.

Одиночество само по себе, как отделённость, выделенность субъекта объективно и не представляет проблемы. *Проблема* одиночества как *проблема страдания осознанной непричастности* возникает тогда и оттого, что вместе с отделением от «другого», вычленением из целого субъект сохраняет непреодолимый импульс к снятию этой первичной оппозиции, к партисипации, воссоединению с целым, восполнению себя до целого, т.е., тому, что воспринимается как неодинокство, позволяет преодолеть страдание одиночества.

Проблема одиночества, как таковая, возникла как одно из наиболее болезненных экзистенциальных переживаний становления человеческой автономности. Вычленение субъектного Я, рождение самости означало разрыв природного континуума, инополагание субъекта по отношению к внешнему миру. Человеческая самость, таким образом, стала одной из сторон метаоппозиции Я-Другое. В процессе развития саморефлектирую-

шего сознания происходило последовательное осознание своей обособленности и от природы, и от первобытного сообщества, рода, сопровождающееся, с одной стороны, развитием личности, а с другой – растущим чувством одиночества. Взаимосвязь этих аспектов декларируется многими философами аксиоматически: «Я – это одиночество» (Э. Левинас), «Личность – это боль» (Н.А. Бердяев). Э. Фромм называл их взаимокорреляцию основным противоречием свободы. Освобождение от пелен общинного сознания имело результатом не только гордое сознание своей уникальности и самостоятельности, но, прежде всего – осознание собственной случайности, ничтожности, слабости, сиротства в чуждом и бессмысленном мире.

В своей нобелевской лекции О. Пас назвал историю человечества «вечно осуществляемой неосуществимой попыткой излечиться от разлада и разлученности» [1, с. 23]. Осознание обособленности сопровождается ощущением внутреннего разлада, разрыва естественных и необходимых связей, выброшенности в чужой мир, но оно же побуждает к наведению мостов с миром, к открытости навстречу ему: «Человек – это всегда тоска и поиск причастности. Поэтому всякий раз, ощущая себя человеком, мы ощущаем отсутствие другого, чувствуем себя одинокими» [1, с. 103].

Однако означает ли это, что нормальной целевой установкой человека является преодоление одиночества? И достигается ли оно в результате обретения общности, причастности чему-то большему, чем он сам?

Одиночество и общность находятся в сложных взаимоотношениях не только противоположения, но и соположения. Способность испытывать одиночество предполагает знание о том, что есть неодинокость. Ощущение одиночества как отдельности и отделённости от всего, что не-Я, возможно лишь при условии того, что существует это пространство не-Я; одиночества как чуждости, неуместности – в условиях соседства и связанности с чуждым бытием; одиночества как покинутости – при условии наличия хотя бы как-то пережитого опыта близости, общности. Если одиночество воспринимается как недостаток или отсутствие причастности, следовательно, индивид хотя бы смутно представляет, что это такое и осознаёт ее ценность.

Подлинная общность возможна лишь между индивидами, пережившими опыт одиночества. Включенность в диалог предполагает выделенность, уникальность каждого участника в качестве Я, его *от-личие*. Личность собирается в полноте своего существа только при условии осознания своего одиночества. Индивид, не обретший лица в опыте одиночества, не способен к подлинной сопричастности. Чтобы *единение* было возможно, надо иметь, что *при-со-единить*. Чтобы трансцендировать к Иному, надо быть «у себя». Чтобы желать прорвать одиночество, необходимо знать, что это. Именно в опыте одиночества обнаруживается асимметричность интерсубъективности, позволяющая субъекту при сохранении своей субъективной сущности включить в себя более того, что возможно, преодолевая барьеры имманентности, и, будучи целостностью, войти как часть в другую целостность.

Поэтому проблемой человеческого существования, требующей не констатации, а решения, является не преодоление одиночества, а достижение некоего условного баланса между одиночеством как осознанием отделенности и отдельности и общностью как сопричастностью, соотнесенностью с целым, соучастием в нем.

Однако что же следует понимать под балансом в бинарной структуре одиночество-общность, определяющей человеческое бытие?

Притом, что элементы этой структуры принадлежат одной онтологической модальности, речь не может идти о некой «золотой середине» в силу аксиологичности этой дуа-

лизации. Говоря о балансе дихотомии одиночество-общность, мы имеем в виду не равноудаленность от полюсов, а положение, наиболее адекватное соответствующей стадии культуро- и социогенеза. Само требование баланса в бинарной структуре одиночество-общность предполагает не количественное изменение того или другого модуса, не механическое движение в определенном направлении, но – необходимость комплексного учета большого количества качественных характеристик. Значение, вообще говоря, имеет не то, сколько должно быть «отвешено» одиночества и общности индивиду, но то, *что* понимается под тем и другим и *как* определенное понимание этого вписывается в матрицу его смыслов и ценностей.

Кроме того, искомый баланс, надо думать, все-таки – при всей желательности его достижения, – есть нечто весьма неустойчивое и относительное. Ведь пребывание в мире дуальных оппозиций не может не быть драматичным и конфликтным и в силу необходимости перманентного выбора, и амбивалентности интенций – с одной стороны, установления границ имманентного, а с другой – экзистенциального единения с Другим, т.е. трансцендирования. Абсолютизация одного модуса ведет к абсолютной монадической автономности и закрытости, абсолютизация второго – к растворению Я в сообществе, к которому оно принадлежит. Результат того и другого – разрушение личностного начала, невозможность роста и самоактуализации личности, а, значит, и невозможность подлинной общности, основанной на диалоге. Современный мир характеризует и стремление к автономии как результат индивидуализации, и растущая взаимозависимость индивидов, как элементов социального организма. По замечанию Н. Элиаса, у современного человека «ощущение причастности и вовлеченности часто смешивается с ощущением разделенности и непричастности» [2, с. 212]. Идет ли здесь речь о балансе? Нет. Во-первых, под балансом мы понимаем ситуацию синтеза принятия одиночества и, вместе с тем, готовности и способности к общности. Во-вторых, сам Элиас, характеризуя современную ситуацию, многократно говорил о смещении баланса в пользу абсолютизации автономности Я, определяя ситуацию емкой формулой: «Я, утратившее свое Мы» [2, с. 247]. Кроме того, явное смещение баланса произошло и в оценке «правильного», «нормального» соотношения модусов. Начиная с Нового времени, довольно сильна традиция, согласно которой все, связанное с индивидуальностью, особостью априорно получает позитивную окраску; связанное с социумом и социальным вообще оценивается осторожно и с оговорками, поскольку первое отождествляется со свободой, второе – с принуждением. Притом, что в современном мире актуализировались поиски универсалий человеческого поведения, в фокусе внимания исследователей, политиков, публицистов все чаще оказываются нравственные проблемы в политике и экономике, общечеловеческие ценности, – то есть то, что объединяет, а не разделяет людей в мире. Все же, как отмечает один из видных исследователей проблем глобализирующегося мира В. Иноземцев, прогноз по поводу единения человечества, усвоения людьми универсальных ценностей, преодоления взаимного неприятия (как результата глобализации) не соответствует реальному ходу вещей. Всемирное единство и солидарность не только не достигнуты, но и сама возможность их остается под вопросом [3]. Н. Элиас отмечал, что в условиях размывания прежних идентичностей и возникновения в результате интеграции нового уровня Мы-идентичности – общечеловеческого (существующего, скорее, пока в виде возможности, намечающегося вектора движения – *Т.Д.*), – если первое воспринимается как безродность (т.е. негативно), то второе вообще осознается лишь немногими [2, с.317].

Экзистенциально-социальное бытие человека в контексте дихотомии одиночество-общность логически следует структурной последовательности мифологемы «рай перво-

зданный – рай потерянный – рай обретенный». Современное состояние соответствует едва намечающемуся движению от второй ступени к третьей, которое к тому же постоянно сопровождается попытками поворота вспять. Столь живучая мечта о возвращении к «золотому веку», изначальной первобытной гармонии, родового единства, особенно ясно артикулированная в искусстве XX века («История война и пленницы» Х.Л. Борхеса, «Луна и грош» С.Мозма, и др.), продиктована не только экзистенциальным страхом перед одиночеством, но и ощущением, что ценности и устои современного мира искажают человеческую сущность, не отвечают ее насущным потребностям.

Подлинный путь «от одиночества» представляется возможным лишь при условии установления человеком адекватной соразмерности между собой и миром (социумом, Универсумом), реконструкции его целостности и взаимосвязанности, восстановления сопричастности ему, а это предполагает радикальную трансформацию и личности, и общества, и модели взаимоотношений между ними. В условиях гипертрофированного представления об одиночестве современного человека и объективной социальной реальности, характеризующейся *осознаваемой* разобщенностью и дезинтеграцией, в сущности, главной задачей общества индивидуализированных и деперсонализированных индивидов являются поиски адекватных путей самоактуализации личности и способа ее партиципации (т.е. соотнесенности, сопричастности, соучастия) с Целым (социумом, Универсумом). Остановимся последовательно на обеих сторонах задачи.

Формирование новой личности. Способность личности к подлинной общности предполагает высокую степень сформированности совершенно определенных качеств. Прежде всего, это гармонично уживающиеся в человеке индивидуализм и социальность, идентичность и открытость иному, автономность и потребность в коммуникации. Стремление к идиосинкразии, идентичности предполагает в этом случае, прежде всего, стремление к максимальной актуализации заложенных в личности потенциалов, к максимальному самовоплощению. Автономность означает не закрытость и замкнутость, а независимость и некоторую отстраненность, меньшую детерминированность внешними факторами и большую свободу в принятии решений. Риск и небезопасность свободного и независимого выбора принимаются состоявшейся личностью как естественный режим повседневного существования. Сознание собственной силы и ценности позволяют ей не чувствовать себя в мире как на вражеской территории, сохранять к этому миру доверие и интерес. Осознание уникальности собственного Я своим естественным следствием имеет восприятие другого человека не как «радикально Другое», а как другое Я.

Такого рода личность («самоактуализированная личность», по терминологии А. Маслоу) знает о своем одиночестве, но не чувствует себя сиротой в мире. Развитое рефлектирующее сознание есть неизбежное страдание, неизбежное понимание своего одиночества, однако именно оно выступает в качестве обязательного условия диалогической активности и способности. Ее (личности) спокойное и бесстрашное отношение к одиночеству объясняется глубочайшим чувством идентификации с человечеством, ощущением, названным Адлером «*Gemeinschaftsgefühl*» (чувством общности, родства, единения). Задачей, следовательно, скорее является не избавление от одиночества, а умение принять его и осознать его смысл.

Подлинной проблемой современного мира является не прогрессирующее одиночество, а потеря рефлектирующего осознания своего одиночества, потеря трагического мирочувствования, насаждение бухгалтерского отношения к мировым реальностям, к Другому, да и к себе самому. Просчитывается наиболее гарантированный путь к успеху, наи-

менее затратный вариант достижения цели, возможность отказаться от «чрезмерных» усилий, в том числе духовных и душевных. Современный человек живет в условиях иллюзорной коммуникации, лишь бы не остаться наедине с собой. В таких обстоятельствах человек оказывается неспособным постичь суть ни подлинного одиночества, ни подлинной общности, потому что подлинная общность возникает при соприкосновении с сущностным, которое открывается только в одиночестве. Общность, основанная на взаимном обмене бытием, невозможна между индивидами, избегающими самой возможности постижения и достижения самобытия.

Сама по себе постановка проблемы одиночества как проблемы избавления от одиночества побуждает искать средства заглушить или компенсировать чувства страха, неудовлетворенности, тревоги, приступы депрессии, вызванные «открытием» своего одиночества. Фромм предостерегал, что цена за свою социализированность, приспособленность к требованиям общества и обстоятельствам и цена за отстаивание своей самости, индивидуальности, может быть очень велика. Первое грозит внутренним опустошением и бессилием, второе – психологически невыносимым чувством абсолютной изоляции. И все же, по словам Э. Фромма, хотя «человек, который достиг внутренней силы и цельности, часто не столь удачлив, как его неразборчивый сосед, но у него есть уверенность в себе, способность суждения и объективной оценки, поэтому он гораздо менее уязвим для меняющихся времен и чужих мнений» [4]. Индивидуализм, который, по мнению многих исследователей, по-прежнему остается для большинства лишь программой, горизонтом личностного развития (К Юнг, Н.Элиас, Л. Баткин), не обеспечивает безопасности, уверенности и надежности «неодиночества», но позволяет переносить их без парализующего ужаса и паники. Кроме того, самоактуализированный индивидуалист с радостью принимает человеческое разнообразие, признавая ценность каждого Я. А потому, именно будучи индивидуалистом, он является «глубоко социальной личностью, личностью, идентифицирующей себя со всем человечеством» [5].

Закономерно возникает вопрос о роли общества в формировании такого рода личности и снятии проблемы одиночества как экзистенциально-социальной проблемы. В философской литературе часто (и совершенно справедливо) звучит мысль о невозможности радикального устранения драмы одиночества индивида никаким человеческим сообществом, сколь бы гуманно и разумно устроено оно ни было (Н. Бердяев, Э. Мунье, Ф. Майленова). В качестве причин можно назвать и неустранимость метафизических оснований одиночества, и то, что оно неотделимо от самосознания и сознания. Однако следует все же заметить, что от общественного устройства во многом зависят условия самоактуализации личности, степень удовлетворения ее базовых потребностей (что, по мнению Маслоу, является необходимым условием для того, чтобы индивид не воспринимал мир как вражескую территорию), возможность преодоления тотального отчуждения, в условиях которой исключается сама возможность достижения самотождества, а, значит, и подлинной общности. Далекое не праздным выглядит вопрос о том, какая модель социального устройства наилучшим образом соответствует здоровому существованию индивида. Что лучше – общество независимых людей, каждый из которых имеет свою волю, свою цель, а единство достигается путем неустойчивого компромисса в борьбе индивидуальных и групповых целей и волей; либо общество как монолитное и гарантирующее стабильность единство волей и целей, машина, где каждый точно знает и выполняет свою функцию? В качестве оптимума исследователи указывают вариант наилучшего согласования общественных принуждений и требований с одной стороны, и индивидуальных

потребностей, стремления индивида к полноте и осмысленности личного существования с другой (Э. Фромм, Н. Элиас, Э. Мунье Л. Баткин, А. Рено) [6]. Однако ни один из них не дает сколько-нибудь отчетливой характеристики такого общества, и не строит прогнозов относительно его формирования. Идеал его таким образом представлен у Э. Мунье: «сообщество, где каждая личность реализует себя во всей полноте своего призвания, где сопричастность целостности является живым результатом ее особенного самоосуществления. Каждая личность в нем была бы незаменимой, и в то же время она гармонировала бы с ним как с целым. Первичной и основной связью в нем была бы любовь, а не какое бы то ни было внешнее принуждение, экономический или жизненный интерес» [7, с.315]. Аналогичные взгляды высказывались также Н.А. Бердяевым, С.Л. Франком, Э. Фроммом, однако все они, так или иначе, признавали утопичность надежд на возможность возникновения общества на таких условиях. Э. Мунье, рисуя приведенный выше идеал общества, предупреждает вместе с тем, что этот идеал должен быть ориентиром, но «в высшей степени опасно предполагать, будто эта схема может быть осуществлена в истории». Далее Э.Мунье указывает, что ни в одном обществе личность не сможет достичь ни совершенной свободы, ни совершенной сопричастности [7, с.316]. Разделяя эту точку зрения, мы полагаем задачей, решение которой может быть найдено (в отличие от сформулированной выше), определение точки баланса между ними, адекватной состоянию общества и уровню развития личностей в этом обществе, и, благодаря этому, определение модели партисипации.

Проблема адекватной модели партисипации. Партисипация как переживание субъектом единения себя как части с неким позитивно оцениваемым целым и, соответственно, возможность снятия генеральной оппозиции Я-Другое, онтологически необходима субъекту. «Застревание» на стадии отчуждения, противопоставления Другого дезонтологизирует Я: «...если в партисипации субъект познает свою онтологию через природнение к себе онтологии другого, то отчуждение, изолируя субъекта от этого другого, истощает онтологию самого субъекта» [8]. По замечанию О. Паса, «одинокость нас раздваивает: обретая самосознание, мы в то же время стараемся от себя уйти», «вернуться в утраченный некогда рай» [1, с.104], восстановить целостность и полноту бытия, согласие с миром. В связи с этим возникает закономерный вопрос: если одинокость есть следствие (неважно – дар или проклятие) индивидуализированного сознания, то насколько возможен и целесообразен возврат к доиндивидуальному синкрезису и, соответственно, «неодинокости»?

Архаический вариант партисипации, которому была свойственна дорефлективная онтическая связь индивида с Целым и нахождение субъекта вне своей субъектности и субъективности, обеспечивал индивиду место в устоявшемся порядке и ощущение полноты и осмысленности жизни. Его специфика представлена у А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко следующим образом: «...партисипация архаического человека к роду есть одновременно и природнение дискретного к континуальному, и трансцендирование единичного и имманентного человеческого Я к всеобщему и трансцендентному принципу космического порядка как воплощению вечно длящегося и уходящего в докультурное (не-дуальное) состояние цепи рода, и достижение причастности к сакральному как преодоление профанизирующего отпадения единичной экзистенции субъекта от *априорно сакрального социального Абсолюта* – целостного общинного коллектива» (курсив наш – Т.Д.) [8, с. 57].

Центробежный процесс становления человеческой субъектности протекал чрезвычайно медленно и в ходе истории обнаруживал рецидивы возврата к доиндивидуальной,

индивидуальной ментальности (по утверждению К. Юнга, она органично воспринимается едва ли не большинством людей). Данный тип ментальности, характеризующийся «тотальностью синкретизма, всеобщей невычлененностью, где всякие проявления частного, отдельного, автономного носили бессознательный характер, либо осознавались в несобственных формах» [8, с. 294] не только был исторически первым, но он был и остается необыкновенно устойчивым к различным трансформациям, особенно в периоды социальных кризисов и деструкций. Переживание партисипации индивида «к надежно функционирующему и объемлющему собой обширную человеческую массу “целому”» [9] связывается с благородной жертвенностью (делу революции, партии, религиозной идее, благу близких и т.д.), чувством безопасности и принадлежности и сопровождается эйфорией. Страсть к мифотворчеству, к ритуалам (парадам, шествиям, митингам, традиционным праздникам) приобщает индивида к прошлому и будущему, то есть, ко времени, которое ему не принадлежит, позволяет соучаствовать в событиях, общих для огромного количества людей. Но все перечисленные способы партисипации препятствуют встрече индивида со своим одиночеством, т.е. встрече с самим собой.

Возвратное движение историко-культурной эволюции обусловлено сохранением в психике субъекта моделей поведения, стадияльно предшествующих современной ему ситуации, в том числе модели партисипации «родового человека» как жизни в бессознательном и бессознательно чаемом одиночестве, в бессознательном избегании одиночества. Характер и способ партисипации «родового человека» был обусловлен его отношением к самому себе. В отличие от личности «родовой человек» был настолько детерминирован действиями внешних сил, что и не подозревал о своей субъектности, проецируя субъектные характеристики вовне – на духов, богов, род. В результате механизм партисипации протекал для индивида в режиме соединенности и растворения во внешнем объекте. Для личности этот режим принципиально иной: в процессе партисипации личность присоединяет к себе объект, присваивает его, не опасаясь растворения в нем, поскольку обладает собственной структурой и содержанием.

Возврат к доиндивидуальному варианту партисипации возможен (более того, миновавшее столетие видело рецидивы таких попыток), но нецелесообразен, причем не только по причине незрелости, «недостойности» такой модели, а в силу того, что родовое единство в действительности не является состоянием «неодиночества», или «доодиночества». Напротив, стремление к неразличимости, недопустимости иного, инакового замуровывает индивида в его объективном одиночестве, не позволяя его осознать, а значит, и попытаться вырваться из него. Подлинно человеческой ситуацией в полярном пространстве «одиночество-общность» нам представляется позитивное и диалектическое инополагание личности (для которого необходимо созреть), вместо оппозиционного («подросткового») противопоставления самости всему, находящемуся вне неё, а также вместо растворения в природном или социальном целом. Одиночество человека не исчезнет, но перестанет осознаваться как неизбежное наказание и проклятие только при условии синергийного (соучастного, согласованного, основанного на взаимодействии) сосуществования со всем, что не есть Я, при сохранении осознания границ Я и синергийного мышления, основанного на когеренции интересов личности и личности, личности и социума, социума и Универсума. Таким образом, наиболее адекватным задаче человеческого существования является поступательное движение от партисипации *индивида* (как присоединения субъекта к объекту) через осознание отделенности (одиночества) к партисипации *личности* (сопричастности субъекта объекту).

Современная острота проблемы одиночества обусловлена тем, что процесс становления человеческой автономности не только не завершён – он едва начался. Одиночество современного человека – не итог катастрофического распада естественной, нормальной общности (как это представляется многим исследователям), а, напротив, пока ещё слабая попытка освободиться от пелён общинного сознания и встать на путь обретения подлинной общности свободных, самоценных, способных к диалогическому сосуществованию личностей. Обостренный интерес современной мысли к проблеме одиночества, ощущение одиночества как тотального есть следствие не столько распада ставшего (изначальной общности), сколько формирования становящегося (подлинной общности).

В течение последнего столетия мыслители разных направлений предлагали различные пути обретения нового, качественно иного единства человека и мира, и, соответственно, преодоления его одиночества. Среди условий воссоединения с миром назывались любовь (Н.А. Бердяев, Э. Фромм), способность к подлинному общению (М. Бубер, Н.А. Бердяев), общечеловеческая солидарность (различным образом трактуемая В.С. Соловьёвым, С.Л. Франком и Э. Фроммом), «спонтанная творческая активность», в которой индивид и мир становятся частями единого целого (Э. Фромм), отказ от западного типа мышления, объективирующего окружающий мир и противопоставляющего его субъекту, Эго (К. Юнг, М. Хайдеггер). Г. Гессе видел выход из абсолютного одиночества в том, чтобы «... возвратиться к вселенной <...>, так расширить свою душу, чтобы она снова могла объять вселенную» [10]. Возможность восстановления доверия к бытию мыслители видят в формировании экологического сознания (С.П. Залыгин, Г.С. Батищев) [11], в религиозно-мистическом чувстве единения «всего со всем» (В.С. Соловьёв, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев), убежденности в изначальной разумности мироустройства, в существовании «Божественного компьютера» и т.д.

Человек, осознавая свое бытие как несовершенное, неполное, незавершенное, конечное, одинокое, не может смириться с ним как неподлинным, смутно провидя свою задачу в восстановлении связи с совершенством, полнотой, целостностью, бесконечностью, которым он будет сопричастен. Гармонизация человеческого бытия, основанная на признании двух истин – одиночества и сопричастности, и балансе между ними, предполагает потребность и способность к единению людей, осознавших свое одиночество, конструирование диалогического взаимодействия, как между людьми, так и между «пространством человека» и Универсумом. Это принципиально не завершаемая программа, окончательная реализация которой всегда будет под вопросом.

Примечания

1. Пас О. Освящение мига. – СПб.: М.: Симпозиум, 2000.
2. Элиас Н. Общество индивидов. – М.: Практика, 2001.
3. Иноземцев В. Несколько гипотез о мировом порядке XXI века // Свободная мысль – XXI. – 2003. – №12. – С. 3.
4. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 192.
5. Маслоу А. Г. Мотивация и личность – СПб.: Евразия, 1999. – С.257.
6. См., например, Элиас Н. Указ. соч.—С.96; Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: МНПП «ЭСИ», 1993. – С.123.
7. Мунье, Э. Манифест персонализма. – М.: Республика, 1999.

8. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система – М.: Языки русской культуры, 1998. – С.59
9. Бубер М. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С. 295.
10. Цит. по Григорьева Т.П. Восток и Запад – в каждом // Языки науки – языки искусства. – М.: Ин-т компьютер. иссл. – 2004. – С. 36.
11. См., например, Батищев Г.С. Корни и плоды. Размышление об истоках и условиях человеческой плодотворности // Наше наследие. – 1991. – № 5. – С.1-4.

А.А. Хадынская

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАТЮРМОРТ Г. ИВАНОВА

Художники серебряного века, как известно, активно претворяли в жизнь принцип синтеза искусств. Одним из интересных примеров подобного межвидового взаимодействия является экфрасис, имеющий долгую и интересную историю.

Экфрасис в современном понимании скорее не жанр, а художественный прием, восходящий к античности, разрабатывавшийся в эстетике Ренессанса, классицизма, барокко, других художественных систем и ныне активно употребляющийся при анализе межвидовых связей в искусстве, особенно при описании специфики живописи средствами поэзии. Термин трактуется по-разному. Л. Геллер, автор вступительной статьи сборника «Экфрасис в русской литературе», предлагает использовать его не только в узком смысле, как он понимался в греко-римской риторике («украшенное описание произведения искусства внутри повествования, которое он прерывает, составляя кажущееся отступление», например, описание щита Ахилла в «Илиаде») [1], но и в широком, как воспроизведение одного искусства средствами другого.

Как отмечает Л. Геллер, русская литература издавна пользовалась экфрасисом, перед которым стояли важные художественные задачи [2]. Вспомним «Арабески» и «Портрет» Н.В. Гоголя, «Запечатленный ангел» Н.С. Лескова, описание картины Клода Лоррена у Ф.М. Достоевского, поэзию постсимволистов. Ролан Барт в связи со специфической литературного описания отмечал, что при любом его виде автор сначала мысленно преобразует его в живописный, словно помещая в раму, и потом уже начинает описывать как объект, отделенный от прочего мира границей рамы [3]. Таким образом, описательное слово в литературе изначально экфрастично.

Совершенно справедливо, на наш взгляд, высказывается Л. Геллер по поводу необходимости пересмотра экфрасиса как копии второй степени, так как этот интеллектуальный акт, перевод чувственных восприятий и интуитивного знания на язык искусства, представляет значительно более сложный уровень, чем снятие копии с действительности (картина).

В экфрасисе в слово переводится не объект, а его восприятие, не образ картины, а ее видение литератором. Писатель Мишель Бютор, в своих произведениях часто прибегающий к экфрасису, верно показал, что у картины и у ее описания разные логики и динамики [4].

Одним из живописных жанров, который экфрастически осваивается Г. Ивановым, является натюрморт. Этот жанр возникает в эпоху барокко как иллюстрация бренности, скоротечности человеческой жизни. Сочные фрукты, только что пойманная рыба, убитые охотником перепела должны были олицетворять единство противоположностей, полюсность мировосприятия, свойственные этой эпохе – амбивалентность жизни и смерти. Натюрморт был наполнен символикой, он читался как текст. Цветы, плоды и предметы в сложном своем единстве говорили о человеке, ибо все изображенное имело к нему непосредственное отношение. В истории живописи огромную роль сыграл фламандский натюрморт, разработавший основные каноны жанра и барочную символику, доведший до совершенства изобразительную технику.

Характерным примером у Г. Иванова является стихотворение «Ваза с фруктами» из сборника «Вереск» [5]:

Тяжелый виноград, и яблоки, и сливы –
Их очертания отчетливо нежны –
Все оттушеваны старательно отливывы,
Все жилки тонкие под кожей видны.

Над грушами лежит разрезанная дыня,
Гранаты смуглые сгрудились перед ней;
Огромный ананас кичливо посредине
Венчает вазу всю короною своей.

Ту вазу, вьющимся украшенную хмелем,
Ваяла эллины живая простота:
Лишь у подножия к пастушеской свирели
Прижаты мальчиков спокойные уста.

Г. Иванов описывает, вероятно, именно фламандский натюрморт, о чем свидетельствуют две первых строфы: изобилие фруктов показано ярко, выпукло, в типичном сочетании. Перечисленные виноград, яблоки, сливы, груши, дыня, гранаты имеют в барокко символический смысл, но для поэта он не актуален, эти фрукты являются для него, прежде всего, эстетическим объектом, тем самым «оригиналом», с которого он пишет свою словесную «копию». Выделяется лишь ананас, который не присутствовал в подобных старинных натюрмортах и может быть рассмотрен как своеобразная авторская шутка: ананас будет весьма популярен в русском авангардном натюрморте начала XX века (Машков, Гончарова). Поместив в старый натюрморт примету нового времени, поэт тем самым актуализирует идею диалога культурных эпох, преемственность традиции и одновременно новаторство как неизменный компонент всякого развития.

Стихотворение, одно из немногих у Г. Иванова, имеет название, типичное для живописного варианта этого жанра: поэт подчеркивает, что это именно экфразистический натюрморт, и читатель должен в собственной памяти найти ему живописное соответствие, чтобы состоялся разговор о живописи средствами поэзии. Г. Иванов рисует типичные приметы фламандского натюрморта, его описание фруктов в вазе узнаваемо. Приметой поэтики экфразиса является стремление автора к фиксации статичности изображения: используются краткие прилагательные и причастия (*нежны, оттушеваны, видны*), глаголы настоящего времени (*лежит, венчает*), глагол *сгрудились*, хоть и является формой прошедшего времени, выступает в функции настоящего. Автор пользуется терминологией художников («все очертания отчетливо нежны», «оттушеваны старательно отливывы»), чтобы показать тонкость рисунка кистью («все жилки тонкие под кожей видны»), который во фламандском натюрморте очень натуралистично передавал сочность и красоту фруктов.

Третья строфа посвящена описанию вазы, традиционно «вьющимся украшенную хмелем». Ваза древнегреческого происхождения с соответствующим рисунком (пастушка со свирелью) вводит в стихотворение идиллическую тематику мечты о Золотом Веке, гармонии, всеобщем счастье. Барочный натюрморт вполне мог содержать подобные предметы, но в интерпретации барокко идиллия несколько иная. Барочная пастораль (в широком смысле слова) содержит мысль о принципиальной невозможности сча-

стью, пастушеская любовь в ней подвержена страстям, часто трагична. У Г. Иванова же финальная строфа посвящена иной пасторали – античной, воспевающей простую сельскую жизнь на лоне природы, коей в гармонии с миром жили древние греки, радуясь малому, спокойно и достойно («эллины живая простота», «мальчиков спокойные уста»). Барочная дисгармония уравнивается в стихотворении гармонией античной идиллии. Подобный исторический парадокс не выглядит у Г. Иванова диссонансом, наоборот, он доказывает, что в пространстве культуры XX века такая интерференция вполне возможна. Лирическим сюжетом здесь можно считать именно описание вазы с фруктами, другой задачи перед автором не стояло. Перед нами передача не какого-то конкретного натюрморта, а обобщенного, соединяющего в себе черты разных стилей.

Идиллическая тональность вносит умиротворяющую ноту в этот экфрастический натюрморт барочного происхождения. «Тяжелый» виноград нарисован нежной кистью («очертания отчетливо нежны»), это слово явно не из барочного словаря, виноград тяжел, но прозрачен: удивительный союз силы и нежности. Легкость фруктовой «конструкции» подчеркнута «вьющимся» хмелем, слышится даже тихая нежная мелодия свирели, музыкально венчающая эту композицию.

Подобное сглаживание пасторальной тональностью дисгармоничной символики барокко мы находим в стихотворении «Как я люблю фламандские панно...» (тот же сборник «Вереск») [6]. Первая строфа, как и в предыдущем стихотворении, представляет собой экфрастический натюрморт барочного происхождения, отличающийся сочностью красок и выпуклостью образов:

Как я люблю фламандские панно,
Где овощи, и рыбы, и вино,
И дичь богатая на блюде плоском –
Янтарно – желтым отливает лоском.

Стихотворение интересно тем, что в последней строфе появляется пейзаж, именно ему отдает свое предпочтение поэт. Из стилей он предпочитает классицизм, олицетворенный Клодом Лорреном, но опять-таки очень личный, окрашенный идиллическим тоном:

Но тех красот желанней и милей
Мне купы прибрежных тополей,
Снастей узор и розовая пена
Мечтательных закатов Клод Лоррена.

Чувственное пиришествство с яркими красками составляет разительный контраст с мягким «лунным» Лорреном. Но думается, что не следует понимать слова Г. Иванова о предпочтении натюрмарту пейзажа буквально: просто поэт всячески афиширует пасторальный модус в своем раннем творчестве как единое начало всех его петербургских сборников, а он более всего явлен, как показывают наши наблюдения, именно в пейзаже.

Литературный натюрморт, наряду с литературным пейзажем и портретом, которые часто встречаются в ранних сборниках поэта, отсылает нас к экфрастической традиции как интересной модели синтеза живописи и художественного слова. Но в отличие, например, от античного экфрасиса как точной словесной копии картины, экфрасис у Г. Иванова создает умозрительное полотно, оно уникально само по себе и существует только в воображении автора, хотя и построено по живописным законам. Опираясь на известные культурные коды, автор творит свой натюрморт поэтическим словом в расчете на успешную его «дешифровку» читателем-зрителем. Важным в этом случае оказывается

факт «подключения» читателя, без которого натюрморт не мог быть создан, так как опоры в виде исходного живописного текста он не имеет. Сотворчество поэта и читателя только в том случае будет плодотворным, если они говорят на одном языке. Г. Иванов рассчитывает на читателя, любящего и понимающего живопись, способного увидеть в его натюрморте отсылку к прошедшим эпохам, известным эстетикам, только тогда его причудливая поэтическая игра будет правильно понята, а на страницах его книг родятся удивительные словесные натюрморты.

Примечания

1. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. – М.:МИК, 2002. – С.13.
2. Там же. – С.6.
3. Там же. – С. 8.
4. Там же. – С.11.
5. Иванов Г. В. Собрание сочинений: В 3 т. – М., 1994. – Т. 1. – С.176.
6. Там же. – С.142.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

В.В. Корнеев

МОНОКУЛЬТУРА

Под культурой станем понимать форму знаковой адаптации социальной системы к миру и к себе самому. Слово «адаптация» в приведенном определении культуры предполагает максимально значимым постулат о том, что производство продуктов (а также распределение и потребление продуктов труда) первично, а его процесс, в первую очередь, поскольку укоренен в природных потребностях человека и закреплен в рефлексах, иррационален. Для усвоения адаптивных знаковых форм в большинстве случаев не нужно прилагать больших усилий и практически не требуется прилагать интеллектуальных усилий: «Легкость, с какой люди открывают их (социальные законы) для себя и усваивают, поразительна. Это объясняется тем, что они естественны, отвечают исторически сложившейся природе человека и человеческих групп» [1, с. 57].

Родственными этому определению культуры следует полагать определения, в которых культура понимается как форма социального взаимодействия, результатом которой полагается лучшая приспособляемость общества к миру и к себе. Так, например, определение культуры как «комплекса информации, передаваемой негенетическим путем» оказывает наше внимание на научении и знаковых принципах взаимодействия в социальной системе, но ничего не говорит о значении культуры для социальных систем. Но уже определение культуры как «системы адаптации, воспроизводимой негенетическим путем» отвечает нашим требованиям. В определенном смысле, рассматриваемое здесь определение культуры телеологично. К тому же, оно холистично и позволяет рассматривать человека как часть целостного и сложно устроенного мира, не потакавая эгоистическому антропоцентризму. Важным также представляется аргумент о том, что адаптация всех живых существ развивается в русле наибольшего благоприятствования (тезис о локальном наименьшем сопротивлении развитию в природе), что продолжает быть значимым и для человека, если мы стоим на эволюционистских позициях.

Культура может быть представлена как адаптивная знаковая форма, поскольку знаковая адаптация подчиняется общему положению об адаптации, и социальная система не тратит в целом больше необходимого усилий для сохранения гомеостазиса, что присуще любой самоорганизующейся системе. Итак, дальнейшее рассуждение о культуре базируется на следующих характеристиках культуры: 1) культура есть система знаковой адаптации, 2) находящаяся в гомеостатичной социальной системе, 3) развивающаяся в направлении наименьшего сопротивления в среде.

Культура, таким образом, формируется не как нечто изначально «высокое» (сочинения Пушкина, Чайковского и содержимое Русского музея), а как такая форма знаковой адаптации, которая в имеющихся условиях наименее затратна и которая передается (исторически воспроизводится) при помощи системы знаков, возникших и изменяющихся в ней же. Правила знаковой адаптации задаются самыми обыденными законами социального взаимодействия, каковые образуют «исторически сложившееся и

постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия» [1, с. 56].

Смыслом культуры, если бы у нее был смысл с точки зрения природы, можно было бы назвать сохранение (адаптацию, воспроизводство, развитие) социальной системы. То есть культура, будучи активным адаптирующим элементом системы, должна обеспечивать равновесие социальной системы (быть одним из факторов равновесия, наряду с биологическим), служить консервирующим элементом взаимодействия и противиться всему новому, что приводило бы к изменению социальной системы. Воспроизводство культуры поэтому представляет самый значимый для социальной системы процесс, поскольку это суть воспроизводство самой социальной системы в ее адаптивных возможностях. Поэтому от этого воспроизводства знаковых форм невозможно уклониться, и все в социальной системе представляет собой стороны (аспекты) этого воспроизводства и язык этого воспроизводства.

Соответственно, на каждой территории, на которой возможно разнообразие знаковых форм адаптации, формируется множество субкультур, но при этом непременно будет наличествовать некоторое общее основание, культура по преимуществу, некая знаковая форма, преобладающая над другими формами и определяющая основные характеристики знакового пространства, другими словами – массовая культура в социологической интерпретации массовости. Эта культура есть единственный социальный ресурс, в пределах которого, если адаптация будет произведена удовлетворительно, социальная система оказывается способной к продолжению своего существования, ведь может статься и так, что необходимые адаптивные формы не смогут быть выработаны и жизнь определенной социальной системы прервется.

Можно предположить, что массовой, коренной, преобладающей культурой будет именно та форма знаковой адаптации, которая в своих основных неизменных характеристиках сохраняется (воспроизводится) в изменяющихся условиях, позволяя говорить о своей наибольшей адаптивности, и позволяет социальной системе быть адекватной себе и своему окружению в той или иной степени. Представляется понятным, что культура в таком аспекте ее рассмотрения суть не более, чем воспроизводящиеся в социальной системе знаковые формы приспособления, при использовании которых эта социальная система существует достаточно долго, чтобы можно было говорить о ее стабильности.

Бегло осматривая поле социального взаимодействия, я бы выделил три наиболее очевидных для меня сектора:

- моду на западные и восточные формы знаковой адаптации, искусственно занесенные и удерживаемые на территории России,
- профессиональные формы взаимодействия, диктующие свои правила на время такого взаимодействия (каковое значительно меньше самого времени, отведенного на работу),
- бытовое повседневное взаимодействие.

К знаковым модам следует отнести частично воспроизведенные, как правило, нежизнеспособные, и потому часто возникающие и отмирающие формы адаптивного поведения (их часто называют «субкультурами»), поверхностно заимствованные как эстетические стили, а также многочисленные стилевые шаблоны, преимущественно основывающиеся на социально дифференцирующих поведенческих шаблонах (шаблонах престижа). Эти стилевые шаблоны заимствуются из аутентичных субкультур при взаимодействии социальных систем, где они возникают естественным путем в результате эволюции

комплекса знаковых систем. Заимствованные из других культурных эпох и частей света знаковые культурные формы в России приобретают существенно иное значение, чем в тех местах, где они зародились, поскольку наша страна имеет совершенно иные культурные формы адаптации, чем, например, Испания, Германия или США. Будучи привнесенными в чужеродную знаковую среду эстетические стили и поведенческие шаблоны либо довольно быстро отмирают, либо приспосабливаются к среде, приобретая уже иное, отличное от своего оригинального прошлого, значение.

К профессиональным знаковым формам следует отнести все формы знакового взаимодействия (системы языков), связанные со спецификой профессиональной деятельности. Иногда в отдельных, связанных с определенной деятельностью случаях, люди бывают вынуждены вести себя определенным, отличным от обычного, образом. Это поведение, как правило, имеет определенное оправдание в рамках того мировоззренческого комплекса, к которому относится эта знаковая система. Так, например, врачи отличаются от пациентов по форме одежды, по специфическому жаргону, пониманию своего социального места и проч. Столь же специфичны служители культа, программисты или водители-дальнобойщики.

Профессиональное положение, как правило, временно (относительно непродолжительно в течение суток) и не определяет обычных отношений, в которых профессионалы ведут себя сходным с «обычными» людьми образом. Этот момент важно отметить, поскольку во многих случаях профессиональная деятельность оказывает влияние на распределение данных, и ошибочно создается мнение, что демонстрируемый в определенных случаях социальный (профессиональный) статус распространяется на все взаимодействие. Между тем, прямая зависимость базовых форм бытового знакового взаимодействия от профессиональной деятельности не установлена. Так, например, для врачей, священников, учителей априори задается система знакового поведения, которой они часто пытаются следовать «на людях» (и при проведении социологических и культурологических исследований, соответственно), но, оказавшись в «нормальной», естественной для себя ситуации, как правило, прибегают к обыденным и общим формам знакового взаимодействия.

Профессиональная деятельность людей, способствуя воспроизводству определенных знаков в какой-либо относительно изолированной системе, не является определяющей для системной адаптации в целом. Более того, система знаковых отношений в профессиональной области, как частный случай знаковых отношений, испытывает давление со стороны обычных норм поведения, и, в конечном итоге, профессиональная деятельность начинает соответствовать общему направлению адаптации.

Достаточно обратить внимание на форму знаковых взаимодействий хотя бы в нескольких специфических сферах деятельности, где определенная профессиональными нормами форма взаимодействия вступает в конфликт с обыденными знаковыми формами. Преподаватель, например, часто использует практически одновременно несколько различных форм знакового взаимодействия (несколько языков), чтобы говорить «официально», «полуофициально» и «неофициально», для разговора со старшими по служебной лестнице и с младшими, со студентами-отличниками и со студентами-двоечниками. Перемежающиеся формы обращений на «вы» и на «ты», смесь панибратства, демонстративного уважения, безразличия, хамства, заинтересованности, достоинства, лести, разные языковые обороты в разных случаях и различные словари открывают простую вещь, а именно: знаковое взаимодействие в сфере профессиональной деятельности

вторично по отношению к основному массиву бытовых форм взаимодействия, но первые могут успешно маскировать вторые, поскольку вторые «обыденны», а первые «статусны». Статусные же формы знакового взаимодействия используются как раз в тех случаях, когда вероятно, но весьма нежелательно знаковое «смешение»: так лектор, располагаясь на кафедре, злоупотребляет терминами своей науки как раз тогда, когда ему необходимо подчеркнуть статус своего положения.

Относительно профессиональных знаковых форм можно сделать и более общее предположение, сказав о том, что они, возникая на основе культуры как массовой формы знакового взаимодействия, зависят от нее, выступая скорее второстепенными в знаковом отношении субкультурами, влияют на массовую культуру в той степени, в какой они соответствуют путям массовой адаптации. Так, вся страна может делиться на «физиков» и «лириков» не потому, что примет профессиональные знаковые формы какой-то стороны, но потому, что в силу определенных адаптивных потребностей некоторые профессиональные знаковые формы становятся адаптивно более адекватными развитию социальной системы, нежели другие.

Знаковые системы мод и знаковые системы профессионального взаимодействия следует признать второстепенными формами социальной адаптации, вырастающими и развивающимися за счет значительно более широкой и глубокой системы знакового социального взаимодействия, обозначенной выше как «бытовое повседневное взаимодействие». Именно в этом мне видится источник всех прочих форм и основание их устойчивости. Эта первостепенная форма и есть собственно культура, определяющая направление и положение адаптации посредством знакового взаимодействия в социальной системе.

Представляется вполне понятным, что для определения содержания культуры следовало бы рассмотреть ее самые массовые феномены бытового повседневного поведения. Следовало бы, в первую очередь, смотреть на то, как люди ведут себя в самых простых, обыденных ситуациях, массово, раз за разом в своем поведении воспроизводя те знаковые формы (языки адаптации), каковые исторически сложились на том участке географически понимаемого пространства, где им выпало жить.

Следовательно, культурой не должно называться то, что несвойственно большинству или не фиксируется на количестве большем протяжении времени. Культурой не может быть названо теоретически существующее «представление о правильном». Например, представление о том, «как себя надо вести в обществе», если большинство людей не придерживается этого правила в большинстве случаев. Утверждать обратное – означает выдавать за имманентно культурное действие редко встречающийся или не встречающийся феномен, не свойственный нормальным отношениям. Культурным поведением следует называть то, что большинство людей делает большую часть своего времени; некоторый тип поведения, воспроизводимый раз за разом, передаваемый и усваиваемый как форма нормального (стабильного, не требующего дополнительных усилий для своего подтверждения) взаимодействия. Именно эта форма поведения соответствует потребности общества в нормализации и способствует адаптации в обществе большинства людей. Вероятно, могут различаться отдельные формы проявления культуры в различных социальных группах, но тип культуры, если мы говорим о пределах одного общества, должен оставаться один для того, чтобы обеспечивать взаимодействие различных социальных групп внутри одной социальной системы.

Феноменологически эта форма адаптации прекрасно описана А.Зиновьевым в его ранних работах (да и более поздние его работы только уточнили и подтвердили сделан-

ные ранее выводы). Это самая активная форма культурного существования, основное движение (мэйнстрим) которой располагается на вертикальной оси кривой нормального распределения. К этой форме культурного существования следует относить подавляющее большинство складывающихся социальных отношений, примерно, около 70-80% (как это следовало бы из диаграммы эффективности В. Парето). Остальные 20-30% составлены маргинальными культурными отношениями, значение которых, хотя явно существует, не оказывает определяющего влияния на социальное развитие, а служит, скорее, «запасными версиями» развития социальной системы. Следовательно, культура – это такая форма адаптивного социального взаимодействия, в которой одинаково и на одном адаптивном уровне взаимодействует большинство индивидов в социальной системе: банкиры и кассиры, плотники и кочегары, политики и вынужденные мигранты, водители, пассажиры, строители и потребители, посетители и посещаемые, работающие и отдыхающие, пионеры и пенсионеры, женщины и мужчины, млад и стар, и эта форма взаимодействия тотальна.

Фактически, речь идет о неспецифической форме массовой знаковой адаптации, каковая представляет возможность успешного адаптивного взаимодействия для статистического большинства в каждой отдельной ситуации в той мере, в какой используемые знаковые формы распознаются в этой системе и соотносятся с формой, используемой большинством. Вероятно, в этом случае можно говорить о знаковых рамках, в которых средний статистический человек в большей степени адаптируется, нежели рефлексировать над такой адаптацией, поскольку рефлексия возникала бы как преодоление сложностей в адаптации. При этом знаковая адаптация является именно адаптацией и воспроизводит общее направление и условия существования смыслов социальной системы, приспособляющейся к миру и к себе самой по принципу соответствия или несоответствия меньшего большему на основании примитивного разделения «свой – чужой». Это означает, другими словами, что вполне возможно обильное знаковое поле, обильность которого есть только вторичный продукт адаптации, и значимость такого поля исчерпывается необходимостью устойчивого приспособления в сложившейся или складывающейся системе знаков, то есть использования «правильных» знаков против знаков «неправильных». Иначе говоря, это означает, что система знаков и речь, сопровождающая эту систему знаков, в большинстве случаев в рефлексии (осознании происходящего) со стороны актора речи не нуждается. То есть, это значит, что в рамках массовой знаковой адаптации для того, чтобы знаково взаимодействовать (говорить, например), в большинстве случаев не обязательно осознавать происходящее.

В этом смысле стоит повторить слова о том, что «прогресс общества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие социальных законов» [1, с. 57], что в интерпретации, соответствующей наличному текстовому полю, может звучать примерно так: все, что мы называем культурным прогрессом, привнесено помимо культурного мэйнстрима, и даже в противовес ему.

То есть, творения Пушкина, Чайковского и содержимое Русского музея возникают в культуре как вещественное воплощение ее маргинальных течений, как странное извращение, подозрительное, непонятное и ненужное большинству, ценимое абсолютным меньшинством, однако, используемое большинством в своих целях, и часто против меньшинства.

Согласно самым простым предположениям, взаимодействие в пределах указанных массовых отношений должны отличаться определенными характеристиками, а именно: таковые взаимодействия а) массовы (тотальны, в том смысле, что так или иначе касаются всех и переживаются всеми) и б) направлены (в том смысле, что все действия имеют целью максимальную адаптивность при минимальных затратах).

В том, что касается массовости и тотальности, то исследуемая система отношений должна учитывать основной (преобладающий) способ производства, распределения и потребления и соответствовать ему. Следовательно, эта форма взаимодействия должна отражать определенную степень целостности и «собранности» социальной системы и соответствовать этой степени целостности. Другими словами, для социальной системы, сильно раздробленной по характеру производства, распределения и потребления, система знаковых взаимодействий должна представлять пеструю картину, состоять из множества относительно равных по силе субкультур, без явного преобладания какой-либо одной. И наоборот, для социальной системы, в которой производство, распределение и потребление существенно упорядочены относительно общих правил, а сама социальная система существенно «организована» и централизована, должна наблюдаться, при общей количественной бедности субкультур, определенная монолитность и явное преобладание одной из субкультур, по факту принимаемой за основную, которая к тому же будет осмысляться как «образцовая» форма для прочих субкультур.

Кроме прочего, эта система отношений должна быть выражена в определенном количестве узнаваемых, феноменологически фиксируемых поведенческих (этических) шаблонов, а также в шаблонах эстетических. Именно эти знаки взаимодействия и будут передаваться, означая основной массив адаптивных форм. Именно этим знакам станут научиться дети почти вне зависимости от того, что *говорят* им родители (поскольку родители могут пользоваться той ли иной системой знаков «по случаю» так или иначе понимаемого процесса воспитания), но в прямой зависимости от того, что и как родители *делают*. В этом можно видеть простоту и обязательность научения адаптивным знаковым формам: их не нужно учить специально, люди делают это «на собственном опыте, глядя на других, в процессе воспитания их другими людьми, благодаря образованию, экспериментам и т.п. ... В большинстве случаев люди даже не отдают себе отчета в том, что они проходят систематическую практику в роли социальных индивидов, осуществляя обычные, с их точки зрения, житейские поступки. И они не могут этого избежать, ибо, не обучившись социальным правилам, они не смогут быть жизнеспособными» [1, с. 57]. Собственно, этот набор знаковых форм, включающий правила поведения в мире и правила описания мира, передающийся от поколения к поколению, фиксирующий определенный набор знаков социального существования, и есть культура как знаковая форма адаптации.

Если отбросить разнообразные этико-эстетические формы взаимодействия, принимаемые в результате профессиональной необходимости, а также отбросить, как оговаривалось выше, этико-эстетические шаблоны, по случаю заимствованные «на стороне» в результате поверхностного взаимодействия, останется очень немного. Оставшееся следует называть «основной (или доминантной) субкультурой», но, поскольку ее преобладание является абсолютным во всех областях жизни, ее же можно полагать просто «культурой» и описывать как таковую, остальные формы знакового взаимодействия описывая как субкультуры.

Определенная – и весьма при этом значительная – целостность существующей в России социальной системы исторически унаследована от советской эпохи, но даже еще несколько более примитивна, поскольку граница удовлетворения и неудовлетворения основных потребностей делит человеческое сообщество на неравные части, и неудовлетворенных, как кажется, больше. Невозможность удовлетворения основных потребностей объединяет людей по этому принципу значительно крепче и надежнее, чем их удовлетворение, которое как раз, при наличии такой возможности, протекает различно. Я

подчеркну: современная нам социальная система представляется более монолитной как раз за счет неудовлетворенности людей в основных потребностях. Если предположить, что система формируется относительно ресурса, то именно возможность использования ресурса составляет основание для системы, и система существует до тех пор, пока ресурс не будет утилизирован, после чего система распадается.

Современная российская социальная система высокоцелостна потому, что ее жизнь и смерть вращаются вокруг добычи сырья. Высшие лица государства прямо и открыто говорят о том, что наша экономика существует за счет добычи и экспорта сырья (что должно выступать, видимо, доказательством того, что «у нас не как у них» и «их» кризисы нам не страшны). Соответственно, социальная система, существующая за счет моноресурса (каковым является нефтегаз), не может не быть моносистемой и в знаковом отношении. Исключения здесь составляют те социальные группы, члены которых имеют возможность и необходимость наследовать иные знаковые формы адаптации в результате профессиональной деятельности, или имеют безболезненную возможность имитировать аутентичные формы чужих субкультур. Однако таких знаковых форм не может быть много в количественном отношении, поскольку для этого нет материальных условий. Косвенным аргументом в пользу высокой целостности социальной системы могут выступать факты аномально быстрого распространения на территории распространения этих систем тех или иных знаковых форм.

Соответственно, можно с определенной уверенностью говорить, что следствием высокой целостности социальной системы в сфере использования знаков будут:

- a) высокая степень знакового однообразия;
- b) высокие затраты на использование возникающих новых знаковых форм, если такие не соответствуют или не вполне соответствуют основному направлению адаптации;
- c) высокий уровень ксенофобии;
- d) высокая степень зависимости знаковых форм от направленности адаптации.

Высокая степень знакового однообразия может быть зафиксирована в эстетических стилях – форме предпочитаемой одежды, предпочитаемых позах и жестикуляции, модуляциях голоса и проч. В этом смысле можно наблюдать определенные общие модели эстетических форм, например, у чиновников, у банкиров, у милиционеров, у подростков в зависимости от принадлежности к стилевому шаблону и т.д. Но высокая степень знакового однообразия присутствует также и в этических стилях – правилах взаимодействия и доминирующих убеждениях. Для массовой культуры свойственны усредненные формы стилей, позволяющие, тем не менее, как достаточно четко отличать «своих» от «чужих», так и демонстрировать статус внутри социальной системы.

Высокие затраты на использование возникающих новых знаковых форм можно фиксировать в том, насколько трудно в доминирующей культуре усваиваются самые простые идеи, самые простые факты, если они не имеют обыденного распространения и противоречат утвердившимся представлениям. Никакие системные научные представления не имеют шансов в доминирующей культуре, если они не соответствуют ее общим позициям и ее языку.

Собственно, отсюда легко объясняется высокий уровень ксенофобии, имеющий место в современной России. «Чужое» эффективно противопоставляется «своему» именно по причине высокой степени единства социальной системы. «Чужое» отличается от «своего» как раз эстетическими («наши люди так не одеваются») и этическими формами («наши люди так себя не ведут»).

Из этого списка первые три пункта представляются понятными, а четвертый, возможно, стоит пояснить более подробно. Существует зависимость знаковых форм, используемых в социальной системе, от адаптивного пути развития этой системы. Можно вывести правило, используя уже выделенную связь используемых в социальной системе ресурсов и целостности социальной системы: *степень примитивности знаковых систем в социальной системе прямо пропорциональна целостности социальной системы и обратно пропорциональна количеству используемых в социальной системе ресурсов.*

Отсюда следует естественный вывод о том, что социальная система высокой целостности обнаруживает направленность на удовлетворение самых основных потребностей самыми примитивными формами. Опять же, в этом кратком материале сложно делать какие-либо заключения, но то, что массовая культура (в обыденном понимании) сегодня представляет крайне жалкое зрелище, как кажется, признается весьма часто и многими. Не переводя разговор в накатанное русло критики массовой культуры, хотелось бы сказать, что дело не только и не столько в феноменах массовой культуры, а в снижении общей сложности социального взаимодействия, каковое балансирует на грани между затратами на свое усложнение и необходимостью такие затраты производить, отражением чего и выступает массовая культура. При постулировании общей неудовлетворенности такие затраты, что вполне естественно, крайне низки.

В заключение полагаю возможным сделать несколько простых выводов о положении дел.

1. Уровень удовлетворенности в социальной системе настолько низок, что востребованы самые примитивные формы адаптации.

2. Требования к адаптации в системе настолько низки, что оказывается достаточно самых примитивных знаковых форм, чтобы адаптация в системе полагалась успешной.

3. Уровень затрат на использование более сложных знаковых форм настолько высок, что конкурирует с повышением адаптивности и проигрывает (наблюдая за сокращением проявлений культурной жизни, нельзя отмахиваться от этого вывода).

Феноменологически определить преобладание одних знаковых форм над другими достаточно просто, поскольку они открыты для наблюдения, но вместе с тем и сложно, причем как раз по причине этой очевидности и обилия примеров, поскольку полное феноменологическое описание в этой области просто невозможно. Кроме того, принято полагать, что слово «культура» описывает только самые «высокие» образцы знакового взаимодействия. Представляется, что дело обстоит с точностью до обратного – базовые формы культуры абсолютно открыты и доступны. К базовым формам нашей культуры следует относить бытовое хамство, подхалимство, ненадежность, ложь, очковтирательство, имитацию деятельности, умение «урвать», умение «уклониться» самому и «подставить» другого и т.п., что обычно среди приличных людей полагается «неправильными» феноменами. При этом «приличные люди» часто не отдают себе отчет в том, что они, по существу, излагают аномальную социальную позицию, и что социальное взаимодействие часто движется как раз в другом направлении. Стоит только обратить внимание на то, что как раз эти «неправильные» феномены представлены гораздо чаще и в гораздо большем объеме, чем обратные им стороны взаимодействия. Представляется странным, чтобы культура в основном состояла из «неправильных» форм поведения и «неправильных» знаковых систем. Скорее, наоборот – хорошая музыка, хорошая живопись, хорошая литература (Пушкин, Чайковский и иже с ними), достойное поведение эпифеноменальны и акциденциальны в массе базовых знаковых форм, и, по существу,

ву, антикультурны. Таким образом, базовыми формами нашей культуры следует признать поведение на дорогах с высоким количеством ДТП с тяжкими исходами, хулиганство на улицах, битые бутылки под ногами, общую атмосферу социал-дарвинистской ориентации и прочее подобное.

Наибольшей адаптивностью, следовательно, в имеющейся социальной системе обладает индивид, максимально уместно использующий массовые знаковые формы в целях своей адаптации в этой системе. Возможно, кто-то не согласится с этим выводом, но тогда просто задайтесь вопросом – кто в бытовом смысле лучше адаптирован, «гопник» или «ботаник», действительный ученый или администратор, работник или чиновник российского типа? Посмотрите по сторонам – это не исключение, потому что исключение не может быть постоянным и повсеместным, это самая что ни на есть культура, в которой мы живем. Эта культура целостна, обладает своими знаковыми формами, каковые требуется принимать для примитивной адаптивности, чтобы выжить, эти знаковые формы воспроизводятся сами и агрессивно подавляют все иное, что маргинально произрастает на обочинах. Чем выше целостность общества, тем выше нетерпимость по отношению ко всему, что отклоняется от «единственно верной линии развития, поддержанной и одобренной большинством».

Примечания

1. Зиновьев А.А. Зияющие высоты // Зиновьев А.А. Собрание соч. в 10 т. – Т.1. – М., 2000.

СООБЩЕНИЯ

М.Ю. Мартынов, Г.И. Мартынова

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известным тезисом, описывающим взаимозависимость политического режима и проводимой им внешней политики, является «эмпирически установленный исследователями факт», что «... в XX в. государства, в которых существуют укорененные в политической культуре общества демократические режимы, не воевали друг с другом» [1]. Объясняют этот факт внутренними особенностями консолидированной демократии, присущей ей ориентацией на разрешение конфликтов политическими, и, прежде всего, правовыми средствами [2]. В то же время, «... в отличие от консолидированных демократических режимов авторитарные, и особенно тоталитарные, государства, склонные к внешней экспансии, являются источниками нестабильности в региональном или глобальном масштабе» [3]. Например, уже в первые годы существования мировой социалистической системы возникла острая конфронтация между СССР и Югославией. Государства с коммунистическими режимами – СССР и Китай, Китай и Вьетнам – находились в состоянии многолетнего политического противоборства, переходящего иногда в вооруженные столкновения [4].

Но существует ли этот «эмпирически установленный факт»? Конфликты в XX в. вспыхивали отнюдь не только между авторитарными государствами, но и, например, между Израилем и Египтом, между Великобританией и Аргентиной. Причем по накалу эти конфликты, в которых участвовали демократические государства, были гораздо более «горячими», чем противоречия, возникавшие, например, в свое время, между СССР и Югославией или СССР и Китаем.

Если вспомнить историю Второй мировой войны, то Англия и Франция в ее подготовке сыграли не меньшую роль, чем Германия, а США, используя Пирл-Харбор как очень удачный предлог, вступили в нее более чем охотно. Да и сегодня вооруженные силы «коммунистического» Китая и «авторитарной» России находятся на их собственной территории, а США и НАТО воюют по всему миру.

Таким образом, демократические государства действительно не воюют друг с другом, но весьма интенсивно воюют с другими. Следовательно, демократические режимы отнюдь не обладают некими «внутренними особенностями», способствующими «разрешению конфликтов политическими средствами». И именно это является более очевидным «эмпирически установленным фактом».

Объяснение этого феномена заключено в сути самой демократии как политическо-го режима. Демократическое общество – это общество людей с равными правами, людей, защищенных законом. Значит, эксплуатация ими друг друга внутри собственного государства затруднена. Между тем, присвоение труда других людей – один из признаков современного общества. Не имея возможности, в соответствии с «общественным договором», присваивать труд друг друга, члены демократического сообщества делают объектом экспансии другие народы. Неслучайно наиболее агрессивным государством древно-

сти являлся демократический Рим, а в эпоху Нового времени образование демократических государств нашло логическое продолжение в присвоении остального мира в виде колоний. Вряд ли можно оспорить, что изначально именно в этом заключался источник материального благополучия сегодняшней Европы.

Причина же «миролюбия» демократических государств по отношению друг к другу лежит, опять-таки, не в некоей имманентной склонности к разрешению конфликтов политическими, разумными средствами, а в прозаической общности интересов. Объединенная Европа и США образуют особый мир, именуемый сегодня Севером, который консолидирован необходимостью проведения единой политики по отношению к Югу и Востоку, выступающими источниками угроз.

В отечественной публицистике, со ссылками на американских геополитиков, вроде А. Даллеса и З. Бжезинского, иногда высказывается мнение о навязчивом стремлении Запада уничтожить Россию. Однако на самом деле к России у Запада нет особого отношения. Просто экспансионистская природа демократий порождает стремление к перманентной агрессии, а путей такой экспансии, поскольку Европа представляет собой, по сути, громадный полуостров, только два: либо морем на захват колоний, либо по суше – на восток. Несчастье России заключается в ее географическом положении – близости к Европе и расположении на пути ее сухопутной экспансии.

В определенной мере особое и весьма негативное отношение у Запада по отношению к России появляется только после Октябрьской революции. В советской историографии объясняли это страхом капиталистов перед распространением революции на их страны. На самом деле, нереалистичность подобного хода событий выяснилась довольно быстро. Но вот что касается влияния Октябрьской революции на колониальные и зависимые страны, то здесь оно оказалось огромным. Эту революцию по традиции называют социалистической, но на самом деле она носила, в первую очередь, антиколониальный характер.

Вопреки распространившемуся ныне мнению, Россия начала XX века отнюдь не являлась страной, находящейся на подъеме, и страной самостоятельной. Бесспорно, она обладала огромными ресурсами и имела экономические успехи, но все они служили интересам не собственного населения, а западных стран, контролировавших к этому времени половину промышленного и банковского секторов. Особенно наглядно полуколониальная зависимость России проявилась в ее участии в Первой мировой войне. Вступив в нее вопреки собственным интересам, она расплачивалась жизнью собственных солдат за эту зависимость от Англии и Франции.

Возникшее после революции негативное отношение западных стран к Советской России объяснялось не только и не столько тем, что правительство большевиков национализировало капиталы и предприятия, принадлежащие этим странам. Гораздо опаснее было революционизирующее влияние русского опыта на другие колониальные, зависимые страны. Дело в том, что примеры успешных освободительных движений существовали и прежде. Но ранее народы, формально получившие свободу, тут же оказывались в зависимости экономической, не менее тяжелой и унижительной. Это объясняет достаточно снисходительное отношение западных держав к Советской республике на первых порах ее существования, поскольку для них не существовало большой разницы, кто именно будет составлять туземное правительство, если страна сохранит колониальную зависимость.

Однако Россия не только успешно осуществила революцию, но и смогла провести индустриализацию промышленности, добиться распространения всеобщей грамотности

и взлета науки, то есть осуществила модернизацию страны. Именно это создавало притягательный для всего мира образ Советской России. Под непосредственным влиянием успехов Советской республики развивались мощные национально-освободительные движения после Первой мировой войны, особенно в Азии и Латинской Америке. И хотя все они завершились освобождением, и колониальная система сохранялась до второй мировой войны, господство западных держав пошатнулось.

До октября 1917 г. в мире существовала однополярная политическая система, где один полюс – страны Западной Европы – контролировал остальной, колониально-зависимый мир. С появлением Советской России было положено начало формирования бинарной, двухполюсной международной системы, окончательно оформившейся после Второй мировой войны и просуществовавшей до конца XX века.

Экспансионистскую природу западных демократий иллюстрирует и начало Второй мировой войны. Формально, действительно, войну развязали Германия и ее союзники, но ее главные причины имели имманентный характер и были связаны с необходимостью передела колоний, в частности, раздела наследия колониальной английской империи. Второй, не менее важной, причиной являлось стремление Запада ликвидировать второй полюс силы в лице Советского Союза.

Бесспорно, сама по себе демократическая форма правления прямо не вызывает экспансию. Более того, до тех пор, пока в стране не развилась резкая социальная дифференциация, а сами граждане не люмпенизированны, остаются основной трудовой силой, как это было в Греции времен Перикла, развитие общества опирается на внутренние ресурсы. Однако, как правило, это краткий период. По мере нарастания внутренних противоречий, в правящей элите, находящейся под демократическим давлением своих граждан, растет тенденция решать эти проблемы за счет других народов, перекладывать на них бремя эксплуатации, то есть, развивая внешнюю экспансию.

Что же касается авторитарных и тоталитарных государств, то здесь экспансия правящих классов имеет «внутреннюю» направленность, сосредоточена на присвоении труда собственных подданных и удержании над ними контроля. Можно сказать, что если диктаторские и авторитарные режимы несут в себе угрозу для собственных народов, то демократические режимы представляют неизбежную угрозу для других.

Примечания

1. Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — С.248.
2. См.: указ. работу, с.249.
3. Там же.
4. Там же.

В.Г. Посохов, Д.Н. Шкаревский

ОБРАЗОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Проблема образования немецких поселений в Сибири интересует отечественных и зарубежных исследователей уже достаточно длительное время. Однако большинство их работ посвящено изучению адаптации немцев в южных районах данного региона (Омская, Томская, Новосибирская области, северная часть Казахстана). Поэтому основная задача данной работы – выделить основные этапы формирования немецких поселений в Тобольской губернии.

Первым этапом формирования немецких поселений в Тобольской губернии можно считать 1850-1880-е гг. В этот период немцы проживали в Тюкалинском уезде Локтинской волости в старожильческих поселках Рига, Ревель, Гельсинфорг, Ковалева, Иванова. Всего в этих поселениях насчитывалось 39 немецких семей (домохозяйств), которые владели 1 755 десятинами земли [1].

Второй этап образования немецких поселков в Тобольской губернии связан с крестьянской колонизацией Сибири в конце XIX – начале XX в. Стимулом развития данного процесса стал закон 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время», а также открытие Транссибирской магистрали.

Причин, по которым колонисты направлялись в Сибирь, было несколько. Пожалуй, основной из них был земельный вопрос. Немецкие колонии, образованные во второй половине XVIII – начале XIX вв. в Поволжье и на Украине, к середине XIX столетия начинают испытывать «земельный голод». Решение этой проблемы для них становится очень актуальным. В Сибири землю можно было получить в виде пятнадцатидесятинного надела на одну мужскую душу, а также купить или арендовать землю гораздо дешевле, чем в центральной России.

Основными районами крестьянской колонизации в Тобольской губернии были юго-восточный и северо-западный районы земледельческой полосы. Они приняли 80% и 10% переселенцев соответственно. Основными причинами этого являлись: землеотводные работы, природно-климатические особенности заселяемых районов и степень их хозяйственной освоенности, а также стремление поселиться рядом с земляками.

Наиболее распространенной формой поселения немцев-колонистов в Тобольской губернии были переселенческие поселки, возникающие в большом количестве на казенных землях. Помимо этого немцы-колонисты в Тобольской губернии арендовали и приобретали в собственность земли у частных владельцев.

В конце XIX – начале XX вв. на территории Тобольской губернии существовали два основных района немецкой крестьянской колонизации, а именно в Тарском и Тюкалинском уездах губернии, а также одна колония и два имения немцев в Ишимском уезде, три имения в Тобольском уезде и одно имение в Курганском уезде.

В Тарском уезде в порядке переселения и землеустройства образовано между 1897–1908 гг. 17 немецких поселков в составе 263 домохозяев с общей площадью земли в 11 397 десятин [2]. Первыми поселениями Тарских урманов, в которых стали проживать

немцы, стали поселки Межевской, Сагузинский и Эстонский, основанные в 1897 г. Вслед за ними в 1898 г. появились поселки Романовский, Скерлинский, Андреевский, Федоровский; в 1899 г. – поселки Березовский, Александровский, Литковский, Средне-Улюмский; в 1904 г. – поселки Мариинский и Вишневецкий.

Еще одна группа немецких переселенческих поселков в Тарском уезде возникла в годы Столыпинской аграрной реформы. В 1907 г. появились поселки Романовский, Ново-Романовский, Верхне-Бобровский, в 1908 г. – Адамовский. Время водворения переселенческих семей и отдельных домохозяев также неравномерно и колеблется с 1907 г. по 1915 г. [3].

В Тюкалинском уезде было водворено 745 немецких семей на площади в 41 721 десятина земли [4]. Первый переселенческий поселок с немецким населением в Тюкалинском уезде появился в 1899 г. Это был поселок Кирьяновский Круголучинской волости. Все остальные переселенческие поселки возникли уже в годы Столыпинской аграрной реформы. В 1907 г. в Крупянской волости был основан поселок Малиновский; в Корниловской волости – поселок Второ-Фоминский, ставший впоследствии самым крупным по числу жителей немецким поселением в Тобольской губернии (к 1915 г. в нем проживали 162 отдельных домохозяина). В 1908 г. сразу в нескольких волостях Тюкалинского уезда были образованы новые переселенческие поселки. В Троицкой волости появились поселки Березовский и Аракульский; в Царицынской волости – поселок Семеновский; в Бекишевской волости – поселок Тарлыцкий; в Андреевской волости – поселки Золотухинский и Макаркинский; в Больше-Могильской волости Бабаиловский и Масляновский. В 1909 г. в той же Больше-Могильской волости немцами-переселенцами был основан поселок Смаляновский. В Еланской волости в 1912 г. основан поселок Павловский, а в 1913 г. там же еще три переселенческих поселка – Хортицкий, Журавлинский, Сергиевский.

Возникновение немецких поселков на арендованных участках отдельных волостей Тюкалинского уезда Тобольской губернии относится к периоду с 1907 по 1914 гг. Среди них были: участок Помогаевский Больше-Могильской волости, образованный в 1907 г., с числом отдельных домохозяев 56 человек; деревня Окуневка и участок Гуровский Бекишевской волости, возникший в 1908 г.

В Любинской волости в 1914 г. образовались участки: Казанцевский и Беляевский. Собственных участков немецких переселенцев Тюкалинского уезда Тобольской губернии насчитывалось 17 с числом отдельных домохозяев от 1 до 14 человек [5].

Местом выхода немцев-колонистов Тюкалинского уезда Тобольской губернии были такие губернии Европейской России, как Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Волынская, Полтавская, Варшавская, Воронежская, Самарская, Саратовская [6].

В целом в Тарском и Тюкалинском уездах Тобольской губернии к началу Первой мировой войны было 34 переселенческих поселка, в которых проживали около 8 тысяч человек немцев-колонистов, имевших в пользовании 38 410 десятин земли. На арендованных землях немцы-переселенцы владели 3 227 десятинами земли с числом отдельных домохозяев 89 человек. Собственные участки составляли 11 481 десятина земли с числом отдельных домохозяев 59 человек.

В Беловской волости Ишимского уезда Тобольской губернии в 1908 г. немцами была основана колония Петер Фельд, в количестве 24 колонистов-домохозяев с общей площадью земли 1900 десятин. Также в Ишимском уезде Красноярской волости немцы-поселяне Таврической губернии купили в 1909 году 6 500 десятин земли и основали два

имения: заимку «Энс» с общим числом населения обоого пола 10 человек и площадью земельных владений 500 десятин земли и заимку «Видэ» с населением обоого пола 8 человек и площадью земли 6 000 десятин [7].

В Тобольском уезде немцы-поселяне владели тремя именьями в 342 десятины собственной земли. В Курганском уезде в начале XX века существовало одно имение немца-поселенца в две десятины земли с мельницей [8].

Отметим, что немцы-переселенцы в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. в большинстве своем жили достаточно обособленно. Отношения с местным населением устанавливались, как правило, доброжелательные, но имели место и случаи враждебных столкновений немцев с русскими и поляками, возникавшие, по объяснению местных властей, чаще всего на религиозной почве и разнице культур [9]. На наш взгляд, это связано еще и с тем, что примерно 2/3 немцев-иммигрантов относились к категории «самовольных переселенцев», которые самостоятельно занимали земли, начинали вести свое хозяйство и только потом просили разрешение на водворение. Безусловно, подобная тактика не могла не вызывать возмущения со стороны местного населения и иных переселенцев.

По вероисповеданию немцы-колонисты, поселившиеся в Тобольской губернии, принадлежали в основном к лютеранам и меннонитам. Лютеране проживали в Тарском уезде губернии; меннониты активно селились вдоль Транссибирской магистрали, которая проходила вдоль южной границы Тобольской губернии через Тюкалинский уезд.

Немцам-колонистам принадлежит немалая заслуга во внедрении хуторской (фермерской) формы владения землей Тобольской губернии. Многие немецкие частновладельческие хозяйства признавались образцовыми для своего времени. В своих хозяйствах немцы использовали усовершенствованные орудия труда и сельскохозяйственные машины, внедряли прогрессивные способы обработки земли, разводили скот лучших пород.

Таким образом, представляется возможным выделить два основных этапа в формировании немецких колоний в Тобольской губернии:

- 1850-1880-е гг. – период немногочисленной немецкой иммиграции в Тобольскую губернию;

- конец XIX – начало XX в. – период массовой немецкой иммиграции и образования «дочерних» колоний потомков немецких переселенцев второй половины XVIII – начала XIX в.

В результате к началу Первой мировой войны доля немецкого населения в данной губернии составляла 0,1% от всего населения [10]. К 1915 году немцами-колонистами было основано 69 поселений. Они имели в своем землевладении и землепользовании 61 862 десятины земли. Основная масса немцев-переселенцев в Тобольской губернии находилась в Тарском и Тюкалинском уездах.

Примечания

1. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (далее ГУТО ГАТ). Ф. 335. Оп. 1. Д. 1603. Л. 41.

2. ГУТО ГАТ. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1603. Л. 47.

3. Там же. Л. 28об.-29.

4. Там же. Л. 47-47об.

5. Там же. Л. 32-32об.; Л. 41.

6. ГУТОГАТ. Ф. 152. Оп. 54. Д. 14. Л. 133-143.
7. ГУТОГАТ. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1603. Л. 21об-23.
8. Там же. Л. 35.
9. Там же. Л. 74-75.
10. Статистический ежегодник России. 1916 г. – М., 1918. – С. 54.

Т.Ю. Денисова

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРЕПОДАВАНИЮ ИСТОРИИ

Через пропасть между объективно сущим и его пониманием сможет перелететь только искра воображения.

Й. Хейзинга

Утверждение о том, что образование вообще и историческое образование в частности в настоящее время во всем мире переживает кризис, стало общим местом многих педагогических и культурологических исследований. Вместе с тем, часто степень драматизма ситуации снимается редуцированием ее к универсальной проблеме поиска соответствия образования, как системы консервативной, требованиям со стороны динамично развивающегося общества. Однако подобный подход означает не только отказ от подлинного анализа ситуации и ее перспектив, но, более того, означает подмену подлинных задач образования конъюнктурными. Ставя перед образованием задачу обслуживания общества с его сегодняшними потребностями, нельзя забывать и о важнейшей функции образования во все времена – создавать и проецировать если не совершенный, то соответствующий образ этого общества в будущее. Причем, особая роль в этом отводится именно историческому образованию.

Характеризуя ситуацию в современном историческом образовании, хотелось бы остановиться на трех, наиболее заметных его проблемах. Во-первых, переживаемое нами время вообще не является благоприятным для полета гуманитарной мысли. Приоритет принципа функциональности применительно как к отдельному индивиду, так и к обществу в целом имеет следствием насаждение сугубо бухгалтерского, квантитативного отношения к мировым реальностям и ценностям. Алгоритмизация образования, осуществляемая благодаря растущей гегемонии компьютера, «кроссвордизация» живой исторической ткани, происходящая в результате возведения тестирования в ранг основного способа проверки знаний приводят к подмене цели средствами, к фрагментарности знания, упрощению, стандартизации, обеднению мысли. Второй серьезной проблемой является огромный, в принципе не осваиваемый объем разнородной информации, подлежащей обязательному запоминанию. Если учащемуся все же удастся воспроизвести все, «полагающееся по программе», он расплачивается за это потерей возможности развития и доверия к собственной, так трудно рождающейся мысли. И, наконец, проблема с самой давней традицией – это экстраполяция естественнонаучного принципа жесткого детерминизма и однолинейного развития в проблемное поле исторической науки. Практически во всех школьных учебниках истории маячит фантом марксистского подхода к изучению истории, исходившего из обусловленности всех явлений развитием материального производства и остроумно названного Г. Померанцем «одноточной теорией» [1]. Концепция, положенная в основу многих курсов, проста и тем привлекательна: человечество – единый вид, эволюция общества всюду подчиняется одним и тем же законам. Сходство и различия между культурами объясняются, прежде всего, степенью их развитости. Конеч-

но, факты указывают на специфику культур у разных народов, но, по мнению эволюционистов, явления культуры во всем своем многообразии – верования, законы, мораль, искусство – предопределены привычкой, инстинктами, природными факторами. Слабые стороны этой концепции очевидны: культура – не машина, в ней далеко не все предсказуемо, функционально и рационально, однако, школьные учебники воспроизводят ее с поразительным упорством. Конструктивным способом разрешения названных проблем представляется использование культурологического подхода к преподаванию истории. Прежде всего, он представляет гуманистическую идею о полилинейности исторического развития, согласно которой нет культур более и менее развитых – каждая по-своему интересна и ценна. К сожалению, пока эта позиция, несмотря на декларации, не стала внутренним убеждением, и не только в обыденном сознании, но и в науке остается привычка мерить все на свой культурный аршин. Интерпретация многих исторических фактов была бы невозможна, если, не зная социокультурной ситуации, традиций этого народа, использовать только логику и свой жизненный опыт. Так, невозможно понять, почему «Русская правда» предусматривает более тяжелое наказание виновному, который нанес рану противнику кулаком, чашей или рукояткой меча, чем тому, кто ранил противника острием меча, даже смертельно, если не знать, что в это время на Руси формируется воинское сословие, и рана мечом почетна, а любая другая – позорна, так бьют раба.

При реализации культурологического подхода учащийся получает сведения не только о событиях, но и о мировоззрении действующих лиц. Он чувствует колорит эпохи и понимает участников. По замечанию Э.Н. Гусинского, понимание текста возможно в случае понимания личности, его создавшей; понимание же личности, мотивов ее деятельности, смысла поступков и движений ума и души невозможно без понимания эпохи [2]. Таким образом, сам акт понимания, как основополагающая эвристическая стратегия культурологического подхода, позволяет трактовать предмет в его целостности, в системе внутренних связей, в социокультурном контексте. Это обеспечивает, во-первых, определенную степень объективности знания, возможность увидеть явления и события объемно, а, во-вторых, использование культурологического подхода дает возможность сведения многообразных культурных явлений в единое смысловое поле, которое по силам обзреть ученику. Тем самым, изучение исторического материала, избавленного и от излишнего детерминизма, и от излишней эклектики, основанное на понимании, а не запоминании, в конечном счете, подводит к пониманию общечеловеческих ценностей и основных приоритетов развития общества.

Примечания.

1. Померанц Г. Выход из транса. – М.: Юрист, 1995. – С.349.
2. Гусинский Э.Н. Образование личности. – М.: Интерпракс, 1994.– С. 8.

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

С 23 по 27 марта 2009 г. в Сургутском государственном университете прошла традиционная **XIII научно-практическая студенческая конференция**. Цель конференции – выявление творческого потенциала молодежи и развитие интереса к научно-исследовательской работе. В этом году число секций достигло 39, а общее количество молодых исследователей в различных областях науки – около тысячи человек.

Студенты представили научные разработки по таким направлениям как: «Археология, древняя и средневековая история», «История России», «Новая и новейшая история», «Теология», «Политология», «Связи с общественностью», «Биология», «Экология», «Физиология», «Терапия», «Госпитальная хирургия», «Акушерство и гинекология», «Педиатрия», «Морфология», «Системы телекоммуникации», «Автоматика и компьютерные системы», «Физика», «Экономическая теория и мировая экономика» и др. Доклады 117 студентов были отмечены дипломами, 32 докладчика получили благодарственные письма.

2-3 апреля 2009 г. в Тюмени прошла **студенческая олимпиада «Интеллект-2009»**.

Организаторами выступили Департамент образования и науки Тюменской области, Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет. В олимпиадах приняли участие студенты ведущих вузов области и округа. Сургутский государственный университет на олимпиаде представили 39 студентов с разных факультетов, продемонстрировав знания более чем по 25 гуманитарным, математическим и естественнонаучным дисциплинам, среди которых: отечественная история, экономическая теория, философия, политология, социология, менеджмент, юриспруденция, педагогика, психология, русский язык и культура речи, английский язык, немецкий язык, математика, физика, химия, биология, ботаника, информатика и программирование, начертательная геометрия, гидравлика, электротехника, теплотехника.

Результаты, показанные студентами нашего университета на олимпиаде, таковы:

- 1 место – физика, «группа А» - Владимир Терещенко.
- 2 место – химия, «группа А» - Евгений Волков.
- 3 место – ботаника – Мария Горбань.
- 3 место – английский язык «группа А» - Яна Демидова.
- 3 место – отечественная история «группа А» - Александр Иванов.
- 4 место – отечественная история «группа А» - Виталий Панфилов.
- 4 место – русский язык и культура речи «группа Б» - Юрий Гнатюк.

ВЕСТИ ИЗ ЛАБОРАТОРИЙ

Лаборатория комплексного мониторинга загрязнения окружающей среды является структурным подразделением Сургутского НИИ природопользования и экологии Севера при СурГУ. Руководителем лаборатории является **Светлана Ивановна Русак**. Объектами мониторинга состояния и загрязнения окружающей среды являются атмосферный воздух, поверхностные воды суши, почва, очищенные сточные воды, отходы.

Основными направлениями научно-исследовательской и практической деятельности лаборатории являются:

- проведение научно-исследовательских работ по изучению региональных особенностей влияния климатологических факторов на биологические системы и человека, разработка методов исследования комплексной оценки состояния окружающей природной среды;

- проведение мониторинга загрязнения атмосферы населенного пункта (в том числе фонового) в г. Сургуте и Сургутском районе в рамках региональной сети наблюдений загрязнения окружающей среды;

- разработка системы мер снижения загрязнения почвы отходами производства и потребления (технология утилизации, вторичного использования и переработки);

- проведение мониторинга земель города и района с выполнением химико-аналитического контроля по оценке состояния почв, проведение агрохимического обслуживания почв и грунтов города, пригородных хозяйств, включая тепличные грунты и земли дачных участков;

- проведение мониторинга природных, сточных вод с выполнением контроля химических параметров при определении уровня загрязнения водных объектов;

- участие в работе комиссий по предупреждению и устранению чрезвычайных ситуаций в городе и районе в установленном порядке;

- участие в обеспечении учебного процесса студентов СурГУ (лабораторные работы, преддипломная практика, дипломные работы по специализации «экология»), предоставление рабочих мест аспирантам и соискателям;

- изучение региональных особенностей влияния климатологических факторов на биологические системы и человека;

- информирование администрации г.Сургута и Сургутского района и других органов государственного управления, населения упомянутых территорий о состоянии загрязнения окружающей природной среды;

- предоставление комплекса услуг природопользователям по оформлению и ведению нормативно-правовой экологической документации;

- проведение экологического аудита;

- предоставление услуг в области экологической безопасности и оформление документов для лицензирования и экологической экспертизы;

- деятельность в сфере высшего и послевузовского профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации.

Лаборатория гидроморфных экосистем НИИПиЭС СурГУ. В Западной Сибири гидроморфные экосистемы имеют повсеместное распространение и существенно влияют

на природные процессы региона. Разнообразные водные природные объекты (реки, озёра, болота, поймы) занимают до 50% площади данной территории и вмещают различные биологические ресурсы, мониторинг которых необходим для целей их рационального использования и восстановления. Активно развивающееся освоение новых районов Западной Сибири предполагает изменение режима существования различных природных комплексов, в том числе и гидроморфных экосистем, что требует разработки научных подходов к их эксплуатации. Этим и призвана заниматься открывшаяся в сентябре 2008 года лаборатория гидроморфных экосистем, руководит которой доктор биологических наук **Борис Федорович Свириденко**.

Основной задачей лаборатории является исследование естественных биологических компонентов водных природных объектов на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Сотрудниками лаборатории проводится изучение флоры и растительности, сбор первичных фактических материалов по составу и структуре компонентов растительного покрова природных водных объектов региона. Сотрудники лаборатории являются активными участниками международных и всероссийских научно-практических конференций.

В число образовательных задач лаборатории входит подготовка специалистов в области гидробиологии и экологии водных растений. Лаборатория является базой для проведения учебных практик, разработки и чтения факультативных дисциплин и дисциплин по выбору, а также для выполнения курсовых, выпускных квалификационных работ и диссертаций на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Для проведения учебных практик и в целях организации экологического мониторинга водных экосистем на основе фитоиндикационных методов подготовлено к печати учебное пособие «Макроскопические водоросли Западной Сибири: учебное пособие по определению и изучению макроскопических водорослей» (составители Б.Ф. Свириденко, Т.В. Свириденко). Совместно со специалистами кафедры ботаники сотрудники лаборатории подготовили тестовые задания и организовали проведение студенческой олимпиады по ботанике на биологическом факультете 4 марта 2009 г. в г. Сургуте, а также участвовали в подготовке тестовых заданий и проведении областной межвузовской студенческой олимпиады по ботанике «Интеллект – 2009» в апреле 2009 г. в г. Тюмени. Весьма значимым направлением деятельности лаборатории является сбор, систематизация и оформление научных ботанических коллекций гидрофильных растений Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области и других регионов Западной Сибири для учебных и научных целей.

Юридическая клиника открылась при юридическом факультете Сургутского государственного университета в начале 2008-09 учебного года. Идея создания, а также руководство деятельностью Юридической клиники принадлежит заведующему кафедрой уголовного права и криминологии **Дмитрию Сергеевичу Дядькину**.

Основные направления деятельности - юридическая консультация, оказание юридической помощи по гражданским, семейным, жилищным, трудовым, социальным и административным делам на безвозмездной основе. Деятельность Юридической клиники сводится не только к консультированию, но и составлению ряда документов: договоров коммерческого найма, претензий, исковых заявлений, заявлений об обжаловании действий должностных лиц и прочих документов. Работают в данной структуре студенты старших курсов ЮФ, главным образом – студенты четвертого курса. Они оказывают юридическую помощь жителям города преимущественно самостоятельно, а по особо сложным вопросам консультируются с руководителем Юридической клиники, а также с преподавателями факультета.

ВЕСТИ ИЗ ЛАБОРАТОРИЙ

Работа в клинике помогает ее сотрудникам-студентам научиться быстро ориентироваться в конкретной проблеме, найти нужный нормативный акт для разрешения определенной ситуации. С начала сентября сотрудники Юридической клиники помогли более 120 гражданам Сургута.

ПАНОРАМА ВЫСТАВОК

Ангелы рядом

7 апреля в большом зале Музея Истории Сургутского государственного университета открылась экспозиция частной коллекции преподавателя кафедры связей с общественностью Натальи Петровны Бомбы под названием «Ангелы рядом». Выставка была приурочена к великому православному празднику Благовещение. Как известно, евангельское предание гласит о том, что в этот день архангел Гавриил принес Деве Марии весть о будущем рождении Сына Божьего. По православным представлениям, верующий человек, приняв крещение, обретает невидимого ангела-хранителя, бесплотного духа, представленного к каждому христианину на всю жизнь и призванного оберегать его от опасностей.

На выставке было представлено более ста двадцати фигурок ангелов привезенных из разных уголков России (Петербурга, Тюмени, Ярославля, Москвы, Тобольска, Перми, Ижевска, Костромы, Сочи, Самары, Майкопа) и зарубежья (Чехии, Греции, Болгарии, Испании, Швеции, Украины). На выставке можно было узнать об иерархии ангельских чинов, познакомиться с текстами молитв ангелу-хранителю. В качестве экскурсовода выступала сама Наталья Петровна, которая рассказала об истории создания своей коллекции и квалифицированно отвечала на вопросы посетителей. Во время изучения экспонатов можно было также ознакомиться с иерархией ангелов, их предназначением в жизни христиан.

Взгляд через объектив: выставка «Фотомix»

17 апреля в малом зале музея истории СурГУ открылась выставка «Фотомix». На экспозиции представлено более 150 моделей фотоаппаратов и кинокамер. Коллекция принадлежит директору музея истории СурГУ Анатолию Ивановичу Рыжову.

Выставка охватывает период от конца XIX века по настоящее время. Посетители смогут увидеть как раритетные экземпляры, так и совсем недавно бывшие в ходу «мыльницы». Вызывают интерес модели фотокамер, выпущенные в СССР в ограниченном количестве: «Спорт», «Момент», «Электра». Впечатляют большие студийные фотоаппараты с мехом-«гармошкой», известные каждому фотографировавшемуся не так давно на паспорт или прочие документы. Теперь их место заняли цифровые камеры, а деревянные машины с треногами бережно хранят память о прошлом. Практически все фотоаппараты находятся в рабочем состоянии, при желании ими можно фотографировать и даже распечатывать снимки в современных фотолабораториях. История коллекции начинается с первого подаренного А.И. Рыжову фотоаппарата «Любитель», о котором тогда мечтал каждый пионер. С развитием советской фототехники появились «Смена», «ФЭД» и практически недоступная простому покупателю зеркальная камера «Зенит». Эти модели положили начало будущей коллекции. Выставка вызвала живой отклик у посетителей.

Недавно побывавшие в музее члены делегации из Германии с удивлением обнаружили модели немецких фотофирм конца XIX – начала XX века «AGFA», «Wünsche», «Leica» и др., ставшие на родине подлинными раритетами. На открытии выставки фотографы местных СМИ делились впечатлениями и воспоминаниями о приобретении первых в своей жизни фотоаппаратов, а также профессионалы отметили, что выставка

ПАНОРАМА ВЫСТАВОК

го масштаба представлена в городе впервые.

Кукольная жизнь

С 8 по 22 апреля в Сургутском художественно-промышленном училище состоялась выставка авторской куклы ««Doll-Art». Тема выставки: «Авторская художественная кукла – искусство, покоряющее мир». Экспонаты количеством около 150 представляют собой уникальные художественные произведения. Работы выполнены различной технике: текстиль, пластика, керамика, фарфор. В Сургут съехались мастера из разных городов и стран, где существует своя культура изготовления кукол. На зрительский суд были представлены работы «кукольников» из Екатеринбурга, Тюмени, Санкт-Петербурга, Нижневартовска, а также зарубежных мастеров из Голландии, Японии, Израиля, Германии. Национальный колорит присутствовал во многих кукольных образах, это стало отличительной чертой выставки. Приятно было видеть и сургутских мастеров, как профессионалов, так и любителей. По качеству исполнения их куклы ничем не уступали изделиям именитых мастеров и даже внесли «сибирскую изюминку» в образ «своей» куклы. На выставке царила необыкновенная сказочная атмосфера, посетители подолгу стояли у экспонатов, делились впечатлениями, у всех на лицах были улыбки. Выставка словно вернула всех в детство, где чудеса живут рядом. Некоторые экспонаты можно было купить прямо с витрины. Спрос на необычные произведения искусства был настолько высок, что организаторам выставки пришлось пополнять текстильную коллекцию дважды.

Выставку посетило около двух с половиной тысяч человек. Авторская кукла вызывает сегодня большой интерес, особенно в России, где культура изготовления художественной куклы только начинает формироваться.

Буддийское религиозное и китайское традиционное искусство из частных коллекций

С 5 февраля по 22 марта 2008 года в галерее современного искусства «Стерх» при участии галереи антиквариата «Маленькая Япония» (Москва) состоялась выставка, посвященная буддийскому и китайскому традиционному искусству. Более 150 экспонатов были разделены на несколько тематических блоков, расположенных в разных залах. Один из залов галереи повествует о так называемых «танках» – бурятских иконах-свитках XIX века, главное предназначение которых состоит не только в культе молитвы, но и в использовании их для медитации, в ходе которой человек отождествляет себя с изображённым божеством. Другой зал был составлен из экспонатов китайской живописи в стиле «Цветы и птицы», «Зальные свитки».

Во время открытия выставки участникам был предложен просмотр нескольких фильмов: «Тайна тибетской мандалы», «Масляная скульптура Тибета», «Послание Хамбо Ламы», «Одно движение кисти». Фильмы рассказывают зрителям о высших проявлениях человеческого духа в художественных формах искусства.

«Искусство рождается на наших глазах и разрушается, чтобы гармонизировать мир вокруг нас», – так объясняли предназначение искусства на Тибете. И сегодня эти мудрые слова не потеряли своего значения, о чем свидетельствует наш интерес к бережно сохранным древним свиткам.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА

«Большое чтение на 60 параллели» в гостях у сургутских читателей.

Не секрет, что число активно читающих людей, особенно художественную классическую литературу, неуклонно уменьшается. Современный процесс информатизации, к сожалению, также сокращает круг любителей чтения. Уроки литературы в современной школе не всегда выполняют задачу формирования вдумчивого и заинтересованного читателя. Поправить сложившуюся ситуацию и был призван международный проект «Большое чтение на 60-й параллели», стартовавший в конце декабря.

Сургут предпочел для чтения и обсуждения произведения американского писателя Джека Лондона. По мнению организаторов, книги этого автора очень современны, а основные темы, раскрытые в них, близки и понятны северянам: преодоления суровых природных условий, трудные жизненные обстоятельства, неудержимый поиск молодыми своего места под солнцем, важность дружбы, свободы, преданности. В произведениях Дж. Лондона герои преодолевают любые препятствия на пути к цели, и именно любовь к жизни объединяет их с первопроходцами тюменского севера, которые построили здесь города, вырастили своих детей.

Главная цель проекта в Сургуте – привлечь внимание горожан к насущным проблемам становления человека в XXI веке, сделать попытку общественного осмысления сегодняшних нравственных ориентиров.

В рамках «Большого чтения» прошел ряд мероприятий, посвященных творчеству писателя. В научной библиотеке СурГУ была организована экспозиция «С двух берегов. Американская литература XX века в оригинале и в переводе», фотовыставка «Студенты СурГУ на родине Джека Лондона», «Север: природа и люди». Также студенты представили творческие работы, посвященные творчеству писателя, участвовали в конкурсе на лучший перевод на английский язык текста песни В. Высоцкого «Белое Безмолвие». В сургутских школах среди учащихся была проведена викторина, посвященная повести «Белый клык». 3 апреля 2009 года в гуманитарном корпусе СурГУ прошла международная конференция «Этика Джека Лондона и XXI век». 4 апреля 2009 года в центральной городской библиотеке состоялась читательская конференция «Джек Лондон – идеалист и романтик».

В Сургутском художественном музее была открыта выставка работ известного югорского художника Геннадия Райшева, выполненных в экспериментальном стиле цветной линогравюры. Творчество художника посвящено Югре, жизни ее коренного населения и северной природе.

Всех участников проекта одаривали книгами Дж. Лондона. В течение месяца сургутянам подарили более трех тысяч книг с произведениями писателя. Они были изданы специально для этой акции.

Великолепным финальным аккордом, который подвел итог проекту, стал литературный open-air «Белое Безмолвие». Это беспрецедентное для нашего города событие произошло 3 апреля 2009 года на территории спортивной базы «Олимпия». Необычный проект был разработан студенткой 5 курса специальности «Связи с общественностью» Юлией Кляченковой в рамках дипломной работы. Организатором выступил департамент культуры, молодежной политики и спорта Администрации города Сургута.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА

Народные танцы, грандиозный костёр, разнообразные блюда, упоминаемые героями рассказов Дж. Лондона, позволили более 500 участникам окунуться в атмосферу произведений писателя, уловить сходство условий наших северных широт и суровой природы Аляски.

Вечер получил свое название от одноимённого произведения американского классика. Основную свою задачу организаторы проекта видели в раскрытии образа человека, способного выжить в суровых условиях Севера. Этому способствовала также фото-графическая выставка, которая состоялась в рамках open-air. Более 20 фотохудожников представили свое видение жизни на севере.

Хочется верить, что акция «Большое чтение на 60-й параллели» повысит интерес к чтению среди жителей нашего города, привлечет внимание молодежи к художественной классике, откроет всем нам особую красоту сурового северного края.

КОНКУРСЫ

«Северная мадонна»: в ожидании чуда

В 2008 году выпускница факультета социальных технологий СурГУ (специальность «Связи с общественностью») Инга Иванчихина успешно защитила дипломную работу на тему «Социально-культурный проект как один из способов привлечения внимания к социально-значимым проблемам (на примере конкурса красоты для будущих мам “Северная мадонна”»». Главная цель проекта – разрушить стойкий стереотип о том, что во время беременности женщина выпадает из общественной жизни, а также доказать, что будущие мамы могут быть активными, успешными и жизнерадостными.

Стоит отметить, что с этим же проектом И. Иванчихина выиграла конкурс «Золотое будущее Югры – 2008» в номинации «Специалист в области социального управления». «Северная мадонна» стала ее профессиональной «визитной карточкой», но она даже подумать не могла, что спустя год этот проект войдет в десятку самых лучших социальных проектов Сургута. На сегодняшний день это не просто конкурс красоты, а значимое культурное событие в жизни города.

22 апреля 2009 года в Театре Сургутского государственного университета это мероприятие состоялось уже третий раз. Организаторами конкурса была выбрана тема «Джаз». Под живую музыку конкурсантки и пели, и танцевали, и пробовали себя в актерском мастерстве. Для будущих мам музыкальная тема стала символом предстоящего рождения их малышей. Кстати, университет может гордиться тем, что одна из участниц конкурса, преподаватель кафедры связей с общественностью Леся Дмитриевна Ганеева, стала обладательницей приза зрительских симпатий.

Весна в стиле СурГУ-2009: «Назад в будущее»!

С 30 марта по 1 апреля 2009 года в Сургуте прошел XI городской фестиваль «Студенческая весна-2009», а 4 апреля в театре СурГУ состоялся Гала-концерт, где лучшие из лучших были отмечены дипломами.

Конкурс пользуется большой популярностью среди активной сургутской молодежи и уже стал традиционным. Из года в год студенты демонстрируют зрителям и жюри профессиональный подход к творчеству и актерскому мастерству.

Задачи мероприятия заключаются в развитии студенческой активности, раскрытии творческого потенциала студентов и организации их внеучебной деятельности.

С каждым годом число участников увеличивается. В этом году на фестивальной сцене в празднике весны участвовало более 400 человек. В течение отборочного тура, который проходил в три этапа, жюри оценило 60 номеров представителей двенадцати высших и средних профессиональных учебных заведений. Делегация СурГУ состояла из 85 человек, которые объединились в 16 коллективов. На гала-концерт городского фестиваля из них было отобрано 5 номеров.

И зрителей, и жюри удивила оригинальная тематика «Студенческой весны-2009» – стиль и дух времени молодежи 50-х годов XX века (по мотивам нашумевшего фильма «Стиляги»). Хореография, вокал в стиле рок-н-ролл, яркие наряды участников сделали этот праздник молодежи стильным и экстравагантным.

КОНКУРСЫ

Звание Золотого лауреата получили Юрий Стрелец с песней «Очарована – околдована», учебная студия театра пластики и пантомимы «Гротеск» с номером «Жаворонок», театр нетрадиционной моды «Женсовет» с коллекцией «Девушкины песни», коллектив «Персона» с танцем «Womanizer». В номинации «Художественное слово» золото получила Ирина Грипыч с отделения режиссуры с монологом «Муж». Победителем конкурса стала студентка СурГПУ Татьяна Островская. Она завоевала Гран-при, прочитав со сцены отрывок из произведения Людмилы Улицкой «Народ избранный».

Интеллектуальные игры

В феврале 2009 года в Сургуте стартовал фестиваль интеллектуальных игр. «Интеллектуалов» становится больше, и об этом свидетельствует небывалое количество команд, принявших участие в играх. Более тридцати команд съехались из разных городов округа. Одни для того, чтобы подтвердить статус первенства, другие – завоевать чемпионский кубок.

Впервые за последние полтора года победу одержала сургутская команда «Умка», которая показала лучший результат. Фавориты из Ханты-Мансийска (команда «Сансара») в этот раз в призеры не попали.

Среди сургутских предприятий победу одержали знатоки из «Тюменьэнерго». Как отмечает председатель клуба интеллектуальных игр в Сургуте Алексей Кучин, для того чтобы стать участником интеллектуальных игр, необходимы базовые школьные знания, развитое логическое мышление и сильное желание победить.

Мартовский областной фестиваль интеллектуальных игр в Тюмень продолжил серию успешных игр сургутской команды, где она заняла одно первое место и пять призовых. Однако удача оказалась на стороне тюменцев, которые и получили наибольшее количество первых мест.

НАШИ АВТОРЫ

БОМБА Наталья Петровна – ассистент кафедры связей с общественностью Сургутского государственного университета, магистр менеджмента, аспирант Сургутского государственного университета.

ВОРОПАНОВ Виталий Александрович – доцент кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института Уральской академии государственной службы, кандидат исторических наук.

ДЕЛИЦОЙ Анатолий Иванович – заведующий кафедрой всеобщей истории Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

ДЕНИСОВА Татьяна Юрьевна – декан факультета социальных технологий Сургутского государственного университета, кандидат философских наук.

ДОЛГУШЕВА Анастасия Александровна – специалист I категории Управления внешнеэкономической деятельности ОАО «Сургутнефтегаз», аспирант Омского государственного технического университета.

ДОРОГОНЬКО Евгения Валерьевна – старший научный сотрудник лаборатории социологических исследований Сургутского государственного университета.

ДУБОВЕЦ Дмитрий Сергеевич – начальник отдела охраны и экспертизы условий труда Департамента труда и социальной защиты населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

КИРИЛЮК Денис Валерьевич – старший преподаватель кафедры истории Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

КЛЕПИКОВ Максим Сергеевич – аспирант Сургутского государственного университета.

КОМЛЕВА Елена Владимировна – научный сотрудник и докторант Института философии и права Технического университета г. Дортмунда, Германия.

КОРНЕЕВ Виталий Владимирович – доцент кафедры философии Сургутского государственного университета, кандидат философских наук.

ЛИТОВЧЕНКО Ольга Геннадьевна – старший научный сотрудник лаборатории психологии профильного обучения Сургутского государственного университета, кандидат биологических наук, доцент.

ЛЕБЕДЕВ Николай Павлович – ассистент кафедры теологии Сургутского государственного университета.

МАКСИМОВ Евгений Александрович – старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

МАРТЫНОВ Михаил Юрьевич – заведующий кафедрой политологии, заведующий лабораторией социологических исследований Сургутского государственного университета, доктор политических наук, профессор.

МАРТЫНОВА Галина Ивановна – доцент кафедры политологии Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

МАРХИНИН Василий Васильевич (мл.) – старший преподаватель кафедры политологии Сургутского государственного университета, кандидат философских наук.

ПОСОХОВ Виктор Григорьевич – аспирант исторического факультета Сургутского государственного университета.

НАШИ АВТОРЫ

ПРИЩЕПА Александр Иванович – заведующий кафедрой истории России Сургутского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

ПУЗАНОВ Владимир Дмитриевич – заведующий кафедрой теологии Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

САДРИЕВА Валерия Валентиновна – главный специалист отдела охраны и экспертизы условий труда Департамента труда и социальной защиты населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

СЕРДЮКОВ Дмитрий Васильевич – доцент кафедры политологии Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

СИРОТКИНА Татьяна Александровна – доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Сургутского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук.

СНИСАРЕНКО Виктор Анатольевич – заместитель директора, начальник Управления по труду Департамента труда и социальной защиты населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

СОЛОДКИН Яков Григорьевич – заведующий кафедрой истории России Нижневарттовского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор.

УШАКОВА Надежда Владимировна – ассистент кафедры политологии Сургутского государственного университета.

ХАДЫНСКАЯ Александра Анатольевна – доцент кафедры общего языкознания Сургутского государственного университета, кандидат филологических наук.

ШКАРЕВСКИЙ Денис Николаевич – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

ЯКОВЛЕВ Борис Петрович – заведующий лабораторией психологии профильного обучения Сургутского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Представляя материалы к публикации в журнале «Северный регион: наука, образование, культура», просим руководствоваться следующими требованиями:

1. Объем статьи не должен превышать 10-12 с., сообщения, рецензии – 3-5 с., сообщения для рубрики «Вести из лабораторий» – 1-2 абзаца.

2. Материалы принимаются только в электронной версии.

Шрифт Times New Roman 12, интервал – 1,5, только с расширением .rtf или .doc.

Не следует производить табуляцию, разделять абзацы пустой строкой, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения», форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких заливок. Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls). Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif .jpg.

3. Построение материалов:

В начале материала – инициалы и фамилия автора (полужирным курсивом), ниже – заглавие без сокращений, прописными буквами. Нумерация ссылок на источники в тексте – сплошная, список источников по порядку (только тех, на которые есть ссылки в тексте) – в конце материала, т.е. в тексте указывается номер источника (например, [2]), в примечаниях указывается страница источника. Постраничные сноски не допускаются.

Библиографическое описание источника включает:

- фамилии и инициалы авторов,
- полное название работы,
- название издания, в котором опубликована работа (для статей),
- город,
- название издательства или издающей организации,
- год издания,
- том (для многотомных изданий),
- номер, выпуск (для периодических изданий),
- страница, на которую производится ссылка.

4. К материалу прилагаются данные об авторе: полное имя и отчество, фамилия, почтовый адрес, электронный адрес, телефон, место работы, должность, ученое звание и степень (если имеются).

5. Рукопись должна быть выверена и датирована. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае несоответствия требованиям к содержанию и оформлению.

Материалы для публикации, отклики и пожелания, заказы на уже вышедшие номера могут быть присланы по почте (на диске или дискете), либо по электронной почте (e-mail: denisovasever86@bk.ru, копия — на e-mail nreg@surgu.ru).

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№1 (19) / 2009

Главный редактор: В.В. Мархинин
Ответственный редактор: Т.Ю. Денисова

Корректор: А.А. Хадынская
Компьютерная верстка: А.А. Ганеев
Дизайн обложки: А.А. Ганеев

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: образование, наука, культура»
☎ 8-912-813-72-91

Подписано в печать 29.05.2009 г. Формат 70×100/16 Печать трафаретная
Усл. печ. л. 15. Уч.-изд. л. 15. Тираж 200 экз. Заказ № 78.
Отпечатано в полиграфическом отделе издательского центра СурГУ,
ул. Лермонтова, 5, г. Сургут
Тел. (3462) 32-33-06

Сургутский государственный университет ХМАО – Югры,
ул. Ленина, 1, г. Сургут Тюменской обл., 628412
Тел.: (3462) 76-29-00

